

УРОЖАЙ
№ 46

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

ДЕМОНИЗАЦИЯ ЛОКИ
ЗЛОВЕЩИЕ КУЗНЕЦЫ
ТРОЛЛИЙ КРЕСТ

ОБРАЗ ЛОКИ В РАЗНЫЕ ЭПОХИ
ЧАРОДЕЙСКАЯ КНИГА СКУТГИ
BIRKA HISTORICAL TATTOO FEST

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР №46

УРОЖАЙ 2024

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal, Helna Lohen

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художник —
© Lotur Norn

Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

*Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:*

А.А. Хлезову, Анне Блейз, Филипу Люфольку,
Lotur Norn, Евгению Папакуль, Маргарите
Папакуль, О.А.Маркеловой, Esgal, Дмитрию
Даммеру, Тимофею Ермолаеву, Helna Lohen,
Виталию Масалову и проекту авторских
путешествий «На чемоданах», Шамиру
Алкамяну, Ире Хёлууд, Юхану Эйдему
Бергу, кузнецу-художнику ЛИСЕЦЪ, Нурии
Назарец, Александре Седельниковой,
Наталье Шилиной, Cat Bad, Александре
Цехан, Ольге Наумчик, Виталию Гришину,
Alessia Valastro, Kate Vigdis, а также паблику
«Библиотека викинга».

Наши контакты:

<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОСТИ	4
ЛЮДИ, С КОТОРЫМИ НАМ ПО ПУТИ	
Филип Люфольк	11
Lotur Norn	16
ИССЛЕДОВАНИЯ	
«Обыкновенное чудо»: цивилизация северных морей как культурный феномен А.А. ХЛЕЗОВ	22
Восприятие образа Локи в разные эпохи Юхан Эйдем БЕРГ	33
Битва при Клонтарфе глазами ирландцев Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)	35
Принципы мифологизации в романе Нила Геймана «Американские боги» О.С. НАУМЧИК	45
Зловещие кузнецы Анастасия ТИШУНИНА	49
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Birka Historical Tattoo Fest Ира «ИСКРА» ХЁЛУУД	51
ПЕРЕВОДЫ	
Амулет «Троллий крест»: что это и как он работает? Филип ЛЮФОЛЬК. Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	54
Дорога в Хель Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL	56
Демонизация Локи Галина КРАССКОВА, Перевод: Анна БЛЕЙЗ	61
Чародейская книга (Galdraskræða) Скугги Составитель и переводчик: Анна БЛЕЙЗ	75
A Book of Troth Эдред ТОРССОН. Перевод: Дмитрий ДАММЕР	79
СКАЗКИ	
Волшебные исландские сказки	81
РЕКОНСТРУКЦИЯ	
Проект авторских путешествий «На чемоданах» Виталий МАСАЛОВ	84
ВИДЕООБЗОР	
Корабли викингов Виталий ГРИШИН	88
ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ	
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов Перевод: Дмитрий ДАММЕР	90
ПУТЬ К БОГАМ	
Знаки на Пути Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)	91
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Рецепция древнескандинавской словесности в современной исландской детской литературе Ольга МАРКЕЛОВА	95
Скандинавское балладное наследие: фарерский эксклюзив и тайна баллады F33 Евген ПАПАКУЛЬ	103
Редактор (не) против текста: нюансы работы с переводами скандинавской литературы Маргарита ПАПАКУЛЬ	106
ТВОРЧЕСТВО	
Стихи Alina SIGRID	108
Драпа о норнах, Драпа о Торе Ученики Школы руники Александры Цехан	109
Песнь о Харбардах двух (Часть вторая) Шамир АЛКАМЯН	111
Стихи в переводе Анны БЛЕЙЗ	113
Арт Драккар с котиками из металла Кузнец-художник ЛИСЕЦЪ	115
Арт Kate Vigdis	117
Арт Lotur Norn	118

Много дел у белки Рататоск во всех девяти мирах. Не покладая лапок, день и ночь скачет она по великому древу Иггдрасиль и всем его бесчисленным ветвям, спешит то от дракона к орлу, то от орла обратно к дракону. И вот как-то раз, пробегая по Мидгарду, повстречала она редакторов «Северного Ветра», которые как раз стали готовить новый номер журнала и раздумывали над его темой.

— Какому же богу посвятить нам новый номер? — спрашивали мы друг друга. Стоило белке это услышать, как она навестила уши, прыгнула к нам поближе и проверещала:

— Локи! Давно в вашем журнале не было Локи!

— Точно! — подумала редакция и очень обрадовалась подсказке.

— Спасибо за идею, Рататоск! — крикнули мы белке вдогонку, но той уже и след простыл. Только рыжий хвостик мелькнул вдалеке.

Стали мы готовить номер к выходу и лишь потом вспомнили, что слишком уж умные глазки были у той белки, и не по-грызуньи хитрый огонёк в них сверкал, и очень уж вовремя она около нас появилась... Что ж, не иначе как великий хитрец решил в этот раз провести именно нас. Ну ничего. Получай, бог-трикстер, номер журнала, посвящённый тебе! Но чтобы ты не чувствовал свою полную победу, не тебя одного сделали мы главным героем номера. Мы, Локи, тоже не лыком шиты! Поэтому второй основной темой номера мы выбрали кузнецов и их непростое, окутанное множеством тайн и поверий искусство. Приятного всем прочтения!

Доброго Урожая, друзья!
Благословения вам и вашему дому!

Анастасия, Ранхильд, Сигрид, Андвари

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Карточка всех материалов:

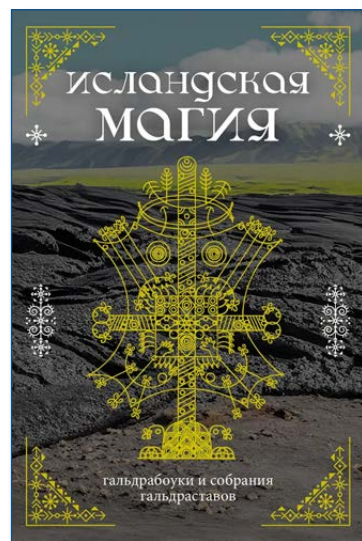
В издательстве «Thesaurus Deorum — Сокровищница богов» вышла новая книга «Исландская магия: гальдрабоуки и собрания гальдраставов»

Составитель и переводчик: **Анна Блейз**

Основу книги «Исландская магия: гальдрабоуки и собрания гальдраставов» составляют первоисточники по исландской магической традиции. Это материалы из рукописных гримуаров, охватывающие период с конца XV до середины XX века: от выдержек из старинного лечебника до полного текста знаменитой «Чародейской книги» Скугги, впервые опубликованной в 1940 году. Издание включает беспрецедентное количество рецептов с гальдраставами (магическими символами) и связками рун, молитвами и заговорами, предназначенными для самых разных практических целей, — более 600.

Раздел коллекций предваряют материалы по истории исландской магии, в числе которых — революционная работа Оулавюра Давидссона «Исландские магические символы и книги заклинаний» (1903), послужившая опорой для многих позднейших исследований. В книгу вошли рунические шифры, магические алфавиты и кеннинги «рун речи» из собрания Скугги, а также небольшая подборка современных гальдраставов, предназначенных для духовно-магических практик.

В издании есть подробные комментарии, тематический указатель и указатель материалов и инструментов, находящихся применение в исландской магии.

Содержание

Часть первая

История исландских гримуаров
Исторический контекст
История магии в Исландии
Исландские магические книги
Боги магии: асы, демоны и Христос
Руны и магические знаки
Исландские магические символы и книги заклинаний

Часть вторая

Тексты и коллекции
Лечебник (Lækningakver), AM 434a
Магическая книга (Galdrabók), ATA Ámb. 2, F 16:26
Тайное (Huld), ÍB 383 4to

Суеверия (Kreddur)
Kreddur и другие рукописи. Магические рецепты
Из коллекции Свена Грундтвига
Из коллекции Оулавюра Давидссона
Из коллекции Йоуна Ауртнасона
Чародейская тетрадь (Galdrakver), Lbs 143 8vo
Тетрадь тайного знания и чародейства
(Rúna- og galdrakver), Lbs 2413 8vo
Тайнописная книга (Leyniletursskræðan), Lbs 764 8vo

Чародейская книга (Galdraskræda) Скугги
Современные гальдраставы
Тематический указатель
Указатель материалов и инструментов
Аббревиатуры
Литература

Заказать книгу можно здесь:

В «Издательстве им. Сабашниковых» готовится к печати уникальное издание полного перевода «Старшей Эдды»: «Эдда. Песни о богах и героях» (в переводе Софьи Свириденко)

Книга познакомит читателя с первым полным переводом «Старшей Эдды» — поэтического сборника древнеисландских сказаний о богах и героях скандинавской мифологии, уникального памятника мировой литературы. Перевод был выполнен Софьей Александровной Свиридовой (псевдоним С. Свириденко) с использованием стихотворных размеров подлинника и применением русского аллитерационного стиха и удостоен большой премии Императорской Академии наук (1911 год).

Первая часть этого труда, «Песни о богах», была опубликована в 1917 году в серии «Памятники мировой литературы» Издательства М. и С. Сабашниковых. Эта публикация была особенно дорога издателю, и он сумел сохранить второй том рукописи для потомков. Полный текст скандинавского эпоса в переводе С. Свириденко впервые публикуется в полном объеме и в современной русской орфографии.

Книга содержит «Песни о богах» и «Песни о героях», введение и предисловие переводчицы к русскому изданию, а также составленный ей развернутый именной указатель, представляющий большую научную ценность. В издание вошли и комментарии современных исследователей: статья О.А. Смирницкой «Софья Свириденко и ее «Эдда», послесловие и примечания научного редактора Д.А. Голованенко, очерк «Возвращение литературного памятника» составителя Е.А. Дорофеевой.

Софья Александровна Свиридова (псевдоним **С. Свириденко**, 1882 — не ранее 1928) — поэт, прозаик, филолог, музыкальный критик и переводчик, автор первого полного перевода «Старшей Эдды» — яркая и трагическая фигура в истории русской культуры начала XX века. Помимо стихотворного перевода «Эдды», ей принадлежит перевод либретто тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга», поэма «Песнь о Сигурде», сочиненная вместо утраченного фрагмента «Эдды», перевод известной немецкой колыбельной «Спи, моя радость, усни», около десяти книг собственного сочинения, множество статей и рецензий.

Эдда. Песни о богах и героях / перевод С.А. Свириденко. — М.: Из-во им. Сабашниковых, 2024. — 640 с. ISBN 978-5-82420-195-6

Научный консультант Ф.Б. Успенский, составитель Е.А. Дорофеева, ответственный редактор О.А. Маркелова, научный редактор Д.А. Голованенко.

Издательство выражает особую благодарность искусствоведу Амине Батановой за помощь и поддержку при подготовке книги к печати.

Издательство также благодарит: О.А. Смирницкую, Г.И. Ганзбурга, А. Вострикова и Е. Островского (за предоставленные материалы и архивные документы), К. И. Кривошеину (внучку певца И.В. Ершова), любезно предоставившую фотографию С. Свиридовой из семейного архива.

Новость о выходе книги, а также интервью с составителями и редакторами уникального издания обязательно будут напечатаны в новых номерах «Северного ветра».

Меч IX века, вероятнее всего, принадлежавший викингу, найден в реке Висла в Польше

Источники:

Автор фото:

Ośrodek Sportu i Rekreacji Włocławek

Перевод и компиляция:

Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Меч IX–X веков был случайно обнаружен в январе 2024 года на дне реке Вислы во Влоцлавке (Польша) и немедленно привлек внимание археологов со всего мира.

Находка, о которой объявил Центр спорта и отдыха во Влоцлавке, является редкой, поскольку до сих пор в Польше было найдено всего восемь подобных мечей. Оружие было обнаружено во время работ по углублению дна на пристани для яхт, о чем было немедленно сообщено в местное управление по охране исторических памятников (WUOZ).

Находка была доставлена в Университет Николая Коперника в городе Торуня для тщательного изучения и проведения рентгеновского анализа. По предварительным данным возраст меча превышает тысячу лет. Его происхождение доподлинно не известно, но эксперты предположили, что он тесно связан с историей викингов. Меч, идентифицированный как Petersen Type S, предположительно датируется X веком, а на клинке имеется надпись «+VLFBERT+».

X век является значимым периодом для истории Польши. Высказываются предположения, что меч мог быть свидетелем становления польской государственности в эпоху Дома Пястов, самой ранней из известных династий в этом регионе. Однако загадочная надпись открыто намекает на его связь с культурой викингов.

Мечи Ульфберта

Мечи подобного типа называются «Ульфберт», поскольку все они имеют отчетливую надпись «+VLFBERT+» или ее варианты. Надпись имеет франкское происхождение, скорее всего, из Рейнской области. Вероятно, это название первоначально использовалось одним производителем, а затем

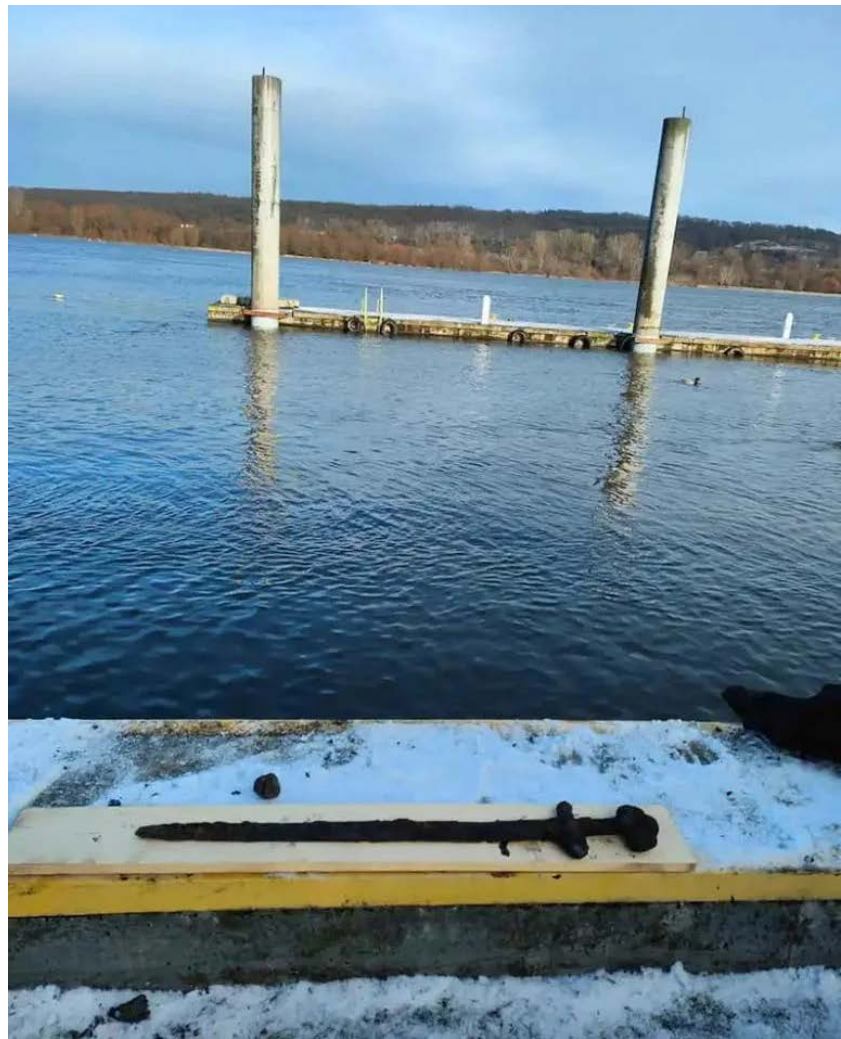

закрепилось за целой группой мечей как знак качества.

Всего по всей Европе было обнаружено около 170 мечей Ульфберта, в основном в районе Балтийского моря и Скандинавии. Эти мечи являются переходным звеном между оружием викингов и средневековья и отличаются высокими технологическими характеристиками. Для их производства использовалась высококачественная сталь с добавлением точно выверенной формулы углеродная смеси, обеспечивающей оптимальную гибкость и прочность. Длина плоского клинка около 80 сантиметров.

Профессор Войцех Чудзьяк (Wojciech Chudziak) из Университета Николая Коперника предполагает, что меч мог принадлежать воину-викингу. Аргументом в пользу этой гипотезы служит стратегическое расположение места находки — города Влоцлавек, где пересекались основные морские и сухопутные пути из Мазовецкой земли (исторической области в северо-восточной Польше) в Киевскую Русь, что подтверждает идею о возможном присутствии викингов в этом регионе.

Однако мнения о происхождении меча и его связи с викингами по-прежнему расходятся. Роберт Гроховски (Robert Grochowski), польский археолог, предостерегает от поспешных выводов, подчеркивая необходимость дальнейшего детального исследования. Он утверждает, что, хотя эти мечи часто называют «мечами викингов», технически они были созданы на территории современной Германии и широко продавались по всей Европе.

Ученые предполагают, что норвежские викинги были гораздо кровожаднее, чем их собратья

Источники:

Перевод и компиляция:

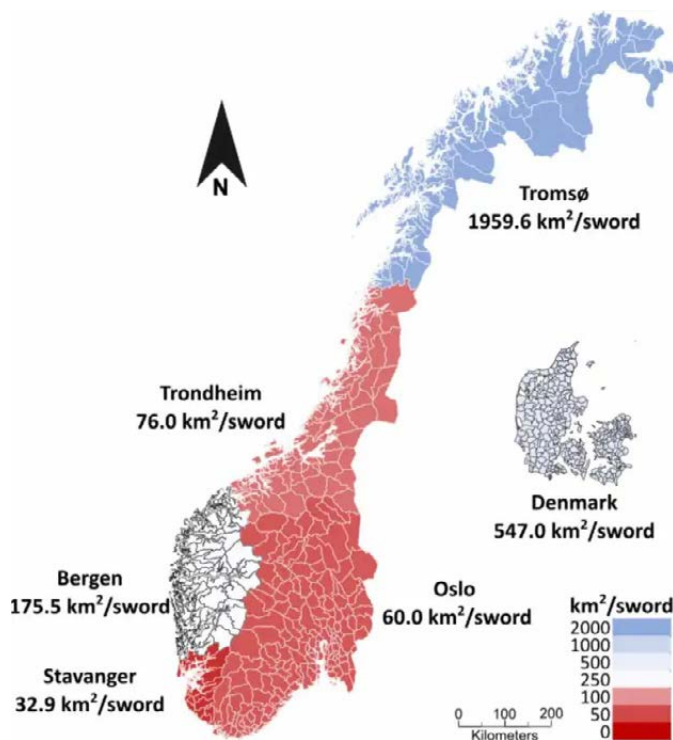
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

В рамках недавнего исследования, опубликованного в журнале Антропологической Археологии (*Journal of Anthropological Archaeology*), приводятся доказательства, что норвежское общество викингов было значительно более жестоким, чем датское. Такие выводы были сделаны на основе комплексного подхода, объединившего археологию, остеологию¹, филологию и социологию. Был проведен детальный анализ следов травм на скелетах, арсенала, рунических камней и других археологических находок, отражающих социальную и политическую структуру скандинавов. Исследование предлагает новый взгляд на различия между двумя обществами викингов.

Исследователи обнаружили, что норвежские викинги обладали непропорционально большим количеством мечей по сравнению со своими датскими соседями. Высказывается мнение, что количество мечей, считавшихся личным оружием и символом статуса, является четким индикатором уровня насилия в обществе. Чем больше оружия — тем более опасная социальная среда, где насилие и угрозы являются обычным делом и, возможно, воспринимаются как часть повседневной жизни.

В противоположность норвежцам, в датском обществе в среднем на душу населения мечей было меньше. В качестве альтернативы у них прослеживалась тенденция к более регламентированным формам насилия, определяемых институционально. Официальные казни были достаточно распространены в Дании, что свидетельствует о более централизованной и цивилизованной социальной системе, где насилие контролировалось властями и не было настолько распространено на бытовом уровне, как в Норвегии.

В большинстве своем следы травм на скелетах служат прямым доказательством физического насилия. В результате остеологического анализа в Норвегии, по сравнению с Данией, было обнаружено большее количество ран и переломов, полученных в результате боевых действий, что подтверждает гипотезу о более жестоком норвежском обществе. В Дании же, напротив, свидетельства физического насилия встречаются реже, а выявленные травмы скорее связаны с официальными наказаниями, чем с драками.

¹ Раздел анатомии, посвященный изучению скелета в целом, отдельных костей, костной ткани — прим. переводчика.

Травмы	Норвегия (30 скелетов)	Дания (82 скелета)
Травы всего	18	6
Не смертельные	10	0
Смертельные (не казнь)	5	1
Казни/повешение	0	5

Исследование также выявило существенные различия в социальной и политической структуре норвежцев и датчан. В Дании общество было более иерархичным, а структура власти — более сложной. Насилие сдерживалось рамками правовой системы, что свидетельствует о более развитой и стабильной социальной организации.

В Норвегии социальная структура общества была более хаотичной. Большое количество оружия и частота его применения указывают на общество, в котором власть была более рассредоточена, а личные споры зачастую решались с помощью силы. Чтобы защищать и поддерживать свой статус нужно было вооружаться.

Кроме оружия и целей его применения о различиях в обществах скандинавов свидетельствуют и цели установки рунических камней. Разумеется, эти цели могли быть совершенно разными, но в целом можно выделить три основных: память о человеке; подчеркивание статуса; документирование преемственности и наследственности.

В Норвегии посвящения на рунических камнях почти полностью основаны на родственных связях. На них нет указаний на титулы, а указываются только отец, мать, брат, сын, дочь, племянник, муж и жена. Почти наверняка норвежские скандинавы считали родственные связи более важными, чем верность любым правителям.

Посвящения на датских рунических камнях совершенно иные: наряду с родственными связями (мать, отец, брат, сын, муж и двоюродный брат), мы также наблюдаем значительное количество титулов. Среди них лорд («dróttinn»), леди («dróttning»), конунг («konungr»), помощник («brutja»), хранитель («heimþegi»), годи («godi»). Особый интерес представляет титул «fegnr», который встречается по всей Дании 12 раз. С Old Norse его можно перевести как «платящий дань», «сеньор» и «свободный человек».

Статус женщин также является показателем эволюции общественных связей. В этом вопросе нам снова может помочь анализ рунических камней, который свидетельствует о несколько более высоком статусе женщин в Дании по сравнению с Норвегией (хотя и весьма условно). Если мы рассмотрим количество рунических памятников, установка которых была инициирована женщинами или совместно женщинами и мужчинами (что является маркером богатства и статуса), — то таких камней пропорционально больше в Дании.

В случае с норвежскими руническими камнями из 31 камня, которые сохранились достаточно хорошо для четкой идентификации:

- 74 % были установлены мужчинами для мужчин,
- 10 % — мужчинами для женщин,
- 10 % — женщинами для мужчин,
- 3 % — женщинами для женщин.

Если посмотреть на процентное соотношение датских надписей (из 97 камней), то:

- 68 % установлены мужчинами для мужчин,
- 7 % — мужчинами для женщин,
- 17 % — женщинами для мужчин
- 1 % — женщинами для женщин.

Исторически все указанные различия могут быть связаны с эволюцией датских и норвежских обществ и их взаимодействием с другими народами и культурами. Попытки регламентации насилия в Дании могут быть результатом влияния континентальной Европы и более ранней интеграции в феодальную и христианскую системы. В Норвегии, с ее более суровым климатом и труднопроходимыми ландшафтами, напротив, в течение более длительного периода сохранялись архаичные и децентрализованные социальные структуры.

5 сентября 2024 года
ушел из жизни Антон Платов

*...Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.*

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава...*

Речи Высокого. Старшая Эдда

Не стало в Митгарде писателя, автора множества книг и исследований по Северной Традиции и Руническому искусству, основателя и бессменного главного редактора альманаха «Мифы и магия индоевропейцев», Главы Дома Ясеня, руководителя школы Северной Традиции «Нордхейм», друга, Мастера, Мага, Учителя. Это глубочайшая потеря для его учеников и читателей, для всех последователей Северной Традиции.

«Сама идея реинкарнации — общая для всего индоевропейского мира и присутствует, в том числе, и в Северной Традиции. То, что мы не находим этому прямого подтверждения, например, в скандинавских текстах, — абсолютно не показатель. Распад Северной Традиции начался уже в середине I тысячелетия н.э.; существующие скандинавские тексты гораздо моложе, не говоря уже о том, что записаны они уже в христианское время.

О возможности вернуться в Мидгард... Мы знаем о пути в Вальхаллу, хотя в этом вопросе я согласен с мнением Гвидо фон Листа, считавшего, что это — путь не только воина, но любого героя. Немного хуже мы понимаем путь в Хель, но можем предполагать, что это — дорога совершивших непростительные деяния и, вероятно, конец пути вообще. Вероятно, всё, что лежит между двумя этими вариантами, возвращает человека в Мидгард».

Из интервью Антона Платова «Северному Ветру», 2014 год.

Мы, последователи, ученики и друзья Антона Платова, поднимаем наши поминальные чаши за Путь героя, что приведет его в Вальхаллу. Да позволят боги нам снова встретиться плечом к плечу в последней битве. А пока время не настало — продолжить дело Учителя и сохранить его память в Митгарде.

Ранхильд и Андвари

Филип Люфольк

Кузнец и блогер

Беседовала и переводила:
Анастасия ЗИМОВА

§ Привет, Филип! Большое спасибо, что согласился на интервью в нашем журнале. Первый вопрос такой: как бы ты сам себя представил?

Привет и спасибо за приглашение. Я кузнец, который куёт значимые для людей вещи и наделяет каждое изделие своей историей. Я хочу вдохновлять будущие поколения, чтобы они сохраняли искусство кузнечного дела и наше культурное наследие, а также глубже понимали наше прошлое.

§ Откуда пошёл твой интерес к кузнечному делу? Вообще, кузнец — это твоя постоянная работа?

Интерес к труду был со мной всегда, сколько себя помню. В юности я больше тяготел к резьбе по дереву. Потом у меня появилась идея изготовить, то есть выковать, свои собственные инструменты для работы. Я сразу же увлёкся и стал всё свободное время проводить в кузнице. Свою первую кузницу я построил в 18 лет. Вначале это было хобби, потом оно стало подработкой, а теперь это моя основная работа.

§ *Где в Швеции можно выучиться на кузнеца, и сколько времени это занимает? Вообще, насколько это популярная профессия?*

Существует несколько школ, которые специализируются на кузнечном деле, а также довольно много краткосрочных курсов. В школах обучение занимает 3–4 года. Учащихся там хватает, но лишь немногие потом занимаются кузнечным делом как постоянной работой.

§ *Какие заказы для тебя являются самыми интересными?*

Я интересуюсь историей, поэтому самые интересные для меня заказы — это копии реальных исторических находок.

§ *Можешь ли ты вспомнить, какой заказ стал для тебя самым неожиданным?*

Трудно сказать. Запросы бывают самые разнообразные. Многие заказчики хотят получить уникальную вещь, так что любой такой заказ может в какой-то мере стать неожиданным.

§ *У себя в блоге ты пишешь о том, что используешь традиционный методковки. Расскажи, пожалуйста, что это за метод. Это та самая технология, которая практиковалась в Эпоху викингов?*

Я стремлюсь, чтобы все мои изделия ковались традиционным методом, что означает без использования электричества. В наше время, например, сварка — это популярный инструмент, но я её не применяю. Хотя иногда мне приходится в своём производстве задействовать современные инструменты, но я всё равно по большей части стремлюсь, чтобыковка каждого изделия осуществлялась как можно более аутентичным

способом. Если мы возьмём современную кузницу и уберём из неё инструменты, работающие на электричестве, то она будет выглядеть точно так же, как и кузница железного века.

§ *Во многих культурах бытовали представления о том, что кузнецы имеют какую-то особую связь с потусторонним миром, духами и т. д. Согласно древнескандинавским мифам, гномы владели искусством выковывать уникальные, не имеющие себе равных волшебные вещи. Есть ли подобные легенды в шведском фольклоре? Ощущаешь ли ты что-то волшебное или сверхъестественное, когда работаешь?*

Конечно, в шведском фольклоре есть много историй о кузнецах, которым часто приписывались магические способности. Однажды я читал историю про кузнеца, который умел откручивать себе голову, чтобы подстричь волосы, а затем приставлять её обратно. Очень практично.

Что касается волшебства, то меня до сих пор каждый день восхищает материал, с которым я работаю. Возможно, я бы не назвал это волшебством или чем-то сверхъестественным. Но работа руками дарит очень приятные чувства, и с любым выкованным изделием у меня складывается совершенно особая связь.

§ Как в твоей жизни появились древнескандинавские мифы? Твоя душа сразу же на них откликнулась, или же они стали играть важную для тебя роль позже?

Древнескандинавские мифы были в моей жизни всегда, но ещё несколько лет назад они не представляли для меня большого интереса. Кузнечное дело само по себе связывает кузнеца с предками, творившими эти мифы. Но сейчас мифы всё больше и больше входят в мою жизнь. Несколько лет назад я начал перечитывать древние тексты намного более осознанно и обнаружил, что в них сохранилось очень много мудрости, которую нужно изучать и осмыслять.

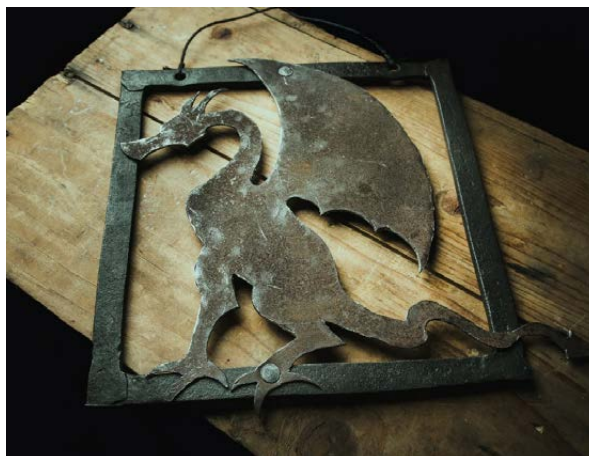

§ Что тебя больше всего привлекает в Эпохе викингов?

Меня впечатляет целеустремлённость: люди в ту эпоху смогли добиться так многого такими малыми средствами. Больше всего меня интересует повседневная жизнь древних скандинавов, и иногда я сам с помощью исторической реконструкции погружаюсь в их быт.

§ Ты активно ведёшь англоязычный блог, где пишешь не только об истории, но и о языческих верованиях в современности. Почему для тебя важно делиться знаниями с другими?

Потому что источники, на которых мы строим все наши теории, относительно немногочисленны

и полны противоречий. Но когда мы делимся мыслями друг с другом, становится легче развивать и углублять наши знания.

§ Что ты думаешь о том, как викинги и их мифы, а также руны сейчас используются в массовой культуре?

Как это произошло и со многими другими культурами, скандинавская культура также подверглась искажениям в восприятии массового зрителя. Я думаю, что, потребляя продукты массовой культуры, человек должен сохранять критический подход. Можно развлекаться, однако не следует доверять всему показанному как абсолютной истине. Но, к сожалению, многие воспринимают показанное буквально и поэтому получают неправильное представление о культуре северян. Хотя, когда появляется интерес к культуре, люди начинают хотеть узнать о ней больше и корректируют потом свои представления.

То же самое и с языческими верованиями: не стоит делать поспешные выводы.

Сохраняя критическое мышление, люди могут использовать их по своему усмотрению. Духовные практики нужны для того, чтобы приносить пользу и добро, а не жить прошлым.

§ *Есть ли какой-то популярный миф о викингах, который тебя особенно бесит и который ты хотел бы искоренить?*

Само слово «викинг» не всегда используется правильно. Ведь оно означало род занятий человека. Конечно, представление о викингах как о свирепых захватчиках исторически верно, но нужно помнить, что занималась этой деятельностью очень малая часть древних скандинавов. Большинство были крестьянами, торговцами, ремесленниками и так далее, и они не очень-то любили разбойников. Но я сам иногда грешу тем, что использую слово «викинг» неправильно, когда иду на поводу у массовых представлений и называю им всё тогдашнее население

Скандинавии. Это, конечно, создаёт неправильную картину. Нужно распространять знания среди широкой публики, чтобы формировались правильные представления.

§ *Ты считаешь себя язычником? Есть ли какой-то бог, который тебе особенно близок?*

В каком-то смысле, наверное, да, но я воспринимаю богов не как некие высшие силы, а как метафоры для обозначения разных явлений нашего мира.

§ *А есть ли такой, который особенно не близок?*

Есть, но я не буду называть. Все древнескандинавские мифы и сюжеты, дошедшие до нас, я считаю одинаково ценными и важными.

§ *Есть ли у тебя любимые места в Швеции, связанные с Эпохой викингов, которые ты мог бы порекомендовать туристам?*

Я считаю интересными абсолютно все захоронения, и, к счастью, в Швеции полным-полно могильных курганов.

§ *Есть ли у тебя какой-то совет новичку, мечтающему освоить кузнечное дело?*

Запаситесь терпением и начинайте с самого простого. Очень многое в кузнечном ремесле кажется сложным, когда пытаешься объяснить и научить другого. Но когда натренируешься и научишься, руки сами начинают чувствовать, как правильно. И вдруг понимаешь, что это на самом деле не так уж и трудно.

¶ *А что посоветуешь тем, кто только начинает изучать культуру Эпохи викингов? На что обратить внимание, чего остерегаться?*

Будьте открытыми ко всему, но сохраняйте критическое мышление. Слушайте и читайте то, что публикуют другие, но выстраивайте и собственную картину. Про многие аспекты Эпохи викингов можно с большой уверенностью сказать, как именно это было, и серьёзными авторами

написано множество хороших книг, которые стоит прочитать. Но есть также многое, чего мы никогда не сможем узнать в точности, и в этих случаях можно доверять различным теориям, но при этом мыслить критически и смотреть на изучаемый предмет с разных точек зрения.

Англоязычный блог Филипа:
[Vikingar och nordisk mytologi — Lufolk \(lufolk-smide.se\)](http://lufolk.smide.se)

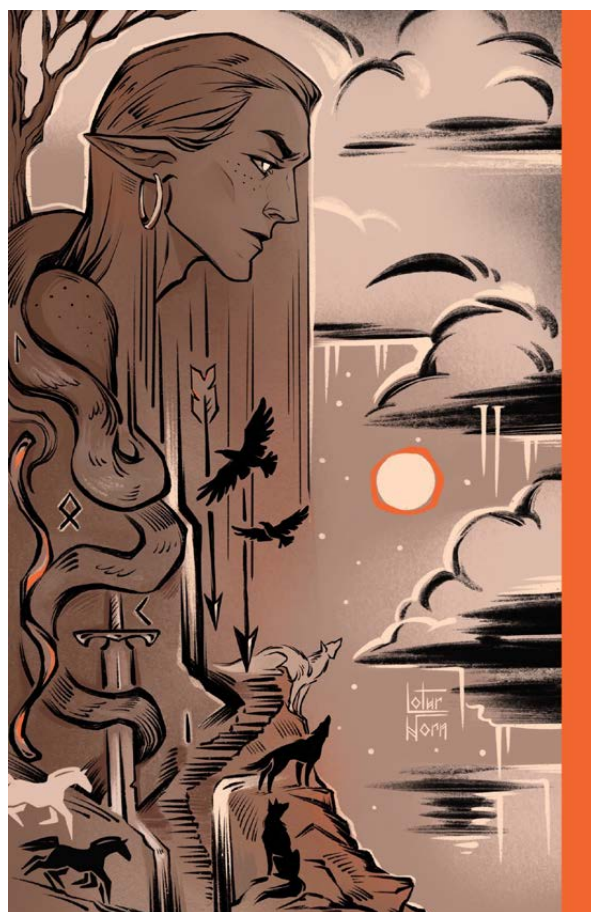
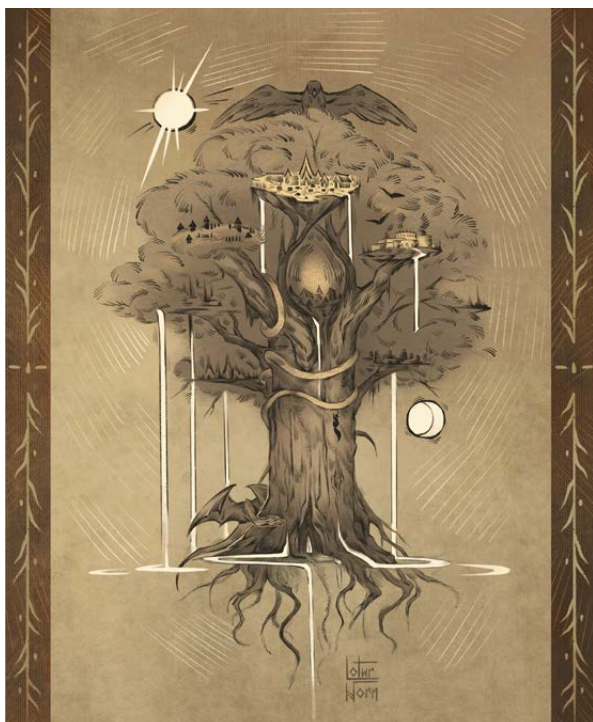
Беседовала:
Анастасия ЗИМОВА

Lotur Norn

§ Привет! Спасибо, что согласились на интервью с нами. Первый вопрос: как начался ваш путь в художественном творчестве?

Здравствуйтесь, спасибо за интерес к моему творчеству! Я помню, что рисовала с самого детства, сначала, ясное дело, что-то самое простое и кривое, а позже это стало способом выразить эмоции, запечатлеть идеи, фантазии, переживания. Как и сейчас, на самом деле :) Если в голове промелькнул интересный образ — скорее хватайся за стилус.

Лет с двенадцати я ходила в изостудию и с годами всё больше понимала, что очень хочу сделать это своей профессией, делом жизни, ведь без карандаша и блокнота я не проводила ни дня. К концу средней школы я уже была уверена в том, куда буду прокладывать свой путь, а затем

последовали четыре года получения специальности. Думаю, этот этап жизни дал мне очень многое.

§ Как появился интерес к скандинавским мифам?

Мой путь к изучению именно скандинавской мифологии сложился немного неожиданно. Мифологией разных народов я увлекалась наравне с энциклопедиями про динозавров, а греческие мифы были одной из первых книг, которые я прочитала самостоятельно. Затем был долгий этап, когда моё внимание было приковано к мифологии Египта. А потом кто-то из родных включил марвеловского «Тора», чтоб на фоне шло, я услышала смутно знакомые имена: Один, Локи, Тор. Решила ради интереса копнуть глубже и провалилась

с головой :) Я помню ощущение, что нашла «то самое»!

Меня очень зацепила манера, в которой скандинавы повествовали о деяниях и похождениях своих богов: они спокойно могли путешествовать по Мидгарду среди людей, совершать ошибки, попадать в нелепые и забавные ситуации. Мало где можно увидеть, что люди, можно сказать, подшучивают над теми, кому поклоняются, и что легенды о них носят такую эмоциональную окраску.

§ А как мотивы скандинавской мифологии проникли в ваше творчество?

В первую очередь, конечно, за счет заинтересованности в тематике. Как только я познакомилась с мифологией, то закономерно начала интересоваться скандинавской культурой и в более широком смысле. Думаю, сами мотивы и их эстетика задают определенную стилистику работам, так как хочется, чтобы атмосфера артов гармонировала с образами персонажей мифов и сохраняла некоторую аутентичность. В скандинавских

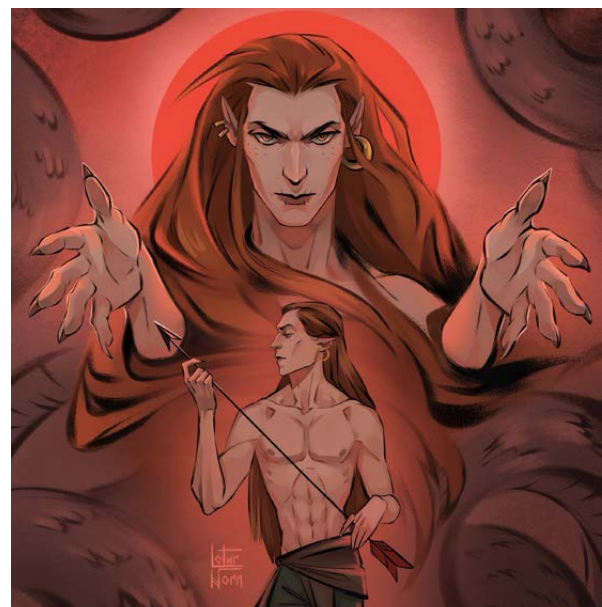
орнаментах или сюжетах, вырезанных на рунических камнях, мне очень запало в душу сочетание острых, угловатых и текуче-плавных линий, переплетений. Наверное, именно эту черту я постаралась перенести в свои работы, можно даже сказать, что это стало основой стилистики, особенно когда я только набивала руку и старалась нащупать нужное направление.

§ Какой сюжет или герой были первыми? Или это сразу же был Локи?

Насколько помню, сначала я просто старалась уловить пластику линий, рисуя животные и растительные орнаменты, но первым персонажем, которого я целенаправленно нарисовала, был Локи. Как-то сразу почувствовала, что с ним будет интересно. Сейчас мне самой уже сложно сказать, это благодаря ему сложилась определенная манера рисования, или он просто органично вписался. :)

§ Чем, собственно, вам так близок именно Локи?

Во время прочтения мифов у меня очень быстро сложилось впечатление, что он является движущей силой многих сюжетов. Довольно внезапной, хаотичной, иногда движимой простым «а что будет, если...?», но это в моих глазах и добавляло мифам с его участием нужный градус авантюризма, внезапности. Локи заставляет события развиваться более непредсказуемо и оживлённо, но порой именно он способен найти выход из

трудной ситуации. При этом не исключено, что сам её и создал. Он — один из богов, но не стремится изобразить величественное благородство, не слишком беспокоится, когда что-то идёт не по плану (особенно если такового нет), просто в последний момент выкручивается, причём чаще в плюс другим богам, чем себе. И это его тоже не огорчает, ведь есть ещё столько всего, к чему можно приложить руку.

Также очень интригует его неоднозначность: он как кошка, которая гуляет сама по себе, у него нет статичной позиции или определённой стороны, за которую он выступает. Локи — не зло ради зла, хотя, чем ближе события подбираются к Рагнарёку, тем менее безобидными становятся

его действия, но и к силам добра его точно не отнесёшь. Мне всегда нравились персонажи-трикстеры, ну а с ним возникла какая-то особая связь.

§ Есть ли у вас какой-то любимый сюжет из мифов, связанный с этим богом?

Сложно выбрать какой-то определённый, но мне точно импонируют те, где присутствует юмористическая составляющая, так что остановлюсь на том, где Тор не слишком убедительно изображал Фрейю ради возвращения своего молота, а Локи — его служанку. Такой свадьбы никому не пожелаешь.

§ Относите ли вы своё мировоззрение к языческому? Присутствует ли каким-нибудь образом практика Северной Традиции в вашей повседневной жизни? Например, гадание на рунах или обряды на праздники Колеса года?

Не уверена, можно ли так сказать, в повседневной жизни это не проявляется как-то ярко выражено. Я не отношусь к этому как вере буквально, скорее как к определённому образу мышления, к которому можно прибегать, чтобы найти вдохновение, силы, внутреннюю гармонию.

На рунах я гадаю, хоть и не часто, это больше способ прислушаться к себе. Никаких особенных

обрядов не провожу, скорее, есть набор несложных действий, которые мне приятно выполнять по настроению, но о праздниках Колеса года не забываю и больше люблю отмечать Йоль, чем Новый год, Самайн, чем Хэллоуин. К слову, сама группа, куда я выкладываю работы, была создана на Остару :)

Ваш взгляд на языческие мировоззрения в современном мире: могут ли они быть актуальны сейчас? Что нового может наш современник почерпнуть для себя из наследия средневековых скандинавов?

Возможно, не всегда в своём изначальном виде, в конце концов, со временем всё претерпевает изменения. Но языческие мотивы определённо живы до сих пор, они могут переосмысляться, местами адаптироваться к современности. Правда, не знаю, насколько это может повлиять на качество. Мне кажется, что в последние годы это направление привлекает к себе всё больше внимания. Отсюда вытекает и ответ на второй вопрос: для кого-то это может стать источником вдохновения, глотком свежего воздуха, тематикой, от которой можно оттолкнуться и создать нечто новое, кому-то даст ощущение связи со временем, когда люди жили в совсем других условиях и ходили рука об руку с богами, духами, и вся их жизнь полнилась традициями, легендами.

Какую нишу может занять художник, интересующийся мифологией и историей Эпохи викингов и желающий использовать и развивать эти темы в своём творчестве? Есть ли у вас какие-то советы начинающим?

На самом деле я сама только начинаю разбираться в этом вопросе, но если исходить из моего опыта, то в первую очередь это иллюстрирование

тематических книг, дизайн персонажей для DnD, и других игр, разработка собственного мерча, отрисовка эскизов для татуировок. Я сама и ещё несколько людей уже ходят с моими работами на теле. :) Если применить фантазию, то вариантов найдется масса. Очень здорово, когда у людей получается гармонично совместить несколько любимых ими вещей и изобрести нечто новое! Так что основной совет, наверное: экспериментировать, искать что-то персональное.

Если это не секрет, то расскажите о своих текущих и будущих проектах, задумках, планах, «проектах мечты».

В данный момент я довольно часто занимаюсь отрисовкой обложек для издательств, недавно воплотила визуал для настольной игры в московском викинг-баре. Один проект мечты был реализован мной этой зимой: серия обложек к песням нового альбома группы «Лёдъ», я с огромной теплотой отношусь как к самим участникам группы,

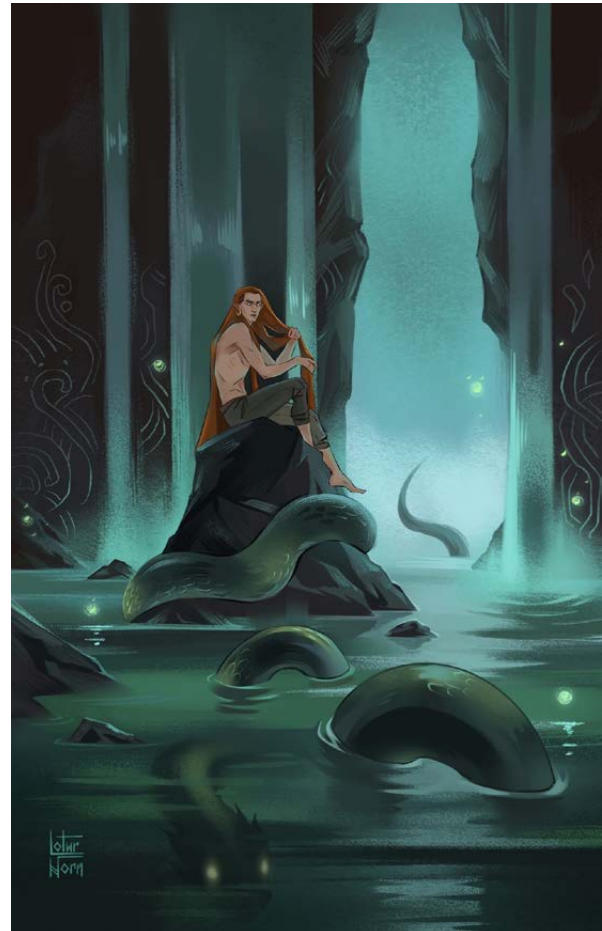

так и к их музыке. Это было одной из самых интересных и вдохновляющих задач, которые передо мной стояли. Рисование иллюстраций к музыке — моя отдельная любовь.

В дальнейшем бы хотелось, чтобы хватило ресурса на отрисовку собственного комикса. Есть задумки как на оригинальную историю, хоть и тесно связанную с северной эстетикой, так и непосредственно рассказывающую об основных персонажах Старшей Эдды. Ещё в мыслях держу идею о создании своей колоды Таро. Все это огромные объёмы работы, но глаза боятся, а руки делают. :)

И традиционный вопрос, которым мы всегда завершаем наши интервью: что бы вы пожелали читателям «Северного Ветра»?

Тем, кто только ищет свой путь — найти его, тем, кто уже идёт по нему — не сбиться. Найти

то, что откликается в душе и суметь сделать это частью своей жизни, чтобы и в самые тёмные времена была дополнительная точка опоры, источник, из которого можно черпать силы. Пусть ваш огонь не гаснет!

Спасибо за беседу!

Страничка автора:
https://vk.com/norna_severnaya

«Обыкновенное чудо»: цивилизация северных морей как культурный феномен¹

© А.А. ХЛЕВОВ

СРЕДИ культурно-исторических регионов Земли Северная Европа занимает достаточно обособленное положение. С момента заселения человеком пространство бассейнов Северного и Балтийского морей представляло собой достаточно унифицированную в основных культурных параметрах зону. В 1986 г. применительно к большей части этого пространства Г.С. Лебедевым была сформулирована концепция «Балтийской субконтинентальной цивилизации раннего средневековья». Как представляется, в действительности границы этого феномена могут быть расширены как географически, так и хронологически. Таким образом, имеет смысл говорить о цивилизации северных морей, существовавшей в рамках субрегиона в течение достаточно длительного периода.

Северная Европа в течение нескольких столетий, предшествовавших началу походов викингов на Запад, прошла длительный и чрезвычайно интересный путь развития. Будучи прародиной нескольких этнических общностей, кардинально изменивших историческую судьбу европейского континента, — в частности, германцев и в определенной степени кельтов — она на рубеже старой и новой эры послужила отправной точкой большинства импульсов, сформировавших в результате новую, средневековую Европу. Великое переселение народов, осуществлявшееся, прежде всего, германскими племенами, стало мощнейшим культурогенетическим импульсом. Но в результате импульс этот, отраженный и несколько измененный, вернулся на Север, инициировав формирование чрезвычайно самобытной и яркой культуры вендельского времени (VI–VIII вв.). Вендельская эпоха не только стала одной из вершин североευропейского культурного пространства, но и послужила базой окончательного формирования «цивилизации северных морей», расцвет которой пришелся на эпоху викингов. Это единство явилось своеобразной и весьма адекватной альтернативой почти угасшему в тот момент очагу средиземноморской цивилизации. Характерно, что именно скандинавская версия «героического века» стала эталонной на весьма обширных пространствах от Британских островов до Урала.

*ХЛЕВОВ Александр Алексеевич,
доктор философских наук,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры «История»
Института общественных
наук и международных
отношений, Севастопольский
государственный университет;
профессор кафедры истории
и международных отношений,
филиал Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова.
e-mail: hlevov@mail.ru*

¹ Статья впервые была опубликована в вестнике Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Выпуск 2 257

Практически все известные нам «кирпичики» северной культуры, фиксирующие достаточно архетипические черты «джентльменского набора» сознания и поведения скандинавов вплоть до полного торжества христианской доктрины, в конечном счете, восходят именно к эпохе Великого переселения народов.

Что же касается вендельской эпохи, то она продолжает оставаться во многом загадочной. Процесс создания первых надплеменных сообществ, основанных изначально на общности культовой практики, то есть, в конечном счете, на общих идейных доминантах большого количества людей, являющийся одной из важнейших характеристик времени, может быть рассмотрен с привлечением относительно однопорядковых исторических аналогий (как, например, «реформация» языческого пантеона русским князем Владимиром). В свою очередь сами центристремительные идеологические тенденции Скандинавии — в доступной рассмотрению части — служат блестящей эталонной моделью для аналогий.

Вендельское время воистину было коконом, в котором окончательно сложился и вызрел весь тот набор ценностей и характерных особенностей северной цивилизации, который и был выплеснут в окружающий мир с началом экспансии викингов. Именно этот набор, своеобразный «экспортный вариант» северной культуры, определил своеобразие и саму потенциальную возможность внешней культурной экспансии. На просторах Балтийского моря скандинавами были опробованы и доведены до совершенства все те формы экспансии и культурного экспорта, которые были обращены на Западную Европу после 793 г. В этом смысле эпоха викингов началась по меньшей мере за три столетия до ее «официального» начала и имела вдвое большую хронологическую протяженность.

Традиционно Фенноскандия раннего средневековья рассматривается как некий весьма архаичный регион, консервирующий в себе черты, давно уже несвойственные остальному европейскому пространству, а потому — как некое отклонение от «магистральной» линии развития, что позволяет говорить об особом «скандинавском пути феодализации». Однако равно справедливым кажется и альтернативный тезис о том, что, напротив, именно европейский Север является магистралью европейской эволюции. В самом деле, традиционное и устоявшееся принятие в качестве эталона развития ярко выраженной контактной зоны романо-германского синтеза, каковой выступает «феодальный центр» Европы в лице Северной Франции и Западной Германии (Гуревич А. Я. История и сага.— М., 1972), выглядит в известном смысле весьма сомнительным. Здесь мы неизбежно столкнемся с дилеммой методологического выбора между тем, что именно должно считаться эталонным — синтез нескольких культур или саморазвитие гомогенной культурной традиции, лишь в небольшой степени отягощенное внешним влиянием? Импульсы Рима и Востока неисключимы из культурной истории Севера, без них она была бы принципиально иной. Однако допустимо утверждать, что Скандинавия в частности и Фенноскандия вообще, применительно к раннему Средневековью, — это то, чем могла стать, но не стала вся варварская Европа, не будь массивированной военной и духовной экспансии Римской Империи и активного натиска христианства, то есть некий образец относительно независимого саморазвития культурной традиции.

Одновременно наш регион выступает и как яркий пример сообщества «романского» и, конкретнее, «восточно-романского типа»². Фенноскандия, на раннем этапе своего включения в систему европейских связей находясь вместе с Русью и Восточной Европой в орбите дальнего, но преимущественно константинопольского, восточно-римского, византийского влияния, по определению должна была оказаться на несколько ином пути трансформации и синтеза традиций, чем другие страны Европы.

Отношение к скандинавской культуре раннего средневековья отмечено определенной двойственностью, тяготеющей к взаимоисключающим крайностям. С одной стороны, очевидны попытки

2 Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.— С. 262–265. 259

представить ее как некий очаг архаического застоя, зафиксировавший в себе давно изжитые другими культурами черты и в силу этого неспособный оказать на них сколько-нибудь положительное влияние. В соответствии с подобной концепцией скандинавская культура рассматривается как агрессивно-деструктивная реальность, что, якобы, находит полное подтверждение в исключительно разрушительной деятельности викингов.

С другой стороны, напротив, скандинавам приписываются особые, неприсущие другим культурным общностям, качества, особый дух и харизма, каковые придают им статус культуртрегеров, призванных ходом истории способствовать прогрессу сопредельных культур. Это положение, в частности, явилось одной из важнейших предпосылок вульгарного норманизма, весьма поверхностно и неадекватно оценивавшего роль варягов в ранней русской истории. В целом же подобная позиция выступает как позднейшая реминисценция известной арийской идеи, примененной к скандинавской ветви германцев. Содержавшая немало зрелых и разумных зерен истины, эта идея, гальванизированная стремлением сначала Пруссии (в 1860 х гг.), а затем Германии (в XX в.) к гегемонии в Европе и мире, к сожалению, перешла разумные границы, что существенно понизило ее авторитет как научной теории.

Истина, как чаще всего и бывает, лежит посередине. Не отрицая общей архаичности северной культуры, мы не можем не признать самой условности понятия «архаика», а также того обстоятельства, что Скандинавия была вплетена в конкретный исторический контекст и существовала в окружении стадияльно близких, а порой еще более архаичных культур. Отдельные области культуры получили здесь — в силу географических и других причин — особо мощный импульс к развитию, другие, напротив, остались в несколько угнетенном состоянии. Так, в сфере боевого искусства и военного дела, а также в области кораблестроения северяне, без сомнения, могут претендовать на роль «локомотивов» и культуртрегеров не только в рамках «клуба аутсайдеров» Северной и Восточной Европы, но и гораздо более обширных пространств. Что касается политической культуры или отдельных сторон быта, то здесь никакого относительного прогресса не обнаруживается.

Такая же базовая характеристика культуры, как адекватность ее приспособления к условиям окружающей среды, вообще не поддается четкому сравнительному определению, так как каждая культура, выживающая в борьбе с природой и продолжающая существовать, адекватна — хотя и совершенно по-своему. Она в этом смысле равна самой себе. Сравнительные оценки и суждения в этой сфере возможны исключительно условно и с оговорками. Единственная реальность, которая выдерживает сравнительную критику, — это способность культуры адаптироваться к резким и катастрофическим изменениям природной ситуации или появлению нового культурно-агрессивного окружения, сохраняя свою сущность, а также время, необходимое для такой адаптации.

Коренной цивилизационной особенностью культур этого круга, и прежде всего скандинавской культуры, являлось выраженное тяготение к морскому образу существования, что было предопределено географией региона и оказало принципиальное влияние на пути его развития. Учитывая весьма дальние пределы, на которые распространился ареал германской культуры в эпоху Великого переселения народов, а также чрезвычайно активное взаимодействие ее с другими культурами в этот период на всем пространстве европейского континента и значимость этого процесса как для общегерманского, так и для скандинавского культурогенеза, невозможно исключить из сферы внимания и европейские владения Рима.

В соответствии с этим отчетливо выделяются три географические зоны:

Зона I, соответствующая упомянутому географическому ядру и включающая Ютландию и юг Скандинавского полуострова с прилегающими островами.

Зона II, совпадающая с территориальными границами Балтийской цивилизации — от Британских островов до Восточноевропейской равнины и от северной части Фенноскандии до Центральной Европы.

Зона III, включающая в себя контактный регион передвижения и культурного взаимодействия с инокультурными обществами германских племен, от Северного Причерноморья до Атлантического океана и от Центральной Европы до Северной Африки.

Культура Скандинавии и германцев вообще была отнюдь не первобытной. Когда мы употребляем термин «первобытность», его следует четко дифференцировать от термина «архаика».

Культура Севера была культурой традиционной. Роль непосредственной преемственности опыта, стабильность уклада существования, правовых и моральных норм, практическое отсутствие признаков «цивилизованного» быта (урбанизации), наконец, общая хронологическая оторванность от культурных стереотипов нового времени и промышленного общества характеризуют ее как классическую традиционную систему.

Однако признать ее первобытной совершенно невозможно. Скандинавские германцы принадлежали к той прослойке архаических племен, которые начали реализовывать дезинтегрирующие первобытную структуру тенденции на чрезвычайно высоком технологическом уровне. Базисные характеристики общества были весьма высоко развиты, в большинстве сфер не уступая, а в отдельных (как в кораблестроении) явно превосходя «прогрессивную» периферию. Допустимо говорить лишь о пережиточной консервации в обществе отдельных сторон первобытности и первобытных представлений. Вторая сторона — непосредственная преемственность, связывающая германцев и скандинавов «эпохи Инглингов» с современными жителями Европы. Германцы, составившие этнический костяк европейской цивилизации, передали ей в наследство чрезвычайно устойчивый комплекс психосоматических характеристик, актуальный и по сей день. Представитель европейской цивилизации, рефлектирующий относительно ее прошлого, опирается на достаточно надежный базис — гораздо более надежный, чем наследие античного мира. Средиземноморская цивилизация является приемной матерью по отношению к Европе, в то время как глухие леса тацитовой Германии и «острова Скандза» — ее природная, биологическая прародительница. Как раз для проникновения в сознание человека античности европеец должен делать усилие и совершать качественный скачок, в то время как для реконструкции мышления и поведенческих характеристик скандинавского германца необходимы гораздо меньшие затраты. Главной и магистральной линией преемственности европейской цивилизации является германо-кельто-славянская, но не античная, и она в гораздо большей степени, чем последняя, близка нашему восприятию.

Культура Севера обнаруживает устойчивую преемственность в своем развитии в течение нескольких тысячелетий. Устойчивость эта была продиктована как географической обусловленностью достаточно своеобразного типа природного окружения, повлекшего выработку весьма стереотипных форм реакции, так и надежной преемственностью проживавшего здесь населения. В рамках рассматриваемого «периода Инглингов» зона I образует своего рода «котел-месторазвитие», перевернутый крышкой вниз, если представить, что верх у карты находится на традиционном севере. С трех сторон — севера, востока и запада — этот котел был достаточно надежно ограничен либо морскими пространствами, либо малопригодными для освоения землями. Чрезвычайная редкость населения в приполярной зоне не создавала угроз нашествия с севера, как не создавала и вообще избыточного давления на этом направлении. Даже приток самодийских племен на рубеже и в первых веках н. э.³ кардинально ситуацию не изменил. Весь последующий ход событий показал, что север всегда для скандинавов оставался объектом экспансии, но не источником угрозы.

Оставалось южное направление. Баланс природных сил и человеческой деятельности был настолько неустойчив, что любое, и даже самое незначительное, его изменение вело к провоцированию переселенческих потоков — более или менее массовых — за пределы зоны I. Изпод «крышки» северного котла вырывался пар, дававший знать о себе всему континенту. Эта

3 Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры // Народы Азии и Африки. — 1968. — No 3. — С. 122-125.

закономерность действовала постоянно и являлась наиболее объективным фактором сложения культуры Севера.

В контексте культурной экологии Д. Стюарда и его последователей (М. Салинса и др.), концентрировавших внимание на исследовании адаптационных способностей общества по отношению к окружающей среде, зона I представляет собой весьма показательный пример. Культурно-адаптационная специфика находит отражение в определенном культурном типе, базирующемся на основных характеристиках собственно ядра культуры. При этом ни ядро, ни тип не пребывают в неизменности, ибо изменяется как объективная составляющая среды обитания, так и, в особенности, те стороны экологического континуума, которые подвергаются культурно-антропогенному воздействию. В Северной Европе сформировался хронологически весьма устойчивый хозяйственно-культурный комплекс, базировавшийся тем не менее в значительной степени на присваивающих областях экономики — охоте, рыболовстве и достаточно рискованном скотоводстве, в особенности в северных областях и западном (норвежском) субрегионе зоны I. Устойчивость эта была относительной, что подтверждается фиксацией в течение весьма продолжительного времени в скандинавском обществе архаических обычаев регулирования рождаемости — «вынесения детей»⁴. Сами походы за пределы региона и массовая колонизация происходили в значительной степени в результате частных и локальных нарушений заданного экологического баланса. Разбалансировка с эмиграционными последствиями, таким образом, происходила достаточно легко, что позволяет охарактеризовать культуру Севера в целом как типичную культуру неустойчивого экологического равновесия. С одной стороны, это придавало ей потенциальную мобильность; с другой — способствовало удачной и безболезненной приживаемости на новом месте. Показательно, что в эпоху заморских походов северяне создают в местах нового обитания колониальные единицы с явно выдающимися социальными, экономическими, политическими и военными характеристиками. Нормандия и Сицилия, область Денло и поселения с существенным присутствием скандинавского элемента на Руси — все это регионы-лидеры, явственно «тянущие» за собой окружающие их земли и отчетливо демонстрирующие пусть и не очень большую, но все же новую ступень по сравнению со стабильной автохтонной периферией. Культура, ориентированная на избыточное напряжение у себя на родине, попадая в более «льготные» условия, в течение некоторого времени инерционно демонстрировала свой высокий потенциал.

Другая сторона данного неустойчивого равновесия — подтверждение культурно-экологической гипотезы о воздействии природного окружения на психологические характеристики личности, носящем не прямой, а опосредованный типом деятельности характер. В обществах, располагающих преимущественно неаграрным базисом, образуется психологический тип личности, для которого характерны самоуверенность, стремление к индивидуальным достижениям и независимости. Сообщества с доминированием скотоводческой составляющей в хозяйственном цикле обнаруживают в усредненном психологическом портрете своих членов преобладание открытости и незавуалированного выражения агрессии. В целом из этих качеств складывается самоутверждающийся тип личности⁵.

Действительно, аграрные общества явно менее склонны как к спонтанным массовым переселениям, так и к эксцессам, связанным с периодом военной демократии. Это обстоятельство является главным корригирующим моментом при оценке теорий стадийного развития. Любой эволюционный процесс неизбежно направляется воздействием в том числе и географических факторов, действующих прежде всего через адаптацию хозяйственной культуры. Мир Севера в I тыс. н. э. обладал большой потенциальной энергией, при этом виды жизнеобеспечения были, по сути своей, провоцирующими экспансию в той или иной форме.

Культура Северной Европы в рассматриваемый период — культура поиска и испытаний. Германцы оказались на историческом перепутье, войдя в непосредственное соприкосновение с Империей.

4 Гуревич А. Я. *Походы викингов*. — М., 1966. — С.

5 Barry H., Child I., Bacon M. K. *Relation of child training to subsistence economy* // *Amer. Anthropol.* — 61. — 1959

Римские импорты и, соответственно, римское культурное воздействие с начала н. э. начинают оказывать существенное воздействие на германский мир — что вполне отражается термином «римский железный век».

Первые века н. э., римский железный век, оказались эпохой дифференциации. В это время достаточно отчетливо обнаруживала себя граница, разделившая племена на континентальных и северных германцев. При сохранении общих черт культуры практически во всех ее областях — языке, мифологических праосновах, в сфере материальных ценностей — начинают закладываться фундаментальные начала будущего обособления.

Оказавшиеся на континенте племена оказывались с неизбежной закономерностью вовлеченными в круговорот культурного обмена, происходившего в Европе. При этом здесь присутствовала совершенно отчетливо выраженная доминанта — римская культура. При всем упадке, свойственном позднеантичному обществу, традиции, накапливавшие свой потенциал веками, действовали с неменьшей силой. Вся история раннесредневековой Европы — концентрированное проявление той самой «тоски по Империи». Дракон, лежащий на сокровищах, был повержен. Повержен не столько силой противников, сколько собственным внутренним разложением. Однако проклятие, лежавшее на охраняемом им богатстве, вместе с самим этим богатством, было унаследовано новыми хозяевами континента. Ушедшие в Европу германцы были поглощены водоворотом цивилизационного процесса, сплавлявшего в единый слиток все культурные потоки континента. Кельтские и римские, гуннские и германские черты культуры входили в соприкосновение.

Однако вспомним Шпенглера: нет никакой прямолинейной преемственности в истории; новая культура впитывает из опыта прошлого лишь то, что отвечает ее внутренним потребностям, а значит, в определенном смысле она не наследует ничего. И это действительно так. Ищется новая форма общества и его стратов, ищется новая форма самовыражения в искусстве. Континентальные германцы унаследовали от римлян церковную и государственную структуру — они были уже сформированы и отточены до безупречного состояния, потребность в них была очевидна, а собственные аналогичные институты отсутствовали в принципе. Был принят и очень быстро усвоен алфавит — определенными слоями населения также и вместе с латинским языком. Чрезвычайная пластичность латинской графики вскоре приспособила ее и к отображению сугубо германских языков, относительно сложных для адекватной графической фиксации фонетического ряда (чтобы хоть как-то справиться с собственной фонетикой, исландцы в XI–XIII вв. добавят к латинице едва ли не десяток видоизмененных букв).

Однако, например, в такой существенной сфере, как военное дело — одном из козырей римской цивилизации, позволявшем долгое время одерживать безусловные победы над практически любым врагом — заимствования оказались чрезвычайно скромными.

Очень быстро трансформировалось все мировосприятие. Языческая картина мира заменялась христианской «в авральном порядке». Давно стало аксиомой, что мировоззрение новокрещеных варваров оставалось в лучшем случае причудливой смесью язычества и христианства. В подавляющем же большинстве неопиты просто заменяли в своем сознании образ старого бога (богов) на новый, достаточно аморфный. Новый бог выдвигал странноватые, с точки зрения среднего германца, требования, но процесс шел неумолимо. Показательно, что первыми адептами зачастую оказывались дружинники, снисходительно следовавшие политическому выбору своего конунга-короля — так было у франков, так же будет и у норвежцев. Показательно, потому что дружинник вообще, а германский дружинник в особенности — с психологической точки зрения суть персона, максимально удаленная от христианских ценностей, в известном смысле диаметрально им противоположная. Это подчеркивает, сколь в действительности мало значило крещение для самих неопитов.

На фоне идеологических, политических, военных и лингво-филологических инноваций остальные приобретают в данном контексте относительно второстепенное значение. Материальный, вещественный мир германцев оказался достаточно пластичен. По сути, по всем внешним признакам,

эти германские племена уже в значительной степени утратили относительное единство, существовавшее некогда в Германии Тацита.

Эпоха «бури и натиска» в основном завершилась к первой половине V в. Связь с прародиной, севером Германии и зоной проливов, была постепенно сведена к минимуму. Мы должны учитывать «многослойность» Европы в период V–VIII вв. Между государством франков — наиболее значимой единицей нового мира — и Скандинавией лежала переходная зона, своего рода шлюзовая камера. Так, саксы, оставшиеся на континенте и не переселившиеся в Англию, вплоть до конца VIII в. представляли собой то же самое варварское и языческое племя, каковыми были германцы времен Великого переселения. Ожесточенное сопротивление, оказанное этой культурой натиску франков, демонстрирует чрезвычайно важный и ключевой феномен европейского мира этого времени: главный акцент борьбы старого и нового, варварского и цивилизованного, языческого и христианского сместился с противостояния между римлянами и германцами в сферу внутригерманских противоречий. Вчерашние союзники и сородичи оказались по разные стороны межкультурного разлома, и рвение неопитов, по традиции, превзошло рвение их учителей.

Оставшиеся в Скандинавии и Ютландии племена оказались по другую сторону этой границы — границы не столько физической или географической, сколько культурной и мировоззренческой. В результате уже в финале Великого переселения Север в значительной степени оказался предоставленным самому себе. Следствием этого было преимущественно интровертное развитие культурного комплекса цивилизации северных морей в последующие столетия. С середины I тыс. культура Северной Европы предстает перед нами уже не как часть общегерманского культурного единства, но как самостоятельная культурная единица. Все тенденции, существовавшие здесь ранее — как общезтнические либо как локальный феномен, — получают стимул прежде всего к самостоятельному развитию. Культурная диффузия осуществлялась прежде всего через южно-ютландский регион, где скандинавские племена непосредственно соприкасались с континентальными, «цивилизовавшимися» германцами. Кроме того, контакты осуществлялись и северными обитателями Скандинавии, посредством морских сообщений. Активное взаимодействие в Балтийском регионе, в которое оказались вовлеченными славяне, балты и финны, происходило постоянно. Со второй половины VI в. в основном устанавливаются достаточно стабильные этнические и племенные границы в Южной и Восточной Прибалтике (Херрман 1986: 24), и процессы культурогенеза здесь во всех сферах идут достаточно синхронно. Синхронно, в том числе, и со скандинавской зоной. С VI столетия прежнее общеприбалтийское сходство культур начинает превращаться в интеркультурный регион, пронизанный связями торгового, производственного, военного, политического и художественного свойства. Оно облегчалось единым стадийным уровнем развития племенных коллективов по берегам *Mare Balticum* и уже тогда заложило основы Балтийской субконтинентальной морской цивилизации раннего средневековья (Лебедев 1986). В этом регионе речь не шла, строго говоря, о классическом донорстве или реципиенции. Одноуровневый характер социумов лишь нивелировал отдельные сферы культуры в достаточно небольших — объективно — пределах.

Что касается Запада, то культурный обмен шел и здесь. Но степень и механика этого взаимодействия имели здесь свои особенности и, несомненно, еще должны подвергнуться детальному исследованию. Так, общим местом является указание на то, что, по крайней мере, с рубежа VII–VIII вв. отчетливое влияние Континента (франкских) и Островов (англо-саксонских и ирландских традиций) привносит заметный вклад в сложение характерных особенностей скандинавского художественного стиля⁶.

В середине I тыс. н. э. важнейшим направлением международных связей в Европе постепенно, но неуклонно становится западно-восточное. При абсолютной дикости и дремучей отсталости инфраструктуры в Центральной Европе — там, куда не дотянулась рука римского легата и инженера, — при практическом параличе средиземноморских путей в условиях упадка судостроения,

6 Shetelig H. *Classical impulses in Scandinavian art.* — Oslo, 1949. — P. 104; Wilson D. M., Klindtjensen O. *Uiking art.* — L., 1966. — P. 38.

портов и бесконечных войн Византии за возвращение римского наследия, главным и основным стал торговый путь через зону Северного и Балтийского морей.

Важнейшим звеном в транзитном культурном обмене Севера в этот период являлись фризы. Это германское племя в середине I тыс. выполняло чрезвычайно важную миссию связующего элемента и транслятора культурных — материальных и идеальных — ценностей. Не менее важно другое: именно фризы создали модель северного урбанизма, послужившую исходным материалом для подражания и копирования на всем пространстве северных морей. Крупнейший фризский торговый ремесленный пункт того времени — Дорестада — в определенном смысле может расцениваться в качестве прообраза позднейших аналогичных поселений Северной Европы вплоть до Старой Ладogi.

Теперь на берегах Северной Галлии, на всем побережье Северного моря, развивались порты нового типа. Это стало заметно с рубежа V и VI в. Возникали такие порты эмпирически, представляя собой ряды деревянных строений, вытянувшихся вдоль набережных в поселениях, расположенных в эстуариях и дельтах рек, и жили они исключительно торговлей и для торговли⁷.

Относительно кратковременный, но яркий период фризского доминирования способствовал распространению и унификации культурных черт в рамках цивилизации северных морей.

Однако не вызывает сомнения факт, что на Севере после главного разделения в жизни раннесредневековых германцев — разделения на континентальных и скандинавских — наступила новая культурная эпоха. С ней была связана и главная дифференциация в сфере языка: именно в середине тысячелетия, к VI–VII вв., происходит окончательное обособление скандинавских языков от общегерманского языкового древа. Обособление это не было резким, но символизировало необратимость собственного, особого пути скандинавов. Именно Северу было суждено реализовать в максимальной степени общегерманскую «языческую идею» и сохранить образцы наиболее чистых проявлений древнегерманской культуры.

Символ новой северной культуры — день Гибели Богов. Его зримое выражение — рвущаяся с лопастей весел пена, когда форштевень ладьи вот-вот с шорохом скользнет по песчаной отмели и гулко ударится о прибрежный камень. Никакое другое событие периода, наступившего в Северных странах в середине первого Миллениума, не может столь ярко и исчерпывающе определить его как военный поход морского конунга. Сага об Инглингах, являющаяся собой наиболее концентрированное по степени насыщенности историческим материалом произведение эпохи, запечатлела нарастание этого напряжения. События, отшумевшие полторы-две тысячи лет назад, нарастают, как в сюжете, созданном руками талантливого сценариста и режиссера. Однако вплоть до второй половины VIII в. эти походы остаются эпизодом. Не они, а внутренняя активность дружин определяют лицо эпохи. Но стиль жизни уже изменился. Скандинавия стала очагом кипящей военной активности. Все черты германской культуры, подчеркнувшие стадийное движение героического века, обостряются на Севере, находя адекватное воплощение в бесконечной череде сезонных походов.

Этому движению подчиняется все в Скандинавии. Дело даже не в том, что значительная часть населения участвовала в самих походах. Почти все обитатели Севера рано или поздно имели шанс повстречаться с этой опасностью, ибо для викинга — а теперь уже смело можно употребить этот термин — не существовало разницы, кого именно грабить. Внутренний поход против фактически соседей стал такой же обыденностью, как и заморская экспедиция. Численный состав этих контингентов, как правило, был невелик — один, реже несколько кораблей. Но это компенсировалось активностью и боевыми качествами дружин. Возникает целый спектр формирований, в том числе и маргинализованных, фактически исключенных из общественной системы.

Скандинавская культура этого времени удивительно однородна — как однородно и само общество. Фактически, за пределами этого равенства оказываются только несвободные по определению — рабы (патриархальное рабство было весьма специфической и универсальной системой

7 Лебек С. Происхождение франков. V–IX вв. — 1993. — С. 165.

подчинения социально ущемленных личностей). Все остальные, принадлежавшие к категории свободнорожденных, на практике оказывались в достаточно близких социальных условиях. Конунг Севера, подобно базилевсу гомеровского времени, сам трудился и в значительной степени жил за счет собственного труда и труда своей семьи. «Во многих местностях Норвегии и Швеции пастухами скота бывают даже знатнейшие люди», — напишет Адам Бременский⁸. И если в эпоху викингов такое положение дел сохранялось в основном в окраинных патриархальных областях, в глухих углах Скандинавии, то в вендельское время и предшествующий период это было безусловной всеобщей нормой.

Критерием социального лидерства была принадлежность к соответствующему родовому коллективу, но реальная власть базировалась и могла базироваться в то время лишь на личном авторитете вождя — в конечном счете дружинники окружали его в том случае и до тех пор, если и пока он вел боевые действия, был щедр и обладал определенной харизмой, заключавшейся в ключевом для скандинава того времени понятии удачи, неотделимом от понятия судьбы.

Наступает эпоха «малых конунгов». Специфической, северной линией развития было то обстоятельство, что здесь актуальность единства — племенного и межплеменного — в определенный момент резко пошла на убыль. На континенте бурная эпоха военной демократии шла параллельно со сложением первичных праформ государственности — племенных союзов, которые органично трансформировались либо в новые формы племенных союзов, либо непосредственно в раннегосударственную структуру. Обратных процессов континент практически не знал. На Севере все обстояло по-иному. Относительно медленное развитие северной культуры привело в середине I тыс. к созданию максимально возможного для этого региона единства: «держав Инглингов и Скъёлдунгов», представлявших собой племенные союзы с едиными культовыми центрами. Однако период их существования оказался чрезвычайно непродолжительным: уже в VI в. династии либо пресекаются, либо теряют свое влияние и власть.

«Малые конунги» становятся главными действующими лицами этого нового скандинавского мира. Пирамидальные локальные «миры» — черта эпохи. Небольшая область, насчитывающая несколько тысяч жителей, становится территорией, на которой фактически действует понятие «мы». Жители именно этого локуса, подчиненного власти локальной же династии конунгов, осознают собственную принадлежность к группе — единственной группе за пределами собственного родового коллектива. Картина мироздания парцелляризуется — окружающий мир становится объектом приложения собственных усилий, и граница, за которой эта активность может быть реализована, порой в буквальном смысле начинается за оградой собственного хутора — земной Утгард лежит рядом и служит источником опасности или славы.

Возникает парадоксальная, на первый взгляд, дихотомия: с одной стороны, мир в значительной степени ограничен рамками собственного поселения и ближайшей округи, он «обозрим»; с другой — в мире оставалось все меньше границ. Человек Севера становился все более легок на подъем — тысячекilометровые расстояния преодолевались морским путем без особых проблем, тем более терялось ощущение расстояния в пределах зоны Датских проливов, основной зоне походов и столкновений данов, свеев, гётов и норвежцев. Формирование мобильной и активной цивилизационной сущности шло быстрыми темпами на протяжении всего первого тысячелетия, однако с обособлением скандинавских племен и началом у них внутренних походов этот процесс приобрел дополнительный импульс. Цивилизация Севера создавала ячейки, споры собственной культуры, которые заносились обстоятельствами либо собственной волей в другие земли, укореняясь там и давая производные от северной культуры филиационные побеги. Культура, таким образом, создала условия и механизм собственной трансляции.

Общество Скандинавии этого периода было, как отмечалось, весьма эгалитарным по своей сути, однако в нем все более и более отчетливо выделяется прослойка воинов профессионалов.

8 Ковалевский С.Д. *Образование классового общества и государства в Швеции.* — М., 1977. — С.86.

Это тот самый необходимый и достаточный компонент героического века, который создает все присущее ему своеобразие. Его членам свойственны:

1. Обостренное чувство собственной значимости, граничащее с неприкрытым (и обязательным по статусу!) бахвальством.
2. Отчетливое противопоставление своей группы остальному социуму («неизбранным»).
3. Агрессивность, подогревавшаяся как объективными (служба), так и субъективными (персональные амбиции) причинами.
4. Искусное владение оружием, оттачивавшееся как упражнениями, так и постоянной боевой практикой.
5. Формирование вторично-родственных связей по горизонтальным и вертикальным осям: ощущение побратимства (или реальное побратимство) с другими дружинниками и сыновья подчиненность конунгу-вождю (своего рода приемному отцу).
6. Генерирование собственной религиозной субкультуры и собственной мифологемы: специфического и адресно-воинского микропантеона, собственных ритуалов, символов и амулетов воинской удачи и победы и т. д.
7. Возникновение собственной версии героического прошлого в форме эпоса.

На скандинавской почве этим процессам было свойственно локальное своеобразие, в том числе:

1. Создание адекватных и чрезвычайно специфических форм самовыражения в виде скальдического искусства.
2. Активное использование в качестве основы для ведения боевых действий развитой базы судостроения.
3. Формирование специфически скандинавского института берсерков — непобедимых воинов, пользовавшихся психотропными веществами в качестве временного стимулятора и без того повышенной агрессивности и силы.

Дружинная культура, без сомнения, представляла собой во всех отношениях переходную структуру общества. В ней соединялись наиболее яркие архаические черты и элементы новой культуры. Она была квинтэссенцией и авангардом: все ярчайшие проявления устного и прикладного творчества, все главные новшества идеологического порядка, все новации социальных институтов были связаны либо с конунгами, либо с их дружинным окружением — не говоря уже о нововведениях технологического порядка в собственно военной сфере.

Но при этом следует отметить, что Скандинавия в это время — в период V–VIII вв. — активно формирует совершенно новый тип человека — самостоятельного хозяина собственного тела, души и имущества. Тип свободного и равноправного домовладельца, участника ополчения и индивидуального бойца, потенциального члена дружины выдающегося вождя, главы своего семейства, корабеля и путешественника, способного к рискованным и авантурным предприятиям — переселению в необжитые северные леса или на далекие острова — формируется именно в этот период. Блестящая характеристика Скандинавии этого времени принадлежит перу одного из ведущих специалистов — К. Рандсборга. Он говорит о формировании здесь «открытого общества с высоким уровнем конкуренции среди его членов»⁹. И это действительно так. Нигде в Европе этого периода подобных условий уже не было. Дружинная организация строго уравнивалась существованием специфической и яркой прослойки, а вернее — мощнейшего слоя — самостоятельных бондов. Они создавали собственную культурную среду — во внешних проявлениях достаточно незначительно отличавшуюся от той, которая окружала конунгов. Длинные дома и корабли, оружие, собственные хозяйства и самостоятельное мироощущение роднили их. Биполярность этого мира придавала ему устойчивость.

9 Randsborg K. *The first Millenium A.D. in Europe and the Mediterranean. An archeological essay.*— Cambridge, 1991.— P. 16.

Все вышесказанное заставляет усомниться в высказанном А. Я. Гуревичем предположении о том, что лишь с началом эпохи викингов начинает формироваться и принимает законченные формы осознание личностью собственной индивидуальности, как начинает обособляться от общества и сама личность. Коллективные формы самосознания в дружинной среде допустимы лишь в сфере общей привязанности к делу конунга. Но ведь и за пределами этой среды мир состоял из индивидуальностей. Только члены семейств, да и то в основном неполноправные, могли в какой-то степени ощущать собственную «растворенность» в структуре. Однако даже свободные женщины всегда выступают на Севере как личности, отвечающие за свои поступки и обладающие собственной неповторимой судьбой и персональными чертами. Тем более это относится к владельцам хозяйств — бондам. Трудно представить себе человека, направляющего корабль с десятками домочадцев к новой неизведанной земле или обсуждающего у очага с собственными сыновьями и зятьями план какого-нибудь мероприятия класса кровной мести или набега на соседние хутора, — трудно представить его не располагающим индивидуальностью. Напротив, это наиболее индивидуализированное общество раннесредневековой Европы.

Строго говоря, весь антураж рунической культуры — с именами собственными на предметах вооружения; с горделивыми надписями мастеров («Я, Хлевагаст, сын Холти, сделал рог» начертано на роге из Галлехус) — еще более выразительными, чем подписи под эпитафиями на рунических камнях XI в.; с персональной ответственностью за начертание магической надписи, открывавшей канал воздействия на мир — все это плохо вяжется с представлением о растворенном в социуме человеке.

Скандинавская культура была **архаичной**, но не **архаической**, по крайней мере, с первых веков н. э., существенно изменив свой облик в середине I тысячелетия. Именно в сочетании трудносочетаемого — пережитков глубокой древности, органично вплетенных в строй современной раннесредневековой жизни, мы должны видеть своеобразие и силу этого культурного целого. ❖

Литература:

1. Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры // Народы Азии и Африки.— 1968.— № 3.
2. Гуревич А.Я. История и сага.— М., 1972.
3. Гуревич А.Я. Походы викингов.— М., 1966.
4. Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
5. Лебедев Г. С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тезисы X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии.— М., 1986.— Ч. I.
6. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.
7. Лебек С. Происхождение франков. V–IX вв.— М., 1993.
8. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона.— М., 1986.
9. Barry H., Child I., Bacon M.K. Relation of child training to subsistence economy // Amer. Anthropol.— 61.— 1959.
10. Randsborg K. the first Millennium A.D. in Europe and the Mediterranean. An archaeological essay.— Cambridge, 1991.
11. Shetelig H. Classical impulses in Scandinavian art.— Oslo, 1949.
12. Wilson D.M., Klindt-Jensen O. Viking art.— L., 1966

Восприятие образа Локи в разные эпохи

Юхан Эйдем БЕРГ

ЧТОБ понять сам образ Локи в древнескандинавской мифологии, его можно рассматривать с разных точек зрения: каково его происхождение, как его воспринимали тогда, и как это восприятие ложится на современное мировоззрение. Если сейчас многие поступки Локи, известные по древним письменным источникам, могут выглядеть аморально, то это вовсе не значит, что в древние времена скандинавы воспринимали Локи как отрицательного персонажа. Стеблин-Каменский, к примеру, считал Одина не менее трикстерским божеством, нежели Локи.

С другой стороны, когда сказания про Локи были записаны уже в христианскую эпоху Скандинавии, весьма вероятно наложение христианских идеалов на восприятие фигуры Локи. Более того, многие сейчас, смотря через призму христианского мировоззрения, могут ставить Локи в один ряд с дьяволом. Тем не менее в мифологии разных эпох Локи не всегда выступает негативным персонажем. Не следует также исключать и влияние разных мифологических мотивов, в которых Локи изначально мог и не присутствовать.

Иными словами, происхождение образа Локи туманно. С одной стороны, сказание о том, как Локи обманул слепого Хёда, имеет ряд параллелей в иных сказаниях вроде убийства Лугом Балора в кельтских мифах.

В Телемарке известна былина про крестьян Хюрмана и Ращеля, повторяющая мотив с убийством Бальдра, но вместо Локи там участвует сын Хюрмана. В Хрониках из Лейры (Lejrekrønikken) Локи вообще не участвует в убийстве, а просто

некий викинг Hotherus убивает из-за ревности Бальда, друга Одина (Balderus filius Othen). В сборнике датских былин Hundrevisebog (Книга Ста Песней) есть рифмованная хроника, где Хёд называется в числе датских королей, который «разгромил Одина и его сына Бальдера» (jeg slog ... Otthin met sin Søn Balder), что основано на истории Саксона Грамматика про войну данов с саксами, и опять-таки Локи там не упомянут.

Кроме того, есть сказание о Локи, Торе и Трюме, где Локи помогает Тору вернуть молот у великана Трюма. Это сказание также имеется в уже упомянутой «Книге Ста Песней», причём Локи там назван братом Тора и Фрёйи и представлен позитивным персонажем. То же сказание есть среди телемаркских былин, записанных в XIX веке.

Есть и основания полагать, что Локи был изначально божеством огня. Так, Гиневра связывает Локи с ведийским Агни. Однако до Гиневры многие этнографы пишут, что дети в Швеции, Финляндии и Норвегии кидали свои выпавшие молочные зубы в огонь, приговаривая «Låkka-gamm ge mej en bentann istanför en gulltann» («паук-ворон, дай мне зуб костяной, а не золотой»). При этом «Låkka-gamm» встречается в значении Локи как в телемаркских балладах о Торе и Трюме, так и в «Книге Ста Песней». Впрочем, обычай кидания молочных зубов в огонь с обращением к Солнцу или к мышам дать новые зубы, бытовал повсеместно у арабов, а также в Кении, Тироле, Самарканде, Македонии, Перу, Аргентине и Индии.

А. Olrik пишет, что в Телемарке, когда огонь или костёр искрил и пищал, то говорили, что Локи бьёт своих детей (Lokje dengjer sine born). Е.

Sundt пишет, что южные норвежцы, разогревая молоко, снимали плёнку с него и кидали в огонь «для Локи». В иных народных мотивах Локи — это ночной дух, с огнём не связанный. В Телемарке, согласно старой книге «Beskrivelse af Sillejord», Локи ходил по ночам по сёлам и похищал непослушных детей. Есть также и народные названия растений, связанные с Локи. В Дании, Норвегии и Швеции овсюг и кукушкин лён называли Lokkeshavre (Овёс Локи). В Дании метлицу называли Lokkegræs (Трава Локи). В Западной Ютландии одуванчик называли Låkkilæjer (Цветок Локи).

Таким образом, даже в христианское время образ Локи не ассоциировался напрямую с чем-то однозначно негативным, хотя имел окрас фигуры, враждебной людям или просто потусторонней. Будь то дух огня или аналог Бабайки или брат Одина, Локи выступает как часть нехристианской мифологии, где нету прямого противопоставления сил добра и зла. Это хорошо заметно и в сказаниях о викингах, где аморальные (с точки зрения

христианина или язычника) действия викинга не всегда имеют плохие последствия, а описываются как исторические факты, зачастую без осуждения. Божества и люди древнескандинавских сказаний обычно многогранны. Мир скандинавских божеств зеркально отражает мир земной, и рассказывают о божествах почти в том же ключе, что и о простых людях, о чём говорил и Стеблин-Каменский. Локи в таком контексте не следует воспринимать как однозначно плохого персонажа, а скорее как неотъемлемую часть мифологии. ⋮

Источники:

1. Sophus Bugge. *Danske studier*, 1909.
2. Axel Olrik. *Loke I nyere folkeoverlevering*, 1908.
3. Riccardo Ginevra. *Old Norse Brokkr*, 2018.
4. Hans Jacob Wille. *Beskrivelse af Sillejord*, 1787.
5. Saxo Grammaticus. *Gesta Danorum*.
6. М. И. Стеблин-Каменский. *Скальдическая поэзия*, 1979.
7. *Lejrekrønikken*.
8. Anders Vedel. *Hundrevisebog*, 1591.
9. *Kjempe- og trollballadar TSB E 126 Torekall*, 2016.

Битва при Клонтарфе глазами ирландцев

Мария ЮЛИНА
(РАНХИЛЬД)

А был ли мальчик?

Мальчик, разумеется, был, хотя ирландцы даже по этому вопросу высказываются очень осторожно. Битве при Клонтарфе посвящена огромная красочная экспозиция в Национальном музее Ирландии, в рамках которой несколько раз подчеркивается: археологических доказательств этой битвы найдено не было. Археологи не нашли ни массовых захоронений, ни останков оружия в окрестностях Дублина. Но вот почему не нашли: потому что пока не там или там, но не глубоко, копали — неизвестно.

То есть мальчик был, но вот что это был за мальчик — тут ирландцам есть чем удивить. Мы привыкли, что многочисленные источники называют Битву при Клонтарфе битвой **кельтов против викингов**. «Подождите, — говорят

ирландские исследователи, — к 1014 году викинги жили в Ирландии уже более двух столетий и успели основательно интегрироваться с ирландским обществом. Соперник Бриана Бору, Ситрик, вероятно, родился в Ирландии и прожил здесь большую часть своей жизни; у него была мать-ирландка и жена-ирландка — дочь Бриана. Можем ли мы действительно назвать таких людей, как Ситрик, «викингами»? К тому же армия Бриана включала в себя воинов-викингов из Лимерика и, возможно, также из Уотерфорда и Корка. А в армию Ситрика — напротив — входили силы Маэля Морда мак Мурхада, короля Лейнстера (который также был его дядей)».

Запутанная история. Больше подходящая на внутрисемейные разборки, а не на войну миров. Но обо всем по порядку.

Прогулки по музею

В 2014 году в Национальном музей Ирландии (г. Дублин) была открыта временная выставка, посвященная тысячелетию легендарной и самой известной битвы раннего средневековья Ирландии — битве при Клонтарфе. Датой окончания экспозиции был заявлен 2021 год, однако спустя 10 лет со времени открытия выставки, ее экспонаты все еще там, а значит, интерес к этому периоду истории у ирландцев не угасает.

Если бы данное исследование писалось для страниц желтой прессы, то оно непременно содержало бы в своем названии слово «скандальный». Вот навскидку несколько привлекающих внимание заголовков: «Битва при Клонтарфе: нам ввали все это время!» или «Скандальный поворот в историческом детективе!» — и непременно несколько восклицательных знаков в конце.

«Северный ветер» — пресса не желтая, градус пафоса у нас несколько ниже, как и у ирландских историков, руками которых создавалась экспозиция. А все ж таки вступительное слово к выставке с самых первых минут заставляет брови сначала удивленно изогнуться, а потом так же удивленно поползти вверх:

«Битва при Клонтарфе, вероятно, самое известное сражение в истории Ирландии, но при этом одно из наименее изученных. Мы призываем рассматривать эту битву как великую победу, в которой христианский король Ирландии Бриан Бору победил языческих викингов и изгнал их из Ирландии. Но так ли это на самом деле?»

Можем ли мы быть уверены, что все, что нам рассказывали об этой битве, — правда?

Что на самом деле известно о битве?

Какими доказательствами мы располагаем?

Как Клонтарф изменил Ирландию и изменил ли что-нибудь?

Как бы вы не представляли битву при Клонтарфе, эта выставка даст вам новую пищу для размышлений».

Тут надо сделать небольшое отступление и сказать, что создатели выставки не были первыми, кто усомнился в официальной версии, преподносящей Бриана Бору как спасителя Ирландии, единой христианской страны, и противопоставляющей его «чужеземцам Дублина», которые были

полностью побеждены и наконец изгнаны из страны после столетий угнетения. Этот взгляд на Бриана как на национального героя зародился в ирландском движении за независимость в XVIII–XX веках. Данная теория опирается на один из самых важных и самых ранних (около 1100 г. н.э.) литературных источников сведений о битве — текст Cogadh Gáedhel re Gallaibh («*Война ирландцев против чужеземцев*»).

Однако, несмотря на то, что «*Война ирландцев против чужеземцев*» была написана относительно близко по времени к самим событиям и, с определенной вероятностью, даже основана на рассказах выживших в битве, этот текст, по сути, представляет собой превосходный образец средневековой пропаганды (по крайней мере, так ее оценивает всемирно известная библиотека Тринити-колледжа, содержащая уникальную коллекцию средневековой литературы). Возможно, этот текст заказал правнук Бриана — тоже Бриан (*Muirchertach ó Briain*) — чтобы усилить свои претензии на верховное королевство Ирландии, изображая своего предка национальным героем. Это совсем не означает, что «*Война ирландцев против чужеземцев*» не содержит никаких исторически точных фактов о битве, однако исследователи соглашаются: следует проявлять осторожность, принимая всю историю от начала и до конца за чистую монету.

Одну из первых академических попыток переосмыслить официальную версию предпринял писатель и исследователь Джон Райан (Fr. John Ryan) в 1938 году. В своей статье «Битва при Клонтарфе», вышедшей в журнале Королевского Общества Антикваров Ирландии, Джон Райан интерпретировал битву не как национальную борьбу, а как кульминацию попытки правителей Лейнстера и Дублина отстоять свою независимость. Он подчеркнул роль Маэля Морда, короля Лейнстера, в этом восстании и, таким образом, представил битву скорее как междоусобный конфликт за власть, чем как священную войну между «викингами» и «ирландцами». И хотя теория Райана получила определенную поддержку со стороны историков, она оказала достаточно мало влияния на массовое сознание, которое по-прежнему предпочитало придерживаться официальной версии.

И вот, спустя почти 80 лет со времени выхода статьи и ровно 1000 лет со дня самой битвы, историки предприняли новую попытку докопаться до правды.

Источники наших представлений о битве

Как уже говорилось, археологических свидетельств битвы при Клонтарфе найдено не было, поэтому все известные ныне сведения были подчерпнуты из письменных источников Ирландии, Шотландии, Уэльса, Исландии и Франции. Ни один из них не был написан очевидцами, и большинство появилось на свет много позже самого сражения. Некоторые произведения явно политически мотивированы, а другие практически полностью состоят из мифов.

Увы, делать нечего, надо работать с тем, что есть.

К сожалению, самые ранние и наиболее надежные источники содержат в себе очень мало подробностей. Например, *Анналы Ульстера* всего-то и сообщают: **«Доблестная битва произошла между ними, подобно которой ничего раньше не было».**

Более поздние произведения дают нам гораздо больше подробностей, но они часто приукрашивают историю художественной вольностью, а то и вовсе заменяют ее мифологией. Тем не менее все наши наиболее популярные представления о Клонтарфе основаны именно на этих более поздних рассказах.

Саги

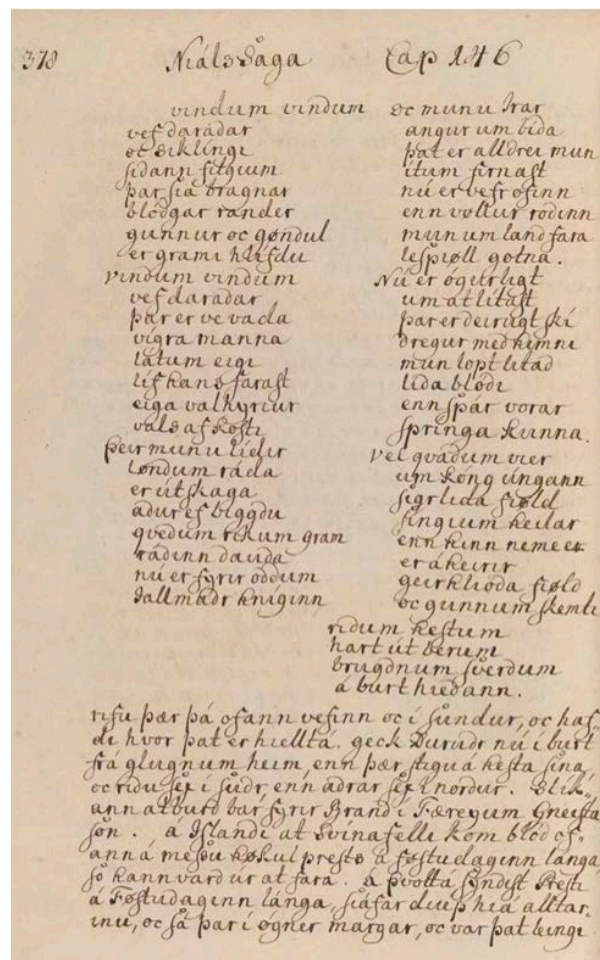
Большинство саг было впервые записано в Исландии после 1200 года, что намного дальше и намного позже описываемых ими событий. Битва при Клонтарфе упоминается в двух из них: *Саге о Ньяле* и *Саге об оркнейцах*.

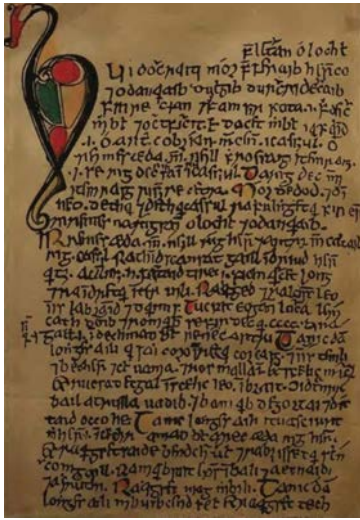
*«Я в Ирландии видел
Страшную сечу. Герои
В громе мечей рубились,
Щиты разбивали в щепы.
Пал, истекая кровью,
Сигурд на поле брани.
Пал и Бриан отважный,
В битве добыв победу».*

Сага о Ньяле
(перевод О. А. Смирницкой и А. И. Корсуна)

«Ярл Сигурд прибыл в Ирландию, объединил свое войско с конунгом Сигтрюггом и вступил в сражение с конунгом Ирландии Брианом. Битва произошла в Страстную Пятницу. Никто не мог нести знамя с вороном, и ярл сам взял его в руки и был убит. Конунг Сигтрюгг бежал, и войско конунга Бриана праздновало победу, хотя сам Бриан пал смертью храбрых».

Сага об оркнейцах
(перевод Георгий Урусов (Хальвдан))

Уже упомянутая Cogadh Gáedhel re Gallaibh («Война ирландцев против чужеземцев»)

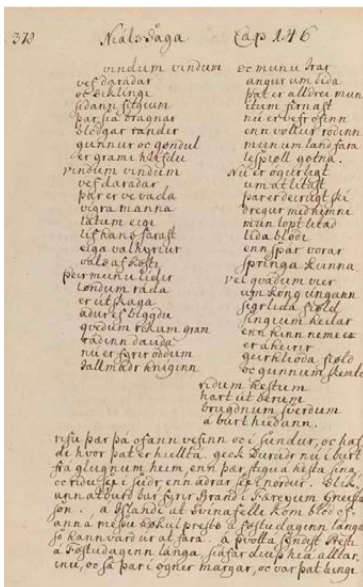
Как бы то ни было, эта поэма остается самым важным источником сведений о битве. Написанная почти через столетие после битвы, она содержит в себе, с одной стороны, явно неисторический материал, а с другой — много деталей, которые могут быть достоверными. Это самое раннее упоминание о битве и убийстве Бриана Бору Бродиром. «Битва продолжалась от восхода и до заката, столько же времени требуется приливу, чтобы отступить и вернуться. Ибо именно во время прилива чужестранцы вышли на битву утром [...], и прилив же унес их корабли прочь, так что им некуда было бежать, кроме как в само море, и все чужестранцы в кольчугах были убиты».

Анналы

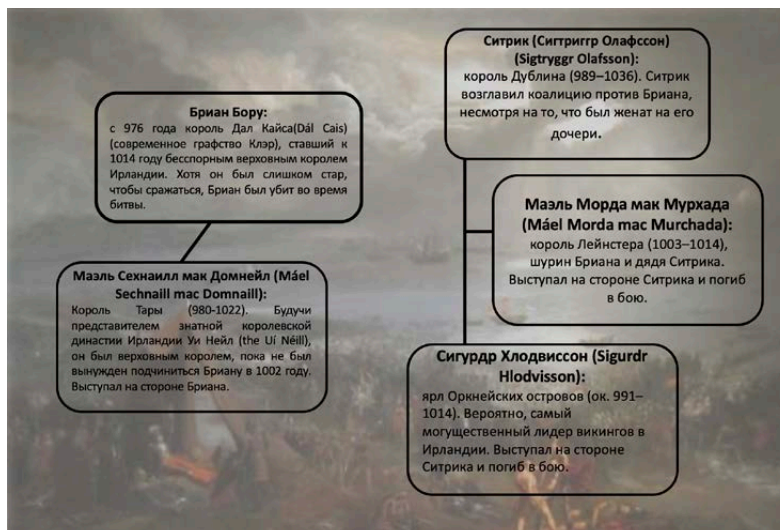
Анналы представляли собой ежегодные записи важных событий: религиозных праздников, смерти королей, аббатов и других известных деятелей, описание войн и сражений. Во времена битвы было составлено несколько ирландских анналов, но они сохранились только как более поздние копии, которые могут включать в себя неоригинальные материалы, добавленные позже.

«Великая война была между Брианом и чужеземцами Áth Cliath¹, и Бриан привел с собой много ирландцев в Áth Cliath. После этого чужеземцы Áth Cliath дали бой Бриану, сыну Кеннетига (Cennétig), и он был убит вместе со своим сыном Мурхадом (Murchad), королевским наследником Ирландии, и сыном Мурхада, Тайрдельбахом (Tairdelbach), а также принцами [...] и многими другими. В той битве также погибли Маэль Морда, сын Мурхада, король Лейнстера, вместе с князьями Лейнстера, окружавшими его, и чужеземцы запада были убиты в той же битве».

Анналы Иннисфалена.

Основные участники

1 Старое название столицы Дублина (ирл.)

Корабли битвы

Первое, что встречают на своем пути посетители выставки — реплику Гокстадского корабля. С чего бы вдруг «и откуда, мол, и что это за географические новости» (с)?

Здесь все просто: одной из главных задач, стоявших перед Национальным музеем Ирландии, была задача спроектировать выставку, посвященную битве, в отсутствие ее реальных артефактов. Однако проводить аналогии и собирать по кусочкам картину эпохи организаторам никто не запрещал. Тем более что благодаря раскопкам 60–80-х годов, проводившимся в Дублине, недостатка в артефактах, в свое время принадлежавшим ирландских викингам, не было. Так, например, чудом сохранившиеся кусочки кораблей, разнообразное оружие: от арбалетных болтов до топоров и мечей — использовались организаторами для иллюстрации важности военно-морских и военных технологий Дублина, объясняя его стратегическую ценность для правления Бриана на посту верховного короля Ирландии. Неудивительно, что когда Ситрик восстал против него в 1013 году, Бриан точно знал, что должен делать.

Исследователями неоднократно подчеркивалась значимая роль флота викингов в битве при Клонтарфе, и не только как средства для борьбы, но и как желанной награды победителю. Дублин был центром судостроения с XI века (а то и раньше), и его флот был залогом экономического и военного процветания города (а в перспективе и всей страны). Достаточно вспомнить, что знаменитый ныне «*Морской жеребец из Глендалу*» — это реплика корабля, найденного неподалеку от датского города Роскилле в 1962 году, но построенного в XI веке в Дублине.

Бриан был одним из первых ирландских королей, кто полностью осознал ценность норманнских кораблей и неоднократно их использовал в своих целях. Несомненно, именно мощный флот был одной из главных причин, по которой Бриан хотел контролировать Дублин.

Отдельного упоминания заслуживают «граффити» с кораблями викингов. В музее были представлены реплики найденных в Дублине эскизов кораблей XI–XII веков. Это типичные для эпохи викингов двусторонние суда с низкими бортами и высокими форштевнями и ахтерштевнями. Стоит отметить, что помимо их безусловной эстетической ценности, у этих набросков есть еще и ценность историческая. С их помощью мы можем рассмотреть детали мачт, парусов и такелажа — тех частей корабля, которые ввиду плохой сохранности дерева и ткани редко доходят до нас в качестве археологических находок. На одном эскизе изображен большой корабль с мачтой, реей, сложенными парусами и такелажом, а также небольшая шлюпка. Стрела на верхушке мачты, возможно, является флюгером. На другом изображена мачта и свернутые паруса корабля, а на вершине мачты стоит человеческая фигура.

Оружие битвы

Ирландские воины не гнушались перенимать опыт и учиться военной сноровке у викингов, и к 1014 году мечи и топоры норманнов стали привычным оружием и для ирландцев. Поэтому с определенной уверенностью можно утверждать, что обе противоборствующие стороны битвы были вооружены примерно одинаково.

Мечи были престижным оружием как для викингов, так и для ирландцев, и могли быть тщательно украшены (как, например, представленный на выставке меч из Лох-Дерга), хотя большинство из них все-таки были простыми и функциональными. Местечко Лох-Дерг (графство Типперэри) (*Lough Derg, Co. Tipperary*) являлось самым сердцем владений Бриана, поэтому найденный там в 1988 году меч, хотя по времени и был сделан немного позже его правления, является прекрасным образцом меча XI века. Он сделан из железа и украшен чернением по серебру и медным сплавом.

Отдельного упоминания стоит еще один экспонат выставки — Долимаунтский меч. Этот меч, возможно, единственное уцелевшее оружие битвы при Клонтарфе. Он был найден примерно в 1870 году в долине Доллимаунт, на берегу Дублинского залива, и принадлежит к наиболее распространенному типу мечей викингов, найденных в Ирландии. Несмотря на то, что находка датируется периодом между 850 и 950 годами, его вполне могли использовать при Клонтарфе. Хорошие мечи часто передавались по наследству. Альтернативная версия гласит, что меч был захоронен в могиле викинга намного раньше событий Клонтарфа.

Топоры были более дешевым и простым оружием, но не менее эффективным, особенно большие двуручные топоры, закрепленные на длинных рукоятках. Примером такого оружия могут служить топоры, найденные в 2013 году в затонувшей лодке на озере Лох-Корриб (*Lough Corrib*). Находка датируется XI или началом XII века. Эти классические топоры викингов почти наверняка принадлежали ирландским воинам, что показывает, насколько широко произошла интеграция двух культур.

Почти все воины использовали копья — длинные копья для рукопашного боя и копья меньшего размера для метания в его начале.

Воины защищались большими круглыми деревянными щитами, а многие воины из Дублина и других поселений викингов, вероятно, носили кольчугу. Чего нельзя сказать про ирландцев, мало у кого из них были доспехи. В этом плане викинги были экипированы лучше.

Луки обычно использовались воинами-викингами и редко ирландцами. В произведении «*Война ирландцев против чужеземцев*» говорится, что викинги использовали «острые, быстрые зазубренные смертоносные отравленные стрелы» и «полированные желтые блестящие луки». Этот рассказ подтверждается находкой сотен наконечников стрел и одного из самых знаменитых длинных луков Европы — лука из Баллиндерри (*Ballinderry Crannog*) X века. Этот тисовый лук имел длину около 190 см и слегка загнутые назад концы. Однако большинство луков того периода были несколько короче этого и использовались в основном для стрельбы по противнику в начале боя, до начала рукопашной схватки.

Раскопанные в Дублине наконечники стрел имеют различную форму. Те, у которых были более широкие лезвия, могли использоваться как для охоты, так и для войны. Наконечники с узкими шипообразными краями были специально предназначены для пробития кольчуги. Большинство наконечников стрел X-XII веков, найденных в Дублине, имеют именно бронебойную форму. Это еще раз подтверждает утверждения ирландских писателей о том, что воины-викинги обычно носили кольчугу.

Более чем вероятно, что подобные всем этим наконечникам стрел использовались и при Клонтарфе.

Однако одним из самых продвинутых видов оружия, доступным только скандинавским воинам, был арбалет, представленный на выставке несколькими наконечниками арбалетных болтов и фрагментарной арбалетной гайкой, найденными в Дублине.

Они сошлись. Волна и камень...

Помимо кораблей и оружия отдельного упоминания заслуживают еще несколько экспонатов выставки, представленных на ней с двумя целями:

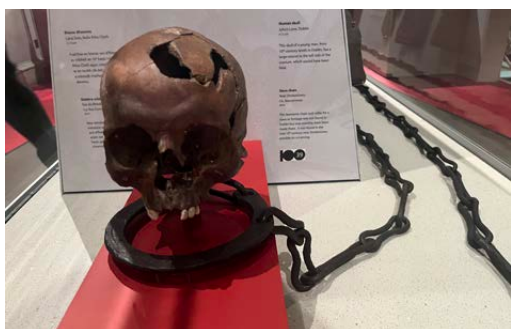
— показать степень интеграции ирландской и скандинавской культур и предложить посетителям самостоятельно ответить на вопрос, такими ли уж чужаками были викинги на этой земле к моменту битвы;

— проиллюстрировать стратегическую важность Дублина в качестве вожделенной награды победителю и объяснить, почему сами ирландцы предпочитают называть битву при Клонтарфе битвой за Дублин.

О богатстве Дублина наглядно свидетельствуют три клада серебряных англосаксонских монет, спрятанные в Дублине в 990-х годах. Клады иллюстрируют возникновение первой в Ирландии экономики, основанной на монетном обращении, а также торговлю Дублина с Англией. Кроме того, не стоит забывать, что

Ситрик был первым королем, чеканившим свои собственные монеты в Ирландии, одну из которых также можно увидеть на выставке.

Благосостояние Дублина было частично основано на торговле рабами, практике, распространенной в Европе раннего средневековья, которая представлена на выставке железной цепью рабов. Отрез шелковой ткани свидетельствует о торговле предметами роскоши с такими далекими городами, как Константинополь. Таким образом, становится более чем очевидно, что контроль над Дублином означал контроль над его огромным богатством — за него, безусловно, стоило побороться.

Взаимопроникновение двух культур отлично иллюстрируют две зооморфные булавки: одна бронзовая из города Кашел (*Cashel, County Tipperary*) и одна костяная из Дублина. Стиль украшения обеих булавок практически идентичен, однако они были найдены в разных так называемых «ирландских» и «викингских» районах страны. При этом надо отметить, что интеграция происходила в обе стороны. Ирландское влияние на культуру викингов призвана иллюстрировать брошь из Киллало (Killaloe). Это традиционная ирландская брошь впоследствии была «усыновлена», доработана и стала использоваться викингами повсеместно.

Тучи сгущаются

Битва при Клонтарфе является кульминацией кампании, которая началась в 1013 году, когда Ситрик и Маэль Морда восстали против Бриана. В ответ Бриан осадил Дублин, но когда наступило Рождество, ему пришлось отступить и уйти на зиму, но все знали, что он вернется.

Ситрик, не теряя времени даром, использовал эту передышку для вербовки союзников, в частности Сигурда Оркнейского. И Ситрик, и Сигурд, возможно, надеялись заменить Бриана на посту правителя Ирландии, ибо имели перед глазами позитивный пример: как раз в этом же году датским королем Свейном Виллобородым была завоевана Англия. Кроме того, за Дублин вписалось большое количество хорошо вооруженных воинов с острова Мэн, шотландских островов и, возможно, из других поселений викингов в Британии и за ее пределами. Силы Маэля Морды в Лейнстере были, вероятно, наименее важной частью этой коалиции.

Свое возвращение в 1014 году Бриан начал с набега на земли, окружающие Дублин. Если его целью было выманить Ситрика из города для сражения, то ему это удалось.

Судя по всему, целью Бриана не было *«изгнать викингов из Ирландии»*. Ресурсы Дублина и других городов, подконтрольных викингам, имели для него огромную ценность. Вероятно, он хотел восстановить контроль над Дублином, заставив Ситрика снова признать его повелителем.

Битва при Клонтарфе на самом деле, и правда, была битвой за Дублин.

Cherchez la femme

Практически все рассказы о битве при Клонтарфе упоминают имя Гормлайт (Gormlaith), приписывая ей роль роковой женщины, чьи заговоры привели к битве при Клонтарфе.

«Она была женщиной на редкость красивой и хороша во всем, что не зависело от ее воли, но, как говорят, во всем, что от нее зависело, она показывала себя только с худой стороны. Брианом звался король, который раньше был женат на ней, но к этому времени они развелись».

(Сага о Ньяле, перевод А. И. Корсуна)

Ирландцы гораздо более сдержаны в оценке ее роли. Гормлайт была замужем за Брианом, но также была тесно связана с его главными противниками. Она была сестрой Маэля Морды и матерью Ситрика, ее сына от первого брака. Что удивительно, предыдущим мужем Гормлайт, скорее всего, был Маэль Сехнаилл, король Тары, выступавший на стороне Бриана и, возможно, Ситрик даже обещал выдать ее замуж за Сигурда Оркнейского в случае победы при Клонтарфе.

«Война ирландцев против чужеземцев» утверждает, что она подстрекала Маэля Морду к восстанию против Бриана, когда взяла его шелковую рубашку и «бросила ее в огонь, упрекая его в горьких и оскорбительных выражениях». В других сагах утверждается, что она подтолкнула Ситрика к бою с Брианом. «Но на самом деле нет никаких реальных доказательств того, что Гормлайт организовала заговор против Бриана, — говорят исследователи, — правда всего лишь в том, что она была знатной женщиной, заключившей несколько стратегически выгодных брачных союзов в то время, когда женщины имели мало власти».

... Но согласитесь, что быть так или иначе связанной практически со всеми участниками битвы — это еще уметь надо.

Пробил час

Итак, мы плавно подошли к событиям самой битвы, которым на выставке, ей посвящённой, отведена всего-то маленькая заметка в несколько строк. Принципиальные в этом вопросе ирландцы не устают повторять, что достоверных сведений о битве не существует, но при этом соглашаются: некоторые детали, вероятно, все же заслуживают нашего доверия. К таким деталям относятся дата (Страстная пятница, 23 апреля 1014 г.) и время. «*Война ирландцев против чужеземцев*» утверждает, что битва длилась весь день, от восхода до заката, что по времени совпадало с утренним и вечерним приливами. Вечерний прилив, очевидно, помешал бегству побежденных сил Ситрика и, таким образом, увеличил число погибших.

У нас нет информации о численности армий. Заявление о 6000 убитых с проигравшей стороны (воины коалиции Ситрика) не заслуживает доверия историков, однако все указывает на то, что потери были большими, причем с обеих сторон. Тысячи участников и тысячи смертей вполне возможны.

Вот как ее описывают ирландцы: «*Битва, вероятно, началась с того, что армии выстроились друг напротив друга. Стороны начали метать друг в друга копья и пускать стрелы, после чего последовал рукопашный бой на мечах, топорах и копьях. Вероятно, не было никакой сложной тактики. Целью было просто разбить строй противника, заставить его отступить и в конечном итоге бежать. В данном случае, судя по всему, именно армия Ситрика сломалась и побежала первой — но не раньше, чем обе стороны понесли тяжелые потери*».

*«Я никогда не видел битвы подобной этой
и никогда не слышал о чем-то похожем на нее;
И даже если бы сам ангел божий попытался ее
описать,
Я сомневаюсь, что у него это получилось бы».*

Слова, приписываемые Маэлю Сехнаиллу, сказанные сразу после битвы.

Пиррова победа. Послесловие

Как мы знаем, чисто теоретически Бриан одержал победу при Клонтарфе, но можно ли ее действительно назвать таковой, если он и его старший сын Мурхад были убиты? Оставшиеся сыновья

стали соперниками за престол Мюнстера, который в итоге унаследовал Доннчад (*Donnchad*), сын Гормлайт (просто «*знатная женщина, заключившая несколько стратегически выгодных брачных союзов*» говорите?). После смерти Бриана Маэль Сехнаилл снова стал претендовать на верховный королевский трон, но ни у него, ни у Доннчада никогда не получилось добиться такого же могущества, которым обладал Бриан. А вот Ситрик сохранил свои позиции в Дублине, который продолжал процветать, но он тоже был ослаблен битвой.

На самом деле в Клонтарфе не было явных победителей. Битва привела к политическому тупику. Огромные потери обеих сторон лишили кого-либо из участников возможности доминировать в Ирландии. Почему же тогда Клонтарф стал таким выдающимся в истории Ирландии?

Для своего времени это была необычайно кровопролитная битва, в которой погибло поразительное количество королей и дворян. Но именно смерть Бриана сделала Клонтарф настолько значимым, поскольку он был доминирующим персонажем своего времени. Меньше чем через сто лет его назовут спасителем Ирландии, который изгнал чужеземцев из страны после столетий угнетения.

Но мы-то с вами знаем, как все случилось на самом деле...

Источники

1. <https://www.museum.ie/en-IE/Museums/Archaeology/Visitor-Information/Top-10-Things-to-See>
2. https://issuu.com/irishmuseums/docs/museum_ireland_2014_vol_24/s/13100176
3. <https://www.tcd.ie/library/exhibitions/boru/world.php>
4. <https://ceathairne.blogspot.com/2012/01/gaelic-archery.html>
5. https://www.researchgate.net/profile/Andy-Halpin/publication/281619690_Military_Archery_in_Medieval_Ireland/links/55f00fde08aedecb68fd9fbc/Military-Archery-in-Medieval-Ireland.pdf

Принципы мифологизации в романе Нила Геймана «Американские боги»

© О.С. НАУМЧИК

Рассматривается роман Нила Геймана «Американские боги» с точки зрения переосмысления традиционных мифологических образов. Ставится цель установить, каким образом писатель интерпретирует богов скандинавских, египетских, африканских, кельтских и божеств иных культурных традиций. Используется метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий выявить параллели между образами романа и традиционными мифологическими персоналиями. Подчеркивается, что Нил Гейман в целом соблюдает мифологическую традицию при создании образов американских богов, что особенно ярко видно, если обратиться к образу Среды, который соотносится со скандинавским Одином. Анализируется мотив борьбы между старыми и новыми богами — богами, рожденными современной цивилизацией (Техномальчик, Медиа и др.), а также рассматривается сама концепция рождения и существования мифологических представлений о богах. Делается вывод о том, что, во-первых, Нил Гейман использует постмодернистский принцип цитатности для усложнения структуры художественного произведения, а во-вторых, обращаясь к проблеме существования богов в современном мире, ставит вопрос об особенностях мировоззрения американской нации.

Ключевые слова: Нил Гейман, миф, мифологизация, фэнтези, постмодернизм, цитатность, боги.

Развитие литературы в последнее столетие тесно связано с неослабевающим интересом к мифу как форме общественного сознания и, особенно, как к повествовательной структуре, что обуславливает, с одной стороны, активное использование мифологических сюжетов и образов в художественных произведениях, а с другой — закономерный интерес исследователей к проблемам мифа и мифотворчества, что подтверждают многие литературоведческие работы, опубликованные в последние годы [2], [4], [6], [8]. Обращение к мифологическому наследию нередко позволяет символически подчеркнуть проблемы современности, семантически обогатить дополнительным смыслом сюжетную составляющую и усложнить структуру художественного произведения за счет многочисленных отсылок к мифологическим сюжетам и образам.

Нил Гейман (Neil Gaiman) является одним из самых известных британских писателей

НАУМЧИК Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
hylda@list.ru

и сценаристов, работающих в жанре городского фэнтези, причем многие исследователи его творчества неоднократно отмечали, что миф и мифологизация играют важную роль во всех его произведениях. Как пишет Е. В. Лозовик в своей статье «Миф и сказка в творчестве Нила Геймана», писатель «привлек внимание исследователей неожиданной степенью мифореставрации, позволившей

автору не только выстроить собственную вселенную, но и восстановить в тексте основные принципы мифологического сознания: поиск героем себя и, как следствие, восстановления мифологического сознания» [3]. Действительно, во многих произведениях Нила Геймана сюжетобразующим элементом становится мифологический обряд инициации, а в романе «Американские боги»¹ («American Gods»²) этот обряд, как будет сказано ниже, имеет прямую отсылку к германо-скандинавской мифологии. Особенности мифологизирования в творчестве писателя заставляют говорить также о том, что он активно использует постмодернистский принцип цитатности, причем не только перефразирует отрывки из «Старшей Эдды»³, «Песни песней Соломона»⁴, «Гамлета»⁵ У. Шекспира, «Ворона»⁶ Э. По, но и цитирует отрывки из «Индустриальных мифов»⁷ Венди Донигер О'Флаэрти, приводит отрывки из американских песен и фильмов, создавая таким образом мозаичное полотно, видимая хаотичность которого на самом деле выстраивается в сложно организованную систему.

Одним из самых знаменитых произведений Нила Геймана является роман «Американские боги», написанный в 2001 году и удостоенный премии Брэма Стокера и Хьюго. Жанр этого произведения сложно определить одним словом, Б. Невский пишет: «Американские боги» — фэнтези, хоррор, триллер, детектив, драма, нравоучительная притча, густо сдобренная мифологией с вкраплениями философских размышлений о жизни, смерти и многих других проявлениях бытия» [7].

Сюжет «Американских богов» начинается как традиционный «роман дороги» — главный герой, носящий условное имя Тень (Shadow), только что освободившийся из тюрьмы и похоронивший жену, поступает на службу к некоему мистеру Среде (как впоследствии выяснится, это американское воплощение бога Одина), который сначала совершенно не объясняет свои планы, но увлекает героя в опасное путешествие по Америке, заново открывая ему

глаза на многие сакральные места в самой неподходящей для богов стране. В романе неоднократно повторяются слова, что «эта страна для богов не слишком подходит» (590), «до старых богов здесь нет дела... новых придумывают так же быстро, как потом забывают ради какой-нибудь новой большой идеи» (622), а в финале романа скандинавский Один говорит: «Мой народ плывал отсюда в Америку, много веков назад. Они туда сплавали, а потом вернулись обратно в Исландию. И сказали, что людям там хорошо, а вот богам — плохо» (682). Основная линия повествования постоянно прерывается вставками из «мифологической» истории Америки, которые демонстрируют, каким образом разные божества оказались так далеко от своих корней, и благодаря этому мозаичному повествованию подчеркивается универсальность бытования богов на американской почве. Оказывается, например, что еще в далеком 813 году скандинавы привезли в Америку своих богов (80–83), ведь согласно концепции Нила Геймана богов питает человеческая вера. По своей сути мысль эта не нова, «согласно науке не боги создали людей, а как раз наоборот» [5], «Бог существует, живет, а затем умирает только вместе со своим создателем. А создатель этот — сам человек» [1]. Помимо отсылки к психологическому объяснению существования богов, мы также видим явные параллели с романом Т. Пратчетта «Мелкие боги»⁸, написанным в 1992 году и высказывающим аналогичную мысль — боги существуют лишь благодаря вере в них, но для того, чтобы человек верил в бога, бог тоже должен верить в человека.

В романе Нила Геймана эта идея впервые озвучивается во сне, который видит Тень: «Боги смертны. И когда они умирают совсем, никто не оплакивает их, никто не вспоминает. Идею убить куда труднее, чем человека, но в конечном счете можно убить и ее» (71). Важно подчеркнуть, что сама концепция сна очень важна во всех произведениях писателя — сны нередко направляют героев и дополняют реальность, поэтому так важны сны Тени, в которых он видит божество, воплощенное в образе Бизона и олицетворяющее землю.

На смену старым мифологическим богам, как показывает писатель, приходит «новое поколение богов: боги кредитных карт и скоростных шоссе,

1 Гейман Н. *Американские боги* // Гейман Н. *Американские боги; Король горной долины; Сыновья Ананси*. М.: АСТ, 2014. С. 3–685. В круглых скобках указывается страница.

2 Gaiman N. *American Gods*. HarperTorch, 2008. 624 p.

3 *Старшая Эдда*. СПб.: Наука, 2005. 260 с.

4 *Песнь песней Соломона*. М.: Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.

5 Шекспир У. *Гамлет*. М.: Азбука-классика, 2009. 224 с.

6 По Э. *Ворон*. М.: Азбука-классика, 2014. 288 с.

7 Doniger Wendy *the Hindus: An Alternative History*. Penguin, 2009. 836 p.

8 Пратчетт Т. *Мелкие боги*. М.: Эксмо-Пресс, 2003. 432 с.

интернета и телефона, радио, телевидения и медицинского обслуживания, боги пластика, пейджеров и неоновых вывесок» (164). Именно с этими новыми богами, воплощенными, например, в образах Техномальчика и Медиа, и собирается вести битву Среда-Один. Среди нового поколения богов наиболее показательным образом является так называемый Техномальчик, разъезжающий на роскошном лимузине и не чурающийся грубых и жестоких мер, направленных на уничтожение богов старых. Он очень мало похож на бога, и даже речь его нарочито осовременена: «...мы <...> перепрограммировали реальность <...> язык — это вирус, вера — операционная система, а молитва <...> спам <...> Один клик, и ты переписан единичками и ноликами, в случайном порядке» (65–66).

Однако, как выяснится позднее, мистер Мирр, который направляет новых богов и подталкивает их к битве со старыми, не кто иной, как Локи «Кознодей» (508), который произносит: «Видите ли, исход этой битвы не имеет равным счетом никакого значения. Единственное, что имеет значение, — это хаос и кровопролитие» (583). И как Локи жаждет хаоса, так Среда желает смерти и новых, и старых богов, чтобы он, бог смерти, снова обрел свою божественную силу и власть. Тени, который оказывается сыном Среды, уготовлена роль разменной монеты в этом тщательно подготовленном заговоре, но ему удается спастись самому и предотвратить «Гибель богов», время которой хочет приблизить Среда-Один. Такая обрисовка образа Одина лишь отчасти противоречит традиционному мифологическому образу, потому что, с одной стороны, германоскандинавский бог желал отсрочить Рагнарёк, зная о своей гибели, но с другой — одно из имен бога звучит как Хникар, Сеятель раздоров: «Хникар я звался, убийство свершая и радуя ворона»⁹. И так, все повествование романа выстраивается на скандинавской идее Рагнарёка, однако Нил Гейман населяет пространство современной Америки не только представителями германоскандинавского пантеона, но и богами иных культурных традиций: лепреккон Бешеный Суини, подаривший Тени магическую золотую монету, отсылает нас к кельтской мифологии¹⁰, как и Морриган, богиня войны; Анупис и Тот, продолжающие в современной Америке похоронное ремесло,

соответствуют египетской мифологической традиции¹¹, да и посмертный суд над душой Тени, и в частности взвешивание его сердца, берет истоки из «Египетской книги мертвых»¹². Индуистская Кали, прославленная ветхозаветная Билкис (Суламифь), которой посвящена «Песнь песней Соломона», славянский Чернобог, западноафриканский Компэ Ананси и многие другие традиционные божества, вера в которых была привезена в Америку переселенцами, действуют на страницах романа Нила Геймана.

Далеко не все упомянутые боги подробно представлены в романе, но на примере мистера Среды, американского воплощения германоскандинавского Одина (Вотана), можно проследить принципы авторского мифологизирования. Само имя героя — Среда — сразу же отсылает нас к мифологической символике дней недели, потому что среда считается днем Одина, да и древневерхненемецкое наименование этого дня содержит имя бога — **Wodanstag (Wuotanstag)**. Подобную же ситуацию мы видим в древнеисландском языке, где среда обозначается словом *Óðensdagr* — день Одина. Настоящее имя Среды — Вотан — звучит из уст Чернобога в тот момент (89), когда читатель уже догадался, кто перед ним, потому что Нил Гейман тщательно воспроизводит символические и мифологические детали внешности Одина: «темно-серый шелковый галстук, на булавке — серебряное дерево: ствол, ветви, мощные длинные корни» (30) — намекают на мировое древо Иггдрасиль; указание на то, что «с глазами у соседа тоже что-то не так — оба серые, но один вроде как темнее другого» (32), призвано напомнить, что Один отдал свой глаз великану Мимиру за глоток из источника мудрости, а белый шрам на одном боку (78) обращает читателя к мифу о том, что Один провисел на мировом древе, пронзенный копьем. Свой договор с Тенью Среда-Один скрепляет медом, который оказывается весьма кислым и неприятным на вкус, но делает Тень неожиданно разговорчивым, что опять же отсылает нас к свойствам легендарного Меда поэзии, миф о котором наиболее полно представлен в «Младшей Эдде»¹³ Снорри Стурлусона. В одном из эпизодов романа Среда перечисляет

9 Речи Регина // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 100–103.
10 Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2002. 640 с.

11 Египетская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. 592 с.

12 Египетская книга мертвых. М.: Фолио, 2013. 288 с.

13 Язык поэзии // Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006. С. 56–101.

свои имена: «Тот-Кто-Рад-Войне, Грим, Налетчик, Третий, Высокий, Отец Всех, Гондлир Держатель Жезла» (158), что является сокращенным перечнем пятидесяти четырех имен Одина в «Речах Гримнира»¹⁴. Позднее говорится о том, что Среда собирает богов в палатах Валаскьяльв (159), что соответствует тексту «Видения Гюльви»¹⁵, а также мы слышим из уст Среды описание восемнадцати заклинаний, которые он знает (332–333), что представляет собой прозаический пересказ отрывка из «Речей Высокого»¹⁶.

Один из ключевых эпизодов романа — инициация Тени — тоже связан с германо-скандинавской мифологической традицией. Одной из обязанностей Тени согласно его договору со Средой является исполнение «бдения», если Среда погибнет, и, когда американский Один действительно умирает (что на самом деле является тщательно спланированной провокацией), Тень вынужден исполнить свое обещание, хотя другие боги его отговаривают, указывая на тяжесть этого обряда:

«Тот человек, который исполняет бдение, — его привязывают к дереву. Так же, как когда-то самого Среду. И он висит там девять дней и ночей. Без еды и питья. В полном одиночестве. Потом его с дерева срезают, и если он жив... ну, в общем, такое тоже бывает. После этого можно считать, что Среда получил свое бдение» (518). Ритуал совершают норны, которые живут возле огромного дерева в Вирджинии, обозначенного как ЯСЕНЬ (520), по дереву бегают белка, которая выкрикивает «рататоск» (526), — и все эти мифологические детали возвращают нас к мифу о том, как Один пригвоздил себя к Иггдрасилю на такой же срок, чтобы пройти шаманскую инициацию.

Для Тени это бдение оказывается очень важным, потому что он не только видит прошлое, предшествующее его рождению, и прозревает, что Среда — его отец, но также проходит испытание в Загробном царстве и понимает свое истинное предназначение — предотвратить битву богов. За динамичным полудетективным сюжетом на самом деле стоит очень важная мысль, которую Нил Гейман вкладывает в уста одного из «новых божеств»:

«Свобода вероисповедания в конечном итоге означает также и свободу верить в ложных богов» (465), — и Тень подводит итог всем божественным спорам и распрям всего лишь одной фразой: «По мне так лучше быть человеком, чем богом. Нам не требуется, чтобы хоть кто-то в нас верил» (624).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что, во-первых, Нил Гейман использует постмодернистский принцип цитатности для усложнения структуры художественного произведения, прямо или косвенно цитируя мифологические тексты («Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Песнь песней Соломона» и др.) и детально воспроизводя традиционные представления о богах, а во-вторых, обращаясь к проблеме существования богов в современном мире, ставит вопрос об особенностях мировоззрения американской нации и задумывается не только о месте богов в современном мире, но и о месте человека в мире богов.

Список литературы

1. Захаров А. Возникновение бога. Как это было или как могло бы быть иначе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.atheism.ru/library/Zakharov_6.phtml (дата обращения 12.11.2015).
2. Королева О.А. Демифологизация в художественном пространстве романа Т. Пратчетта «Пирамиды» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. Вып. 1 (2). С. 118–121.
3. Лозовик Е.В. Миф и сказка в творчестве Нила Геймана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journaldiscussion.ru/publication.php?id=140> (дата обращения 12.11.2015).
4. Меньщикова М.К. Античный код в мифопоэтической системе Фридриха Гёльдерлина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. Вып. 1 (2). С. 162–165.
5. Минаков Г.М. О возникновении феномена духовности с точки зрения единой науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chestisvet.ru/?id=71#r1> (дата обращения 15.11.2015).
6. Наумчик О.С. Игра с мифологическими образами как структурообразующий принцип романа И. Кальвино «Замок скрестившихся судеб» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. Вып. 6. С. 222–226.
7. Невский Б. Фантасты: современники. Нил Гейман // Мир фантастики и фэнтези. 2007. № 50 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2257.htm> (дата обращения 10.11.2015).
8. Шарыпина Т.А. Своеобразие мифотворчества в художественном мире Ганса Эриха Носсака // Новые гуманитарные исследования. 2012. № 7. С. 8.

14 Речи Гримнира // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 35–41.

15 Видение Гюльви // Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006. С. 13–56.

16 Речи Высокого // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 16–30.

Зловещие кузнецы

Анастасия ТИШУНИНА

ПЕРСОНАЖИ, владеющие кузнечным мастерством, встречаются во многих мифологиях мира: это Гефест у древних греков, Ильмаринен в карело-финском эпосе «Калевала», Вёлунд и Регин у германцев. Зачастую народные поверья и легенды наделяют кузнецов некими сверхъестественными способностями. Согласно представлениям людей, кузнец повелевает не только огнём и металлом с помощью своих профессиональных навыков, но ещё и связан с магией.

В данной небольшой статье мне бы хотелось рассмотреть несколько самых ярких эпизодов из саговой литературы, связанных с кузнецами, которые иллюстрируют их связь с миром магии.

Напрямую о связи кузнеца с магией говорится в описании Торгрима, персонажа «Саги о Гисли»:

«Жил человек по имени Торгрим, по прозвищу Нос. Он жил во Дворе Носа на восточном берегу Реки Ястребиной Долины. Он был силен в ворожбе и волшбе и был колдун, каких мало. Его то и приглашают Торгрим с Торкелем к себе, потому что у них тоже шёл пир. Торгрим был искусным кузнецом, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торгрим делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нём были насечены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь» (*глава 11, перевод О.А. Смирницкой*).

В «Книге о занятии земли» рассказывается о кузнеце по имени Стейнрёд, который, судя по всему, был искусен не только в делах кузнечных, но и ещё кое в чём. Однако об этом говорится не

так прямо, как в предыдущем примере, и читателю приходится самому догадаться о природе его способностей.

«Одного человека звали Торир Истребитель Великанов. Он родился в Эмде, что в Халогаланде, начал враждовать с ярлом Хаконом, сыном Грьотгарда, и поэтому уехал в Исландию. Он занял всю Бычью Долину и жил на Озёрной Реке. Его сыном был Стейнрёд Сильный, что помогал многим людям, которым злые духи причиняли вред. Одну злую женщину и ведьму звали Гейрхильд. Люди с даром ясновидения приметили, как Стейнрёд пошёл к ней без предупреждения, а она превратилась в бурдюк, наполненный водой. Стейнрёд был кузнецом. У него в руке был большой железный прут. Об этой встрече есть такая виса:

Палке велит почаще
тот, кто трудится молотом,
пошуметь по мошне насмешек
Гейрхильд, да посильнее.
Всласть погуляло железо:
вспухли бока у тролльши,
крепко на Хьяльтаэйри
рёбра болят у старухи».

(*глава 68, перевод Т.В. Ермолаева*).

Здесь можно отметить упоминание большого железного прута в руке у Стейнрёда. Железо само по себе часто наделялось способностью отгонять нечистую силу, а прут напоминает собой колдовской посох или жезл. Например, вэльвы редко обходились без своих магических жезлов.

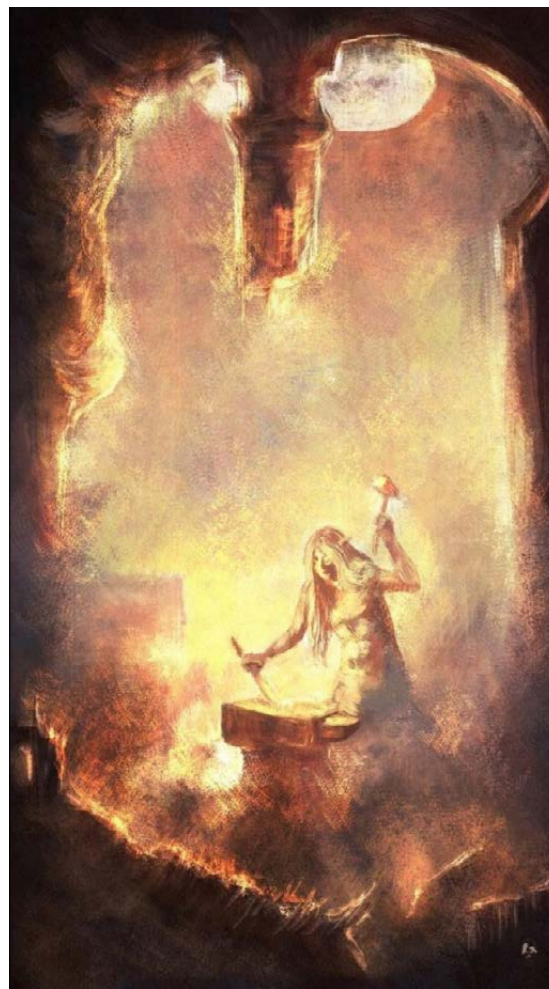
Ну а самым оригинальным примером использования кузнецом магии можно назвать описаниековки меча Велентом из «Саги о Тидреке из Берна».

Согласно тексту саги, он сначала выковывает для конунга меч по имени Мимунг, который тот у него заказал, но после испытания остроты клинка уничтожает первую версию меча и создаёт вторую.

«Велент вернулся в кузницу и сточил напильником весь тот меч в опилки. Теперь смешал он опилки с мукой, три дня морил голодом приручённых птиц и затем дал им поесть эту муку. Собрав птичий помёт, он поместил его в горн и расплавил, и выкипело из этого железа всё, что было в нём мягкое. И из него изготовил он меч поменьше, чем первый». (перевод Т.В. Ермолаева).

Специалисты в области археологии и кузнечного дела уже не первый год пытаются выяснить, что же именно происходит в приведённом выше фрагменте. Высказывалось предположение, что азот или фосфор, полученные из навоза животных, могут быть соединены с железом во время плавки. Однако в ходе проведения соответствующих экспериментов выяснилось, что в действительности этого не происходит (Tylecote 1986:193). Судя по всему, рационального объяснения у описанной технологии быть не может. Перед нами, скорее всего, рассказ о магическом ритуале, влияющем на изготовленное изделие неким сверхъестественным способом. ◆◆

«Кузнец Вёлунд».
Автор Alessia Valastro

Источники:

1. Hall, M. *Viking Age Ironworking: the Evidence from Old Norse Literature*.
2. Tylecote, R. *The Metallography of Early Ferrous Edge Tools and Edged Weapons*
3. Книга о заселении земли.
4. Сага о Гисли.
5. Сага о Тидреке из Берна.

Birka Historical Tattoo Fest

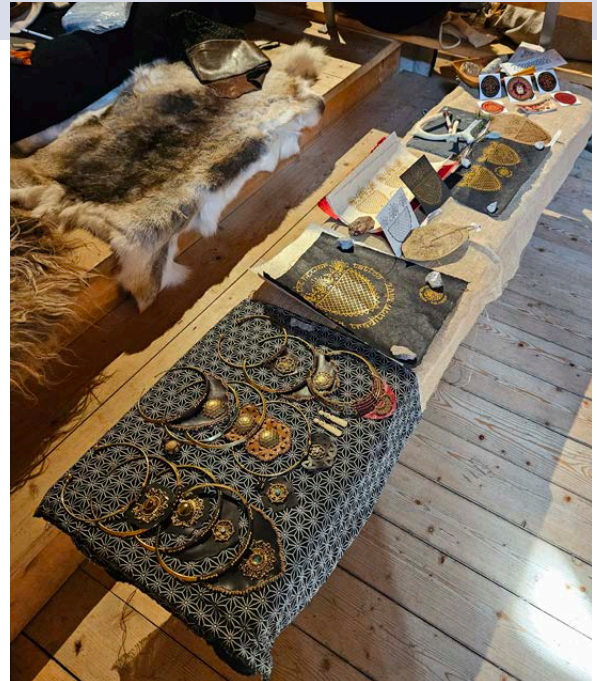
Игра «ИСКРА» ХЁЛУНД

С 6-го по 9 июня в Бирке проходил тату-фестиваль, куда прибыли 35 тату-художников со всего мира. По подсчёту организаторов фестиваля, на острове побывало около 200 викингов. Время у мастеров бронировалось заранее, поэтому на месте уже всё было забито, и они работали каждый день.

Кроме самих тату артистов там была ещё небольшая ярмарка с историческими и не очень товарами, можно было пострелять из лука и научиться танцам. Музыкай подбадривали две группы из Польши, но многие викинги тоже пели и играли на разных инструментах.

Это был первый фестиваль такого масштаба на Бирке за последние несколько лет, и организаторы рады, что фестиваль растёт и привлекает интерес.

Амулет «Троллий крест»: что это и как он работает?

Филип ЛЮФОЛЬК

Перевод с английского:

Анастасия ТИШУНИНА

Перевод первоначально опубликован
в сообществе «Библиотека викинга»
https://m.vk.com/biblioteka_vikinga

Добро пожаловать в царство скандинавского фольклора, где в тенях прячутся грозные тролли, а сила древних талисманов способна отгонять зло. Попробуем разгадать тайны амулета, овеянного легендами и наделенного защитной силой. С давних пор в скандинавском фольклоре железо наделялось функцией защиты от злых сил. Читая о троллях и способах защиты от них, вы, возможно, слышали о так называемом «Тролльем кресте». Сперва давайте углубимся в увлекательную историю этого амулета, исследуем его происхождение и секреты изготовления, а затем раскроем тайны, которые позволяют ему защищать тех, кто его носит.

Происхождение загадочного талисмана

Амулет «Троллий крест» — это защитный символ, широко распространившийся в наши дни. Считается, что дизайн его создал шведский кузнец Кари Эрландс в конце 90-х годов, и, вероятно, он вдохновлялся рассказами о мифических существах и могущественных талисманах, переплетающихся с жизнью обычных людей. Из фольклорных сюжетов мы знаем о том, что железо было способно защитить человека от злых сил. Такой

способностью обладал любой предмет, сделанный из железа.

И в наше время амулет приобрел вот эту самую форму. Есть, впрочем, некоторые сведения о том, что древний амулет точно такого же вида был найден в ходе любительских археологических раскопок на участке, принадлежавшем дедушке и бабушке кузнеца Кари Эрландса, но эти данные так и не были подтверждены.

Широкое распространение: символ защиты во всём мире

Несмотря на то, что, судя по всему, этот символ не является древним, интересно, насколько широко и быстро «Троллий крест» распространился по всему миру. Сегодня многие носят его как защитный амулет, который, как полагают, отгоняет троллей, злых духов и несчастья.

В последние годы сильно растёт интерес к скандинавскому язычеству и его символике, что приводит к новому пониманию символов. Современные интерпретации часто объединяют элементы современного дизайна и традиционную символику. Этот ренессанс демонстрирует способность символов адаптироваться к меняющимся временам, сохраняя при этом свои основные значения и функции.

Традиционные методы создания амулета сохраняют аутентичность и культурное значение кузнечного ремесла. Мастера тщательно формуют

и куют железо — материал, который в скандинавском фольклоре тесно связан с защитой.

Вариации в материалах: художественные воплощения в наше время

Троллий крест, объединённый с Молотом Тора

Хотя традиционным материалом для этого амулета остаётся железо, ремесленники также пробуют использовать для его создания другие материалы, такие как бронза, серебро и даже дерево. Эти вариации отражают разнообразие художественных воплощений.

Несмотря на течение времени и эволюцию современного общества, амулет «Троллий крест»

сохраняет свою популярность как символ защиты и привлечения удачи. Причины его популярности кроются в тесной связи со скандинавским культурным наследием и в актуальности его функций даже в современном мире. В сознании людей стремление к защите от злых сил укоренилось очень глубоко. Амулет помогает нам и придаёт силы для противостояния с непознанным.

Заключение

Амулет «Троллий крест» — это больше, чем просто украшение; это окно в прошлое, осязаемая связь с богатым культурным наследием Скандинавии. Это символ стойкости, напоминание о силе веры и свидетельство непреходящего стремления к защите.

Он подойдёт тем, кто ищет связь со своими скандинавскими корнями или нуждается в защите, или же просто хочет носить уникальное украшение, пропитанное духом истории. Следует помнить, что истинная сила любого амулета всегда заключается в вашей вере в него. Носите его с гордостью, и пусть его защита поможет вам преодолеть жизненные трудности.

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–45 номере «Северного ветра».

ЧАСТЬ III. Концепция будущей жизни

*And down from thennes faste he gan avyse
This litel spot of erthe, that with the se
Embraced is, and fully gan despise
This wrecched world, and held al vanite
To respect of the pleyn felicite
That is in hevене above.*

Chaucer, Troilus and Criseyde

*«И вниз на твердь, на островок наш тесный
Средь вод морских, он глянул с высоты —
И, восхищён гармонией небесной,
Презрел сей мир, исполненный тщеты».*

Чосер. «Троил и Крессида»

При изучении информации о похоронных обычаях в Скандинавии складывается впечатление, что в литературной традиции сохранилось две основных концепции, в одной из которых тело в посмертии разрушается, а в другой умерший после смерти уходит в землю, где телесно живёт. Из этой отправной точки мы двинемся к встречающимся в сагах и поэзии упоминаниям об идее будущей жизни, чтобы посмотреть, насколько это впечатление подтвердится. Поскольку вера в посмертную жизнь после разрушения тела по нескольким уже приведённым отрывкам представляется связанной с поклонением Одину, первая часть информации, которую следует рассмотреть подробно, — это описание рая Одина, Валгаллы, данное как в стихах, так и у Снорри в Младшей Эдде. Вопросы, на которые следует обратить внимание: во-первых, насколько идея воинского рая вечной битвы и пиршества

представляет собой просто творческое осмысление поэтов без какого-либо религиозного значения и, во-вторых, насколько возможно приравнять концепцию Валгаллы в литературе к представлению о другом мире по ту сторону могилы.

В простейшей, обнаруженной в *Сагах об Исландцах* (Íslendinga Sögur), форме представления о жизни, продолжающейся под землёй, мертвец живёт в кургане как в доме, и там по-прежнему пользуется имуществом. Также существуют две более сложные вариации этой идеи, которые требуется рассмотреть; одна из них — мрачный подземный мир мёртвых, а другая — мир мёртвых внутри горы. Думаю, довольно важно оценить распространённость и состоятельность этих понятий в литературе, даже если, исходя из установленных признаков, невозможно решить вопрос, имеем ли мы дело с воспоминаниями о реальных верованиях или нет, ибо только таким образом можно расчистить почву для дальнейшего исследования.

Концепция Валгаллы в Старшей Эдде

Для ясного представления о жилище Одина в Валгалле мы должны сначала обратиться к поэтической Эдде. Эдда содержит ряд песней типа «вопросов и ответов», в которых один персонаж — бог, великан или карлик — пытается перещеголять другого в своём знании космологии и будущего человеческого и божественного миров, но эти песни содержат мало информации о судьбе

человеческого рода после смерти. В *Речах Вафтруднира* (*Vafþrúðnismál*) — диалоге между Одином и мудрым великаном — Вафтруднира спрашивают, кто каждый день бьётся во дворе Одина. Он отвечает, что это *эйнхериу* — то есть великие или высокопоставленные воины, что, вернувшись после битвы домой, мирно восседают вместе, и победители, и убиенные. Мы узнаем больше об этих *эйнхериях* из *Речей Гримнира* (*Grímnismál*), монолога, предположительно произнесённого Одином, когда он сидел, страдая, промеж костров в доме Гейррёда¹.

Это слово используется несколько раз для описания воинов, пребывающих с Одином, который, как говорится, выбирает некоторых погибших в земных боях, чтобы жить с ними в Валгалле, его светлом чертоге в Гладсхейме. Жизнь, которую они ведут там, полна радости и пиршеств, невзирая на вечный бой. Однако зал полон щитов и доспехов, под его потолком Волк и Орёл — создания битвы, и он достаточно велик, чтобы вместить множество гостей. В зал ведут более шестисот дверей, и через каждую дверь выйдут сотни на битву с Волком. Поэт продолжает описывать пиршество в Валгалле; он рассказывает о вепре Сехримнире, чья плоть вечно питает воинов, и светлом мёде от козы Хейдрун, который никогда не кончается. Одиннадцать дев, чьи имена перечислены, несут кубки воинам, и две подносят рог Одину, который сам не нуждается в мясе, но живёт только вином. Из стиха 21 мы делаем вывод, что павшие герои достигают Валгаллы, переходя вброд могучую реку Тунд, и входят через ворота Валгаллы, которые никогда не закрываются. Наконец мы видим злое упоминание о дне, который принесёт конец этой весёлой жизни, дне, когда герои выйдут против Волка.

На этом в поэзии практически заканчивается информация о Валгалле. Добавятся лишь краткие и запутанные намёки. В другом месте *Речей Гримнира* говорится (*Grímnismál*, ст. 14), что Фрейя выбирает, с кем будет делить место в своём дворце Фолькванг, и что в каждом бою она берёт себе половину убитых, в то время как половина принадлежит Одину. В *Речах Харбарда* (*Hárbarðsljóð*, ст. 24) противник Тора, о личности которого нет полной ясности, насмехается над ним, замечая, что к Одину попадают убитые ярлы, а у Тора раса рабов. В *Прорицании Вёльвы* (*Völuspá*) содержится

только срок побудки воинов Одина пением петуха Гуллинкамби, упомянутым среди признаков приближения рока в конце всего.

Старшая Эдда, следовательно, даёт немного информации, в основном вся она приходит из одной песни — *Речей Гримнира* (*Grímnismál*). Описанное не слишком ясно. Есть, видимо, некоторая система отбора, по которой только часть убитых достигает Валгаллы, но что она такое, мы не знаем. Предполагается, что есть ряд альтернативных возможностей; *Речи Гримнира* (*Grímnismál*) говорят нам, что Один (Хрофт) сам выбирает убитых, но есть замечание в стихе 14, что Фрейя отбирает половину из них для своего собственного чертога. В *Речах Вафтруднира* (*Vafþrúðnismál*) сказано, что выбирают тех, кто станет *эйнхериями*. С другой стороны, поэма XI века *Песня валькирий* (*Darraðarljóð*, ст. 6) сообщает, что валькирии имеют право выбрать убитого. Выражение *kjósa val* само по себе трудно для интерпретации, поскольку оно может означать «делать выбор», так что либо павшие в битве², либо вообще убитые могут войти в Валгаллу.

Если мы обратимся от Старшей Эдды к *Видению Гюльви* (*Gylfaginning*) — первой части Младшей Эдды Снорри, поначалу создаётся впечатление, что в ней о Валгалле упоминается много раз. Её начальный раздел — это своего рода резюме мифологии в форме диалога между ненасытно любопытным и первозданно невежественным Ганглери и тремя таинственными владыками; и Валгалла является одним из объектов, которым он, естественно, очень заинтересован. В главах XX, XXIV, XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XL и XLI мы находим довольно согласованное и последовательное описание, но если его сверять по пунктам с данными из поэм, будет видно, что в нём не представлено новых данных — только догадки, которые может сделать имеющий немного фантазии умный читатель, основанные на уже рассмотренной нами информации из поэм.

Существует видимая связь разрозненных фрагментов информации; например, в главе XL Снорри следует прямо от описания количества и размера дверей в Валгалле, взятого из *Речей Гримнира* (*Grímnismál*), к идее вечной битвы, найденной в *Речах Вафтруднира* (*Vafþrúðnismál*), но нет выводов, которые мы не смогли бы сделать

¹ W. 8 ff., 18 ff., 21 ff., 36.

² В данном случае это может быть попросту поэтическое выражение для «to slay in battle».

сами из имеющегося у нас знания стихов. Снорри также разворачивает из поэм описание, как он сделал в великолепной обработке темы еды и питья *эйнхериев* в главах XXXVIII и XXXIX, но, судя по всему, там нет дополнительной информации, которая дала бы право заключить, что он пользовался другими, недоступными нам, источниками. Он добавляет свои собственные элементы лишь для очень мелких деталей. Описывая в *Речах Гримнира* кормление Гери и Фреки, Один не говорит, кем или чем являются эти существа; Снорри с определённой ясностью сообщает нам, что они волки. Ещё он говорит, что выпиваемый *эйнхериями* мёд бежит из рогов козы Хейдрун (XXXIX). Это на первый взгляд кажется не слишком очевидным предположением, но в следующем стихе *Речей Гримнира* вдобавок к упоминанию Хейдрун говорится, что все реки мира вытекают из рога спутника Хейдрун, оленя Эйтюрнира, так что здесь снова заявление Снорри может быть основано на не более чем внимательном чтении *Речей Гримнира*. Более того, Снорри не поясняет такой вопрос, как выбор убитых Фрейей, он просто пересказывает стих как есть, а потом цитирует его (XXIV). Снорри, конечно, знал, как наилучшим образом использовать имевшиеся в его распоряжении документы, но что касается конкретно Валгаллы, есть основания полагать, что знал он не больше нас.

Два скальдических стиха, восходящие к X веку — *Речи Эйрика* (Eiríksmál) и *Речи Хакона* (Hákonarmál), — имеют одну и ту же тему — вступление конунга в Валгаллу после гибели в битве. Картины они рисуют в соответствии с *Речами Гримнира* (Grímnismál) и изложением Снорри, хотя тема последней великой битвы звучит более напряжённо. Несомненно, в X веке Валгалла была известной поэтической темой, которую можно было использовать с большим драматическим и эмоциональным эффектом, но это ничего не говорит нам о том, насколько современной и реальной была вера в неё. Но, хотя можно посчитать Снорри и ранних скальдических поэтов использующими имеющийся в их распоряжении материал художественно, так что нам незаметно неясностей и нестыковок, это не так для *Речей Гримнира*. Эта песнь предполагает наличие фоновых знаний, для нас потерянных, и в ней нет попытки сделать из имевшихся обрывков информации художественное целое. Это по крайней мере предполагает, что понятие Валгаллы, которым с энтузиазмом

пользовались поэты и позже Снорри, составляла лишь малую часть гораздо большей концепции, забытой более поздними писателями.

Валькирии

Эта идея подтверждается, в частности, загадочными фигурами валькирий. В *Речах Гримнира* (Grímnismál, ст. 36) говорится об одиннадцати девах, что разносят вино воинам в Валгалле: Скеггьельд, Скёгуль, Хильд, Труд, Хлёкк, Херфьётур, Гейр, Гейрёлуль, Рандгрид, Радгрид и Регинлейв. Ещё две, как сказано, подносят рог Одину: Христ и Мист. Снорри сообщает, хотя в песне этого не сказано, что это валькирии: «*Помощниц этих Один посылает в каждую битву; они решают, кому из мужей суждено умереть, и присуждают победы*» (XXXVI). Он прибавляет ещё три имени, говоря, что «*Гунн, и Рота, и младшая норна по имени Скульд всякий раз скачут на поле брани и выбирают, кому пасть в битве, и решают её исход*».

Два из этих имён, несомненно, найдены в списке валькирий, данном в *Прорицании Вёльвы* (Völuspá, ст. 30), хотя там не говорится ни о чём, кроме их выездов в битвы; Скульд, Скёгуль, Гунн, Хильд, Гёндуль и Гейрскёгуль приведены здесь в качестве имён «*валькирий Повелителя Воинов*». В *Речах Хакона* (Hákonarmál) снова обнаруживаются Гёндуль и Скёгуль как валькирии, доставляющие Хакона в Валгаллу. *Песнь валькирий* (Dargǫarljóð) даёт ещё два имени: Хьёртримуль и Свипуль; в то время как Хильд повторяется, а Сангрид может быть той же, что Радгрид в *Речах Гримнира* (Grímnismál)³.

Однако самое интересное в валькириях — разные обличья, в которых они появляются. В *Речах Хакона* (Hákonarmál) это благородные и достойные женщины, в полном вооружении восседающие на конях; их изображают исполняющими указания Одина и по его воле дарящими победу. В *Песне валькирий* (Dargǫarljóð) это совершенно иные фигуры, более жестокие и грубые, которые показаны плетущими паутину битвы и ликующими среди резни и крови. Они имеют мало общего с элегантно абстракцией *Речей Хакона*; скорее, они сродни существам, что в некоторых эпизодах саг носят корыто и ездят на волках⁴, сидят в доме, залитом

3 N. Kershaw, *Anglo-Saxon and Norse Poems* (Cambridge, 1922), p. 193.

4 *Haralds Saga Harðrada: Heimskringla*, LXXX-LXXXI.

кровью⁵, размахивают окровавленной одеждой над воинами⁶ или орошают кровью округу⁷; они кажутся естественной частью компании странных примитивных существ, то тут, то там появляющихся в скандинавской литературе, чтобы радоваться убийствам и распрям людей.

Опять же, у нас есть валькирия Свава, явившаяся в компании девяти дев перед молодым Хельги, чтобы подарить ему имя⁸. В дальнейшем она выступит его сверхъестественной охраной и защитой в бою, и он приветствует её как свою «сияющую невесту». В сияющих доспехах она скачет над землёй и морем, но здесь её сущность весьма отличается от служительниц Одина, и она соединяется с парнем в его следующей жизни. О Сигрун, наречённой второго Хельги, сказано, что та была перерождённой Свавой, в прозаических вставках *Песни о Хельги, убийце Хундинга II* (Helgakviða Hundingsbana II) она тоже описана скачущей по воздуху валькирией. И в то же самое время она смертная дева и человеческая невеста Хельги. В *Речах Фафнира* (Fáfnismál) и *Речах Сигрдривы* (Sigdrífumál) Сигурд посещает валькирию Сигрдриву и находит её спящей в окружённом пламенем замке, потому что, по её словам, та обидела Одина, отдав победу конунгу, для которого тот предопределил поражение. В *Поездке Брюнхильд в Хель* (Helreið Brynhildar) и *Саге о Вёльсунгах* (Völsunga Saga) снова любопытная смесь человеческого и сверхъестественного, а Сигрдрива становится Брюнхильд⁹. Наконец у нас есть понятие о валькирии как женщине, которая может принять обличье лебедя. Так происходит в *Песне о Вёлунде* (Völundarkviða), где Вёлунд и два его брата получают в жёны трёх валькирий, украв их лебединые перья, вследствие чего те не могли улететь, и также в *Саге о Хромунде сыне Грима* (Hrómundar Saga, VII) воина защищает женщина в облике лебедя, в бою летающая над его головой и поющая заклинания, благодаря которым тот неуязвим. Здесь, правда, не используется слово «валькирия», но, кажется, есть тесная связь с подобными сущностями из других сказаний, которые мы уже рассмотрели. Мы будем обсуждать концепцию валькирий

далее, в главе, посвящённой *понятию души*; здесь же необходимо отметить широту и сложность характеристик валькирий, которые появляются в скандинавской литературе, и сколь часто они выходят за рамки прислужниц Одина, в качестве которых определяют их скальдические поэты и Снорри. Странное поверье о «деве-защитнице» или «деве боя», то и дело повторяющееся в *Сагах о Древних временах* (Fornaldar Sögur) и также встречающееся у Саксона Грамматика, видимо, связано с понятием валькирии и имеет примеры за пределами Скандинавии. Как будет показано далее, Саксон, по-видимому, также вводит валькирий в легенду о Бальдере и Хотере, где они надобны, чтобы незримо участвовать в битве и решить судьбу войны¹⁰. Он, однако, называет их «лесные нимфы», и именно их встречает в лесу Хотер. Они, как и упомянутые выше валькирии, не слуги Одина, но выступают в качестве сверхъестественных опекунов и защитников тех, кому благоволят¹¹.

Сверхъестественные «сортировщики убитых» были известны также у англосаксов. К X веку они попали в противники христианского бога, и Вульфстан презрительно поместил их среди ведьм и преступников¹²; даже в XIV веке их точно так же объединяют с ведьмами в аллитерационной поэме «Чистота» (Cleaness)¹³. Но гораздо веселее обнаружить сортировщиков павших (валькирий и др.), несколько раз появляющихся в ранних англо-саксонских словарях и прокомментированных на латыни. Слово *wælcyrge* (*walcyrge*, *walcrigge*) список¹⁴, который можно датировать ещё VIII веком, даёт как англо-саксонский эквивалент для «Tisifone», «Euryne» и «Herines» (Эринии); а другая рукопись XI века¹⁵ — однажды

¹⁰ Saxo, III, 70, p. 84.

¹¹ Различие между жестокими стихийными существами и сверхъестественными женщинами-защитницами выявил Нескел (Walhall XVI, стр. 82 f.). Он считает, что класс валькирий, радующихся крови и убийствам, принадлежит старой вере в качестве разновидности демонов битвы, родственной великаншам и враждебной богам, тогда как Фрейя — главный дух из другого класса, дающего помощь и защиту, который он называет *dísir* (дусы). Вопрос *dísir* будет обсуждаться далее в главе V.

¹² Wulfstan (ed. Napier, Berlin, 1883), LVII, p. 298.

¹³ Early English Alliterative Poems, E.E.T.S. 1864, Cleaness, 1. 1577.

¹⁴ Corpus Christi Cp. CXLIV (ed. T. Wright, Vocabularies, 1873): II, 122. 34; 107. 43; 110. 34.

¹⁵ MS. Cotton. Cleopatra A III, *ibid.* II, 43. a; 5. 70; 12. 12; 94. 15. *ibid.* I, 60. 21; в следующей строке у нас есть *Parcae, hægtesse*, и хотя *wælcyrge* — во множественном числе, высказывалось предположение, что по смыслу соответствует.

⁵ Sturlunga Saga (Kongelige nordiske Oldskriftselkab, 1906), i, p. 285.

⁶ *Ibid.* p. 494.

⁷ Víga-Glúms Saga. XXII.

⁸ Helgakviða Hjörvarðssonar II: prose introduction.

⁹ Тема Сигрдривы-Брюнхильд подробно обсуждается выше.

для «Herinis», однажды для «Allecto» и дважды для «Bellona»; в то время как в словаре Альфрика множественное число (*wælcyrige*) вновь используется для Тисифоны. Наконец, в одной рукописи Альдхельма *De Laude Virginitatis*¹⁶ *wælcyrige* даётся как комментарий к *veneris*.

Обобщение богини войны Беллоны и фурий, эриний, Тисифоны и Аллекто даёт нам женских существ, связанных с судьбой и с насильственной смертью, действительно напоминающих бешеных валькирий из древнескандинавской литературы, которые, как мы видим, отличаются от более привычного облика волшебных спутниц под водительством Одина; это подтверждает пункт, где это слово упомянуто как пояснение для «горгон»¹⁷.

Вполне возможно, такой была древняя концепция, связанная с ранним поклонением Водану в Северной Европе, и в дальнейшем литература отразила это идеей сверхъестественного телохранителя, чьи полномочия распространялись на жизнь в следующем мире. Связь между *veneris* и «сортировщиками убитых» одновременно показательная и озадачивающая, поскольку она подтверждает связь между валькириями и Фрейей, которую нам продемонстрировали, но не объяснили в *Речах Гримнира* (*Grímnismál*).

Идея сверхъестественного хранителя, сопровождающего избранного воина в следующем мире, в наиболее развёрнутой форме обнаруживается в *Сказе о Гисли* (*Gísla Saga*)¹⁸, где огромное множество стихов, в которых герой рассказывает о своих снах. Язык, словарный запас и стиль, по-видимому, принадлежат лучшему периоду скальдического стихосложения, и, по-видимому, нет особых причин сомневаться в практике, которую приписывает им сам Гисли¹⁹. В первом из этих «сонных стихов» некто, кого в прозаическом дополнении поэт называет лучшей женщиной своей мечты, берёт его в гости в мир мёртвых, и там его приветствует множество других женщин. В зале горят огни, и его гид поясняет, что количество огней представляет собой количество лет, которые ему осталось прожить. Она даёт

ему чёткие моральные наставления и, в частности, советует избегать магии, не искать ссор и не обижать бедных и беспомощных. Далее говорится, что его сны стали хуже, и теперь стихи сообщают о другой женщине, которая является «покрытая человеческой кровью» и мажет его ею (XXIV). Затем первая женщина приходит к нему снова; её называют «невестой», и это, видимо, больше, чем просто поэтический образ, поскольку затем она уносит его на своём сером коне и везёт в мир мёртвых, где есть мягкая кровать с подушками. Она говорит: *«Сюда ты обязательно придёшь, когда умрёшь... вечно будут тогда у сокрушителя секир все богатства и женщина»* (XXIX). Вторая женщина разозлена этим и клянётся, что так не будет; согласно стихам, она последней посещает Гисли перед его смертью и, когда появляется в последний раз, обрызгивает его кровью и закутывает в красные одежды (XXXII). Очевидно, что определённое сходство с валькириями есть и у женщины, которая едет на сером коне, и у другой женщины с ужасным пристрастием к крови и бойне, напоминающей ткачих из *Песни валькирий* (*Darraðarljóð*); хотя в представлении о сверхъестественной хранительнице, называемой женой оберегаемого ею человека, есть некоторое подобие рассмотренным сюжетам. Здесь можно предположить некоторую связь с историей Саксона, где описано, как в ночь перед смертью Бальдер видел во сне стоящую рядом с ним Прозерпину, и та пообещала ему, что *«наутро он попадёт в её объятия»* (III, 77, стр. 93). Интересно заметить, что есть и другие примеры соперничества между валькирией, опекающей воина, и другим сверхъестественным существом зловещего вида, которые спорят за обладание избранным человеком; в *Песни о Хельги сыне Хьёрварда* (*Helgakviða Hjörvarðssonar*, 24 ff.) злобствует великанша Хримгерд, потому что, говорит она, Хельги предпочёл ей «украшенную золотом деву» — Сваю; и Брюнхильд, которую часто изображают валькирией, порицаема великаншей за то, что привела к гибели Сигурда, которого, как говорит великанша (во вступлении к *Поездке Брюнхильд в Хель* (*Helreið Brynhildar*), в *Пряди о Госте Норн* (*Páttir Norna-Gests*)), она сама много раз выбирала. Может ли это быть отголосками соперничества двух различных направлений мысли, связанных с последующей жизнью, одна из которых вытеснила другую?

16 Aldhelm, *De Laude Virginitatis* 4449. (*Old Eng. Glosses*, ed. Napier. Oxford 1900, p. 115).

17 *Da deor habbaþ wælcyrrian eagan (hae bestie oculos habent Gorgoneos)*. *Narratiunculæ Anglice conscriptæ* (ed. Cockayne, London, 1861) 34. 6.

18 *Gísla Saga*, XXII f.

19 F. Jónsson, *Gísla Saga* (*Altnord. Saga Bibliotek*, X, 1903), introduction, p. XXI.

Галина КРАССКОВА (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)

[https://
northern.thesaurusdeorum.com](https://northern.thesaurusdeorum.com)

Демонизация Локи

ПЕРЕВОДЫ

КАНДИНАВСКИЕ мифы в том виде, в каком они представлены в Старшей и Младшей Эддах, — сюжеты, записанные спустя столетие после закрытия последнего языческого храма в Скандинавии (в Упсале [Швеция] в 1110 году), — повествуют о тесно взаимосвязанных семействах богов и богинь и сложной динамике их отношений. В драматических судьбах, подвигах и характерных поступках этих богов и богинь отражена своеобразная игра конфликтующих элементов, в современном восприятии представляющая подчас неоднозначной и даже аморальной. Особенно это верно в отношении Локи. Локи — поистине удивительный персонаж. Пожалуй, во всем скандинавском пантеоне не найдется настолько противоречивого и в то же время настолько привлекательного божества. Этот факт признан не только в научной среде, но и в сообществе последователей Северной традиции, которая включает в себя ряд современных реконструкторских религий, стремящихся возродить культ скандинавских богов. Вопрос о роли и месте Локи в этом современном религиозном движении стал причиной идеологического раскола и по сей день вызывает жаркие споры среди американских северных язычников: этот необычный персонаж зачастую заводит в тупик не только ученых-исследователей, но и современных асатруа.

Учитывая ту провокационную роль, которую Локи нередко играет в эддических сюжетах, можно не удивляться, что ни академическое, ни религиозное сообщество до сих пор не пришло к единому мнению относительно его природы и функций. Историк религии Уильям Пейден отмечает, что

Сида Чэнь, «Локи»

«основой религий служит язык мифа <...> миф — это не носитель нейтральной, математической объективности, а непрерываемый голос, дающий имена тем величайшим силам, которые создают, поддерживают и воссоздают человеческую жизнь»¹. Мифы формируют и определяют эфемерное и вневременное, воздвигают живые мосты к нуминозному. И до некоторой степени подобные мифы — по самой своей природе — отражают верования и мировоззрение тех, кто их создает. Ввиду этого появление Локи в цикле мифов, сосредоточенном во всех остальных отношениях на так называемых «*geginn*», или силах **порядка**, оказывается еще более загадочным. Фрэнк Стен-тон Коули в своем эссе «Фигура Локи в германской мифологии» отмечает, что исследователь германской мифологии сталкивается со множеством непростых проблем, и «одну из самых больших загадок представляет собой бог Локи: различных

¹ William Paden, *Religious Worlds*. Boston: Beacon Press, 1994, p. 73. — Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

мнений о его природе и сути наберется, пожалуй, не меньше, чем исследователей, когда-либо им занимавшихся»².

В связи с этим и ввиду той главенствующей роли, которую он играет в дошедшем до нас цикле мифов, Локи неизменно притягивает к себе внимание. Он оживляет эддические сюжеты и служит катализатором всевозможных приключений и неприятностей. Он одновременно и друг асов, и злейший их враг. Он причисляется к богам, но в то же время в битве Рагнарёка выступает на стороне их противников. Он не признает никаких границ и своей очевидной и неистребимой лиминальностью сводит на нет все усилия тех, кто пытается понять и классифицировать его природу. Одна из современных служительниц Локи описывает его как бога «парадокса и неопределенности»³, и эта характеристика

2 Frank Stanton Cawley, *The Figure of Loki in Germanic Mythology*. Cambridge: Harvard University Press, p. 310.

3 Фуэнсанта Пласа, из личной беседы с автором, 20 апреля 2007 года.

прекрасно объясняет, почему и средневековые христианские авторы (воспринимавшие его как своеобразный скандинавский вариант Сатаны), и многие современные ученые и северные язычники относились и относятся к нему так опасно и неоднозначно.

В этой статье я попытаюсь исследовать природу Локи и его роль в эддических сюжетах, а также вопрос о том, какое влияние оказала его противоречивая натура на развитие современного северного язычества в Соединенных Штатах. Сущность Локи и его отношения с другими богами будут рассматриваться здесь в свете ключевых космологических принципов, отраженных в скандинавских верованиях (как древних, так и современных). Кроме того, я намереваюсь уделить внимание той подгруппе американских северных язычников, представители которой сосредоточены на поклонении Локи и его родичам.

Часть I. Роль Локи в Эддах

В скандинавской космологии мир начинается, фактически, с «большого взрыва». В начале была великая бездна под названием «Гиннунгагап». Исследователь Рудольф Зимек указывает, что этимология этого названия «с трудом поддается интерпретации», но предлагает такие варианты толкования, как «зияющая пустота» или, вслед за немецким ученым де Фризом, «пустота, наполненная магическими и творческими энергиями»⁴. В этой пустоте пребывали два диаметрально противоположных мира: Муспелльхейм, мир огня и движения, и Нифльхейм, мир льда, туманов и неподвижности. В конце концов, два мира столкнулись друг с другом, и эта первозданная катастрофа породила жизнь. Начался процесс космической эволюции. Когда лед Нифльхейма начал таять от жара Муспелльхейма, из первобытной смеси пара, льда, тепла и тумана возникло первое живое существо — протовеликан Имир. Имир стал питаться молоком первозданной коровы Аудумлы (от *audhr* — «богатство, изобилие»⁵). Аудум-

ла, в свою очередь, питалась солью, облизывая соленые ледяные глыбы Нифльхейма.

Из этого соленого льда — материи, насыщенной жизненной силой, — под языком Аудумлы появилось еще одно существо. Это был великан по имени Бури. Впоследствии Бури стал отцом Бора, а Бор породил первых богов-асов, в числе которых был и Один⁶. Один и двое его братьев убили Имира и создали из его мертвого тела мир людей — Мидгард. Асы изначально определили границы своих миров путем истребления многих великанов-йотунов — потомков Имира, в роду которых впоследствии появился на свет Локи. Аналогичная динамика конфликта и насилия пронизывает все эддические сюжеты и лежит в основе спорной и противоречивой природы Локи.

Несмотря на то, что Один сам происходит от йотунов, асы в эддических мифах постоянно воюют с великанами. О сущности йотунов исследователи спорят не меньше, чем о природе Локи — самого знаменитого представителя этого племени. Выдвигалось множество различных гипотез. Одни

4 Rudolf Simek, *Dictionary of Norse Mythology*. Trans. Angela Hall. Suffolk, UK: St. Edmundsbury Press, Ltd., 1993, p. 10

5 *Ibid.*, p. 22.

6 Krasskova, *Exploring the Northern Tradition*. New Jersey: New Page Books, 2005, p. 28.

ученые рассматривают йотунов как олицетворения сил природы, другие — как более древнюю группу богов, низвергнутую новыми божествами и потому враждующую с ними⁷. Последнюю теорию поддерживают некоторые последователи Рёккатру — маргинального течения в современном северном язычестве, ориентированного на поклонение не столько асами или ванам, сколько йотунам. Локи — это попросту самое явное из звеньев, связывающих асов с более суровым и первобытным миром великанов; по словам одного исследователя, он занимает «промежуточное положение между обреченными богами и враждебными силами, которые, в конце концов, их уничтожат»⁸.

Согласно первоисточникам, на каком-то достаточно раннем этапе Локи стал побратимом Одина. В девятой строфе «Перебранки Локи» Локи напоминает Одина:

*Один, когда-то —
помнишь ли? — кровь
мы смешали с тобою, —
сказал ты, что пива
пить не начнешь,
если мне не нальют*⁹.

Представления о братской связи Локи с Одином оказались весьма устойчивыми: они встречаются даже в английских народных заговорах XIX века. Из-за столь тесной и, судя по всему, неразрывной связи некоторые ученые попытались отказать Локи в статусе самостоятельного божества и свести его к одной из ипостасей Одина¹⁰. Фактически, это одно из трех основных толкований природы Локи; согласно двум остальным, Локи — бог огня или бог-трикстер. Кроме того, Жорж Дюмезиль рассматривал Локи как олицетворение импульсивного разума, поскольку тот не вписывался в его трехчастную функциональную классификацию божеств¹¹. Чтобы сделать выводы о правомочности каждой из этих теорий,

следует вначале рассмотреть, каким образом Локи проявляется и действует в первоисточниках.

Локи — дитя двух йотунов: Лаувейи («Лиственный остров») и Фарбаути («Жестокоразящий»). Его мать иногда также называют именем «Наль» («Игла»); по-видимому, кроме Локи, у нее было еще двое сыновей: Бюлейст и Хельблинди, о которых более ничего не известно. Локи часто фигурирует под именем «Лаувейссон» («сын Лаувейи»). Помимо этого, у него есть еще несколько прозвищ, или хейти, в том числе «Лофт» (что означает либо «Воздушный», либо «Облегчающий»¹²), «связанный бог», «отец волка» (т.е. великого волка Фенриса), «коварный» и «недруг богов»¹³. Предпринимались попытки отождествить его с Лодуром — третьим лицом божественной триады «Один — Хёнир — Лодур», однако этимологических оснований для подобного отождествления не находится.

У Локи две жены, несхожие друг с другом, как день и ночь. Первая, колдунья из Железного леса по имени Ангрбода («несущая горе»), родила от Локи троих «чудовищ»: волка Фенриса, олицетворяющего хаос, мирового змея Йормунганда и Хелу, которая стала богиней загробного мира. Опасаясь детей Локи и Ангрбоды, боги решили от них избавиться: Фенрира сковали волшебной цепью, Йормунганда бросили в океан, где он вырос и обвил своим телом весь Мидгард, а Хелу изгнали в мир мертвых. Вторая жена Локи, Сигюн, по-видимому, была асиньей, хотя достоверно о ее происхождении ничего не известно. Ее имя означает «победоносная»; в Эддах она упоминается всего трижды, и всякий раз — как верная жена Локи. За участие в убийстве Бальдра Локи связали в подземной пещере и подвесили у него над головой ядовитую змею. Но Сигюн не покинула мужа: она стоит рядом с ним и держит чашу, собирая в нее яд, каплющий из пасти змеи. Известно, что Сигюн родила от Локи двоих сыновей: Нарви и Вали. Обрушив на Локи свое возмездие, асы превратили Вали в волка, и тот растерзал Нарви, после чего асы связали Локи кишками его погибшего сына.

Именно Локи раздобыл для богов многие из их атрибутов и могущественных орудий — от копья Одина до молота Тора. В нескольких эпизодах Локи выступает как вор. В одном из таких сюжетов

7 John McCulloch, *Mythology of All Races*, vol. 2. New York: Cooper Square Publishers, 1964, p. 281.

8 Cawley, *The Figure of Loki in Germanic Mythology*, p. 311.

9 Здесь и далее цитаты из Старшей Эдды приводятся в рус. пер. А.И. Корсуна. — Примеч. перев.

10 Stefanie Von Schnurbein, «The Function of Loki in Snorri Sturluson's Edda». // *History of Religions*, vol. 40, no. 2 (November, 2000), p. 113.

11 Georges Dumézil, *Loki*. France: Flammarion, 1986, p. 216.

12 Simek, *Dictionary of Northern Mythology*, p. 195.

13 MacCulloch, *Mythology of All Races*, p. 147.

он тайком пробирается в спальню Сив, жены громовника Тора, и обрезает ей волосы. В скандинавской культуре это считалось крайне унижительным оскорблением, поскольку такому наказанию подвергали распутных женщин. Тор, естественно, пришел в ярость, но Локи пообещал ему возместить ущерб. Отправившись в Нидавеллир — страну dwarфов (карлов), чрезвычайно искусных в кузнечном ремесле, — Локи хитростью заставил их выковать для Сив новые волосы из чистого золота. Когда она приложила золотой парик к голове, волосы пустили корни и стали расти, как настоящие, так что благодаря этой проделке Локи богиня стала еще прекрасней прежнего. Кроме того, dwarфы выковали для Локи другие чудесные вещи, которые помогли ему загладить свою вину перед асами. Чтобы добиться этого, он втравил два семейства dwarфов в состязание, поспорив с карликом Брокком (который выковал волосы для Сив), что другие мастера его превзойдут, и поставив в заклад собственную голову. Брокк, разумеется, победил. Из-под его молота вышел лучший из всех даров, доставшихся асам, — молот Мьёлльнир для Тора. Однако Локи уцелел, заявив, что dwarфу по праву принадлежит лишь его голова, но не шея. Тогда Брокк зашил ему рот ремешком и на том успокоился.

Кроме того, Локи приложил руку к похищению яблок Идунн. Идунн была хранительницей яблок, даровавших молодость, — сами по себе скандинавские боги не были ни бессмертными,

ни вечно юными. В одном из путешествий Локи попал в плен к великану Тьяцци, но выкупил свободу, пообещав привести к Тьяцци Идунн с ее молодильными яблоками. Свое слово Локи сдержал, и Тьяцци похитил богиню. Но когда асы начали слабеть и дряхлеть, Локи признал свою вину и отправился на выручку Идунн. Одолжив у Фрейи волшебное оперение, он в обличье сокола проник в горную крепость Тьяцци, превратил Идунн в орех и положил в корзину с яблоками. Затем, подхватив корзину когтями, он полетел обратно в Асгард. Тьяцци погнался за ним и погиб. Позднее дочь Тьяцци, великанша Скади, пришла к асам и потребовала виру за убийство отца. Локи и на сей раз выручил богов, смягчив свирепую великаншу: он предстал перед ней в таком потешном и унижительном виде, что та рассмеялась и сменила гнев на милость. Впрочем, Скади оказалась злопамятной и в конце концов все же отомстила сыну Лаувейи.

И, наконец, еще одна особенность Локи — гендерная неопределенность, которую отдельные ученые (например, де Фриз) причисляют к атрибутам, позволяющим классифицировать этого бога как трикстера. Гендерная амбивалентность — одна из самых больших проблем, которые осложняют адекватное восприятие этого переменчивого бога в сообществе современных северных язычников (вторую серьезную проблему составляет роль, которую Локи сыграл в гибели Бальдра, любимого сына Одина).

Часть II. Локи как трикстер

Согласно одной из самых устойчивых теорий, Локи по природе своей — трикстер. Нельзя сказать, что эта теория вовсе лишена противоречий, однако позволяет рассмотреть характер Локи с весьма интересной стороны. Льюис Хайд в своей книге «Трикстер создал этот мир» определяет трикстера как божество, представляющее «парадоксальную категорию священной аморальности»¹⁴. Далее он указывает, что трикстеры присутствуют почти во всех известных мифологических системах, а также занимают видное место в фольклоре и массовой культуре.

У каждой группы есть своя граница, свое ощущение внутреннего и внешнего, и трикстер всегда оказывается именно там — на границе. Он стоит на страже у городских ворот и у врат жизни, чтобы движение и обмен не прекращались ни на миг. И он же присматривает за теми границами, на основании которых группа определяет свое место в обществе. Мы постоянно проводим различия — между правильным и неправильным, священным и мирским, чистым и грязным, мужским и женским, старым и молодым, живым и мертвым; но в каждом из этих случаев трикстер волен в любой момент перейти границу и спутать

¹⁴ Lewis Hyde, *Trickster Makes the World*. New York: North Point Press, 1998, p. 10.

всю нашу классификацию <...> Трикстер — это мифологическое воплощение двусмысленности и двузначности, двойственности и двуличия, противоречия и парадокса¹⁵.

Несомненно, аморальность — одно из основных качеств Локи в том виде, в каком он предстает в дошедших до нас сюжетах, и именно эта черта больше всего мешает современным северным язычникам принять его как часть божественной космологии.

Поскольку неоднозначность и хитрость — определяющие свойства трикстеров¹⁶, вполне естественно, что фольклористы и специалисты по истории религии и мифологии с готовностью относят Локи именно к этой категории богов. Подобно западноафриканскому Эшу, Локи может считаться трикстером не только «потому, что он дурачит всех подряд и сеет вокруг себя хаос, но и потому, что он постоянно ускользает из-под власти норм и правил»¹⁷. Например, Дюмезиль в своей монографии о Локи, не относя этого бога к числу трикстеров, тем не менее, рассуждает о нем как о «беспокойной мысли» — проявлении творческого и, зачастую, импульсивного разума¹⁸. Ян де Фриз, с другой стороны, со всей определенностью помещает Локи в разряд трикстеров, подчеркивая его роль возмутителя спокойствия¹⁹ и, вслед за Дюмезилем, отождествляя его с Лодуром, истолкованным как божественный похититель огня:

По общему признанию всех исследователей, самые выдающиеся свойства Локи — его качества обманщика и вора. Во всех, за очень редкими исключениями, сюжетах он предстает как хитрец и озорник, наслаждающийся своими проказами. Иногда заметно, что шутки над богами доставляют ему почти что детское удовольствие; нередко он причиняет довольно серьезный ущерб, но в большинстве случаев сам же его и возмещает. <...> Чтобы объяснить Локи как религиозное явление, вполне достаточно будет истолковать его как трикстера²⁰.

Кроме того, можно провести параллель между Локи-трикстером и Локи — культурным героем, подобным Прометею. В фарерской балладе «Сказка о Локи» только Локи (в отличие от Одина и Хёнира) удается спасти крестьянского мальчика от разъяренного великана. Эта сказка уникальна тем, что Локи в ней изображается именно как культурный герой, а не как враг богов и людей. Любопытно также, что Локи в ней действует наряду с Одином и Хёниром, составлявшими вместе с Лодуром древнюю триаду творцов.

И Трикстер, и Герой — это мощные культурные архетипы, в которых нередко воплощаются отзвуки тех преобразующих или травматических мгновений, когда сакральное проникает в повседневную жизнь. Это не только самые популярные, но и самые противоречивые и даже пугающие из всех мифологических или архетипических фигур. Даяна Пакссон в своей книге «Основы Асатру» предостерегает: «Если у вас есть проблемы с восприятием двойственности, держитесь от Локи подальше», — и далее отмечает: «...подобно Койоту из индейских мифов, Локи — одновременно и возмутитель спокойствия, и двигатель культуры, причем последняя из этих его функций зачастую оказывается следствием первой»²¹.

Как указывает Хайд, трикстеры — это боги неопределенности²². Это персонажи, «способные проделать в ткани судьбы прореху, через которую можно выпасть из одной жизни в другую»²³. Они помогают внешним влияниям и чужакам преодолевать ограничения и преграды, связанные с культурными условностями. Как лиминальные фигуры трикстеры нередко сначала устанавливают порог, а затем сами же его нарушают или отодвигают. Трикстеры обитают «в зазорах между различными языками или между небом и землей»²⁴ и своими хитроумными махинациями создают средства, при помощи которых диаметрально противоположные полюса (небо и земля, добро и зло, хаос и порядок) могут пересекаться друг с другом и чему-то друг у друга учиться, не соприкасаясь, однако, в реальности, а, значит, и не нарушая

15 Ibid., p. 7.

16 Ibid., p. 18.

17 Erik Davis, «Trickster at the Crossroads». // Gnosis, 19 (1991), p. 39.

18 Dumézil, Loki, p. 216.

19 Jan de Vries, The Problem of Loki. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1933, p. 224.

20 Ibid., pp. 253—254.

21 Diana Paxson, Essential Asatru. New York: Citadel Press, 2006, p. 71.

22 Hyde, Trickster Makes the World, p. 247.

23 = Ibid.

24 Ibid., p. 260.

границ между сакральным и профанным²⁵. Трикстеры — враги энтропии, живые воплощения истины, гласящей, что неизменность и постоянство — это всего лишь иллюзия, или, выражаясь словами древнегреческого философа Гераклита, что «всё течет, всё изменяется»²⁶.

Как и всякий уважающий себя трикстер, Локи — самый противоречивый персонаж во всем скандинавском пантеоне. Многие современные асатруа опасаются даже произносить его имя — настолько сильное беспокойство он им внушает. Локи вошел в стройный пантеон асов, так сказать, «с черного хода» — через побратимство с Одином (который и сам, мягко говоря, не лишен трикстерских качеств). Обменявшись братскими клятвами с владыкой асов, Локи получил право на такое же уважение и почести, как если бы приходился Одину родным братом²⁷. Тем не менее сам Локи так и не проникся уважением к правилам и привычкам асов. Любопытно, что, по одному из предположений, имя Локи происходит от слова со значением «веревочная петля» или «запутанная нитка»²⁸. В дошедших до нас эддических сюжетах Локи то и дело «путает нитки» — и себе, и окружающим.

В природе всякого трикстера — подталкивать тех, кто с ним работает, к расширению границ понимания. Трикстеры — двигатели эволюции, носители динамической синергии и творческой силы. Они способствуют развитию и нередко выступают его катализаторами. Например, благодаря проделкам Локи боги приобретают такое ценное оружие, как молот Мьёлльнир, который помогает им защищать и поддерживать порядок, установленный ими же от начала времен. Позднее, когда один из великанов похищает молот Тора, Локи благодаря своей сообразительности помогает вернуть его²⁹. Но

в то же время по вине Локи боги теряют Бальдра, одного из любимых сыновей Одина; и, как утверждается, в конечном счете, Локи восстанет против богов.

Каковы же традиционные свойства трикстера, помимо уже упомянутой моральной неоднозначности? Фольклорист Барбара Бэбкок определяет фигуру трикстера по признаку двойственности:

Трикстеры — самый странный род персонажей во всей литературе, как устной, так и письменной. Трикстер определенно ассоциируется с созидательными силами и нередко обеспечивает людей такими базовыми ценностями, как огонь или основные для данной культуры продукты питания; но в то же самое время он постоянно позволяет себе самые антиобщественные поступки. Мы смеемся над ним, когда он попадает в неприятности и валяет дурака; нас смущает его сексуальная неразборчивость; но в то же время его творческая изобретательность не перестает нас удивлять и постоянно напоминает о том, что социальные ограничения, с которыми мы регулярно сталкиваемся, не так уж и непреодолимы. <...> При столкновении с другим персонажем он почти всегда нарушает какие-нибудь правила или границы; в результате ему приходится спасаться бегством и снова скитаться по свету без цели <...>

Трикстер — это <...> «созидательное отрицание», которое приносит в этот мир смерть, но тем самым раскрывает новые возможности <...> Предметы «есть» лишь относительно тех предметов, которых «нет»; всякая структура предполагает антиструктуру и без нее существовать не может. <...> Трикстер, «дурак», — отрицание, предлагающее возможность, — непосредственно и тесно связан с центром и всей сопутствующей ему неоднозначностью <...> И поэтому мы не только терпим эту «допустимую меру хаоса», этого «врага границ», но и воссоздаем его снова и снова³⁰.

Очевидно, что в эти достаточно широкие категории Локи вписывается без труда. Он — податель

25 *Ibid.*, p. 263.

26 Maurice Balme et al., *Athenzae: An Introduction to Ancient Greek*. New York: Oxford University Press, 2003, p. 11

27 Krasskova, *Exploring the Northern Tradition*, p. 97.

28 «Viking Baby Names» Ellipsis, <http://www.ellipsis.cx/~liana/names/norse/vikbynames.html>.

29 Гибкость гендерных границ, о которой мы впоследствии поговорим подробнее, — еще один признак, характерный для многих трикстеров, и не случайно Тору и Локи в «Песни о Трюме» приходится переодеться в женское платье, чтобы отвоевать молот. Более того, Локи дважды меняет пол в буквальном смысле слова, и в одном из этих случаев даже становится матерью.

30 Barbara Babcock-Abrahams, «A Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered». // *Journal of the Folklore Institute*, 11, no. 3 (1975), pp. 147—186.

даров, культурный герой и в то же время носитель разрушения (или отрицания), участвующий в убийстве Бальдра и, в конце концов, возглавляющий силы йотунов в битве Рагнарёка. Эрин Вебер в своей статье о Нанабозо³¹ и Гермесе кратко перечисляет особенности, общие для всех трикстеров в различных культурных традициях, и снова подчеркивает их неоднозначность и двойственность:

...божественные достоинства вперемешку с человеческими недостатками; функция учителя, нередко подразумевающая обучение на отрицательном примере (особенно в связи с амбивалентными действиями сексуально-го характера, наглядно демонстрирующими,

31 Нанабозо — трикстер и культурный герой в мифах индейцев-алгонкинов. — Примеч. перев.

какие последствия влечет за собой нарушение социальных норм), а также роль проводника в неизвестные миры или посредника между мирами. В сущности, трикстер олицетворяет весь набор противоречий, служащих нелегкому, но необходимому делу — примирению противоположностей самого мироздания³².

Итак, выбиваясь из рамок любых других категорий, Локи, вполне удачно вписывается в категории, определяющие трикстеров. Приведем несколько примеров, наглядно иллюстрирующих этот его аспект.

32 Erin Weber, «Nanabozho and Hermes: A Look at the Persistence of the Trickster Archetype in Louise Edtich's Tracks and Thomas Mann's Death in Venice». // M.A. thesis, Middle Tennessee University, 2006, p. 74.

Созидательная сила, культурный герой

Как уже отмечалось выше, Локи снабдил других богов некоторыми важнейшими орудиями. Чтобы искупить свою вину за похищение волос Сив, он добыл для Тора молот Мьёлльнир, помогающий защищать Мидгард и мир богов от воинственных йотунов; для Одина — кольцо-браслет Драупнир, с которого на каждую девятую ночь капают восемь точно таких же колец; для Фрейра — золотого вепря Гуллинбурсти, а для самой Сив — новые волосы, которые были выкованы из чистого золота, но мгновенно приросли к ее остриженной голове и продолжали расти, как настоящие. Миф о похищении волос Сив и последующей их замене на золотые интересен тем, что многие современные северные язычники (и некоторые ученые) предполагают, что волосы этой богини символизировали колосья (скорее всего, пшеничные) и что весь этот сюжет можно истолковать как символическое повествование о ежегодном сборе урожая. По словам исследовательницы Мэрион Ингем, те немногие ученые, которые все еще придерживаются этой трактовки, основанной на природной символике, ссылаются на то, что грозы необходимы для вызревания зерна, поскольку во время грозы часть атмосферного азота переводится в связанное состояние; а бог грозы — не кто иной, как супруг Сив, Тор,

обладатель могучего молота³³. Итак, Локи косвенным путем (как и подобает трикстеру) способствует изобильному урожаю.

Кроме того, Локи ассоциируется с огнем и, по мнению некоторых ученых (например, де Фриза), тождествен Лодуру, одному из троицы богов-творцов (наряду с Одином и Хёниром). В «Прорицании вёльвы» о Лодуре сказано, что он даровал первой паре людей «цвет и тепло жизни», тогда как Один наделил их дыханием, а Хёнир — сознанием:

*Önd þau né áttu,
óð þau né höfðu,
lá né laeti,
né litu góða.
Önd gaf Óðinn,
óð gaf Hoenir,
lá gaf Lóður
og litu góða³⁴.*

33 Krasskova, *Exploring the Northern Tradition*, p. 53.

34 Eddukvaedi, trans. Gísli Sigurðsson. Reykjavík: Mál og Menning, 1999, p. 9.

[«Прорицание вёльвы», 18, в рус. пер. А.И. Корсуна:

*«Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир — дух,
а Лодур — тепло
и лицам румянца». — Примеч. перев.]*

Разумеется, гипотезу о тождестве Локи и Лодура принимают не все исследователи. Этимологических свидетельств в поддержку этой гипотезы слишком мало, однако в ее пользу говорят некоторые другие данные: возможный перевод имени Лодура как «Податель огня», устойчивая связь Локи с огнем, особенно в фольклоре, где он нередко предстает как огненный дух или огненный демон, а также мифологические связи Локи с Одином³⁵.

По некоторым версиям, Локи изобрел рыболовную сеть, при помощи которой его же затем и поймали, когда он попытался ускользнуть от асов после событий, описанных в «Перебранке Локи». Далее, в уже упоминавшейся фарерской сказке о великане Скрюсли и сыне крестьянина Локи проявляет себя как герой, раз и навсегда спасая мальчика от смертельной опасности, тогда как Один и Хёнир дают тому лишь временную передышку³⁶. И, наконец, последнее обстоятельство, не вполне укладывающееся в характер «культурного героя», но тем не менее важное: в своих странствиях с Тором Локи постоянно помогает своему спутнику в переговорах с йотунами, эффективно выступая посредником между двумя несовместимыми культурами.

Промискуитет и сексуальная амбивалентность

Ни одно из проявлений Локи не доставляет современным исследователям и северным язычникам столько проблем, как его приключения на сексуальной ниве и его сексуальная амбивалентность. Локи — единственный из всех богов, несколько раз буквально менявший пол. Правда, Одина в «Перебранке Локи» обвиняют в женоподобии и подражании ведьмам, но Локи принимает женский облик по-настоящему и даже рождает, как женщина. В первый раз он меняет пол, чтобы спасти Асгард от страшной угрозы. В этом сюжете асы нанимают великана-каменщика построить крепкие стены вокруг Асгарда. Если бы он управился в назначенный срок, асам пришлось бы отдать ему в уплату солнце, луну и богиню Фрейю. Боги соглашались на такие условия лишь потому, что завершить работу в срок кажется невозможным.

Однако великану помогает его волшебный конь Свадильфари, и работа продвигается гораздо быстрее, чем надеялись асы. Чтобы сманить жеребца и тем самым помешать каменщику достроить стены вовремя, Локи превращается в кобылу, а через некоторое время возвращает себе прежний облик и приводит Одину жеребенка, которого родил от Свадильфари, — восьминогую Слейпнира, названного в «Речах Гримнира» «лучшим из коней».

В другой раз Локи превращается в женщину (на сей раз в старуху) после смерти Бальдра. Хела, госпожа загробного мира, соглашается отпустить Бальдра в мир живых при условии, что его будут оплакивать все живые существа. Но Локи, приняв облик старухи-великанши по имени Тёкк, отказывается оплакать Бальдра, заявляя: «Пусть хранит его Хель». Кроме того, Локи обвиняют в том, что он провел восемь зим под землей в обличье женщины, доя коров и рождая детей³⁷. По мнению Пребена Соресона, это обвинение «наверняка предполагало, что Локи служил наложницей великанам или троллям, которые славились своей грубой и необузданной сексуальностью»³⁸. Соренсон указывает, что в скандинавской культуре «прозвучавшее в адрес мужчины обвинение в ношении женской одежды или выполнении женской работы, а также сравнение с женщиной или самкой животного сразу же вызывало целый комплекс ассоциаций с трусостью и недостатком мужественности»³⁹. Таким образом, своими превращениями в женщину Локи, фактически, нарушает одно из серьезнейших социальных табу, совершая поступки, которые классифицировались как *nið* и/или *argr*, т.е. не подобающие мужчине и социально/сексуально девиантные.

Выход за рамки социальных ограничений / нарушение границ

В этой области трикстерские черты Локи проявляются ярче всего. В первую очередь, здесь, конечно, бросаются в глаза вышеупомянутые нарушения гендерных и сексуальных табу. Как уже было сказано, непостоянство гендера проявляется

35 MacCulloch, *Mythology of All Races*, pp. 148—149.

36 H.A. Guerber, *The Norsemen*. UK: Senate Publishing Company, 1994, p. 119.

37 «Перебранка Локи», строфа 23.

38 Sorenson, Preben. *The Unmanly Man: Concepts of Sexual Defamation in Early Northern Society*. Denmark: Odense University Press, 1983, p. 24.

39 *Ibid.*

у Локи в таком поведении, которое считалось *nið* и/или *argr*, то есть немужским, женоподобным, а потому неприемлемым. Следует отметить, что многие современные асатруа находят эту форму поведения не менее преступной, чем ту роль, которую Локи сыграл в убийстве Бальдра.

Кроме того, сам путь, которым Локи вошел в общество асов, свидетельствует о его статусе «инога». Будучи по происхождению йотуном, представителем племени, постоянно враждующего с асами, он, тем не менее, получает место среди асов как побратим Одина. Он часто путешествует между мирами асов и йотунов. Одна из двух его жен — асинья (Сигюн), другая — великанша (Ангрбода). Последняя рождает от него троих чудовищных детей: великого волка Фенриса, олицетворение хаоса, которого асы настолько боятся, что прибегают к обману, чтобы связать его и посадить на цепь; исполинского змея Йормунганда, обвивающего своим телом весь Мидгард; и Хелу, полуженщину-полутруп, изгнанную в подземный мир. Сигюн родила от Локи двоих сыновей, Нарви и Вали; но одного из них асы превратили в волка, и тот растерзал своего брата. Итак, с одной стороны, Локи приносит асам ценные дары и благодаря своему хитроумию помогает богам избегать различных опасностей (или выручает их из неприятностей, которые сам же и навлек), но с другой — порождает детей, олицетворяющих силы разрушения, преображения и смерти.

Локи — вор, а, значит, по определению нарушитель границ. Он крадет ожерелье Фрейи и волосы Сив, а также помогает великану Тьяцци похитить богиню Идунн с ее молодильными яблоками. Однако в последнем сюжете Локи в конце концов спасает Идунн и навлекает гибель на Тьяцци, а когда дочь последнего, Скади, приходит к асам и требует виру за убийство отца, тот же Локи ухитряется смягчить ее гнев. Чтобы заставить свирепую великаншу рассмеяться, он привязывает собственные гениталии к бороде козла и развлекает Скади потешными прыжками, — то есть вновь демонстрирует сексуально амбивалентное поведение. Положив начало цепи событий, которые привели Скади в Асгард, Локи переступил еще одну границу и привнес в священную обитель асов толику дикой и перевозданной силы йотунов.

Кроме того, Локи искусно меняет обличья, и это, пожалуй, — самая полезная из всех его

способностей, связанных с нарушением границ. Он превращается в кобылу (мать Слейпнира), тюленя (для сражения с Хеймдаллем после похищения Брисингамена), муху (в двух отдельных сюжетах), блоху, женщину, старуху-великаншу и лосося. Кроме того, он одалживает у Фрейи волшебное соколиное оперение, с помощью которого превращается в птицу (в частности, для того чтобы спасти Идунн)⁴⁰. В своем оборотничестве Локи зачастую нарушает не только границы физического облика, но и гендерные ожидания, как уже было сказано выше.

Созидательное отрицание / привнесение смерти в мир живых / раскрытие возможностей

Сам по себе Локи никогда не воспринимался как божество смерти, однако в эддических сюжетах он постоянно ходит по краю смерти и постоянно ассоциируется с превращениями. Во-первых, он — отец Хелы, которой в скандинавском пантеоне отведена роль богини загробного мира. Во-вторых, погубив Бальдра, Локи тем самым вносит смерть в мир асов, но и открывает для миропорядка, созданного богами, возможность пережить Рагнарёк: после Рагнарёка Бальдр освободится из царства мертвых, а, значит, какая-то часть мира богов уцелеет.

Локи — очевидно лиминальная фигура, всегда занимающая некое промежуточное положение. Он не принадлежит полностью ни к миру йотунов (носителей хаоса), ни к миру богов, — благодаря чему свободно перемещается между этими мирами и может обеспечивать плодотворное сотрудничество между ними. Локи — дитя хаоса, привязанное, однако, к порядку узам тех клятв, которыми он обменялся с Одином. Поэтому он может проявлять свою преображающую силу непосредственно в упорядоченном мире богов. Локи аккуратно открывает двери, через которые эта сила входит в мир порядка, оставаясь под относительным контролем. Пожалуй, именно лиминальность — самая амбивалентная из всех особенностей этого божества, как, впрочем, и многих других трикстеров, хотя даже при беглом знакомстве с дошедшими до нас источниками становится ясно, что

⁴⁰ MacCulloch, *Mythology of All Races*, p. 146.

этим свойством обладает и Один. Но Один всегда возвращается в защищенный мир *in angarð*, на освященную землю богов. Локи же изначально не принадлежит к миру асов, хотя время от времени и может в нем находиться. Он — вечный чужак, вечный «иной», вечный маргинал в сообществе богов⁴¹.

Как свидетельствуют о том сюжеты с участием Локи, община никогда не принимает полностью трикстера, который ей служит. Но именно поэтому трикстер предоставляет уникальную ролевую модель для тех людей, которые сражаются с искусственными и зачастую сковывающими по рукам и ногам культурными или социальными ограничениями. Трикстеры помогают людям распознавать и эффективно использовать возможности, отнятые у них, замаскированные или вовсе объявленные несуществующими по причине тех или иных культурных условностей. Стремление преодолеть судьбу и улучшить свою участь — распространенная тема многих мифов, от предания о Прометее, похитившем огонь ради блага человечества, до цикла эддических песней о Сигурде, сражающемся с превратностями и жестокостью неумолимого вирда. Миф увековечивает эту извечную борьбу, а трикстер показывает различные способы, позволяющие выйти из нее победителем. Совокупность подобных способов Хайд обозначает термином «арт» (*artus*), предполагая, что именно «владение *армом*» и есть определяющее свойство трикстера⁴².

Латинское слово *artus* означает «сочленение» или «сустав», но при этом оно связано со словом *ars* — «искусство, ремесло, мастерство» (или «ловкость рук»)⁴³. Трикстеры наделены уникальным даром: они находят точки стыка между противоположностями, между небом и землей и, опираясь на них, как на рычаги, переворачивают реальность, образно говоря, с ног на голову. Как «мастера *арта*» трикстеры выявляют тайные уязвимые места (так Локи сумел разузнать, что Бальдра можно убить побегом омель) и распознают обманы, используя в своих целях первые и разоблачая вторые. Вполне вероятно, что убийство Бальдра так и сошло бы Локи с рук, если бы он не явился на пир к Эгиру и не принял планомерно

разоблачать недостатки всех присутствующих богов и богинь, указывая, в чем именно те не оправдывают ожиданий, возлагаемых на сообщество богов (прообразом которого, разумеется, служила скандинавская община той эпохи со всеми присущими ей нравами и обычаями). Таким образом, Локи понес наказание не столько за убийство одного из богов, сколько за этот тотальный сеанс разоблачения, описанный в эддической песне «Перебранка Локи».

Как отмечает Хайд, «трикстер меняет взаимоотношения между паттернами и тем самым переопределяет сами паттерны»⁴⁴. Пребывая вне сообщества, но, в то же время, до некоторой степени оставаясь его частью, трикстер обладает высокой степенью свободы, благодаря чему может не только выявлять слабости и недостатки членов общины, но и манипулировать ими к своей выщей выгоде. Он служит переводчиком с языка мифа на язык мирской культуры, чем, по-видимому, и объясняется популярность образа Локи в скандинавском и даже англосаксонском фольклоре. Вообще, трикстер — во многих отношениях именно переводчик. Перевод — акт превращения одного в другое, основанный на принципе артикуляции, — лежит в основе большинства известных нам деяний Локи. Этот акт можно истолковать одновременно и как жертвоприношение (того, что переводится, или преобразуется), и как созидание. То, чего коснулся трикстер, уже никогда не станет прежним и не останется непознанным. В то же время, трикстер, сам не ведающий стыда, заставляет (зачастую — путем нарушения социальных правил и границ) острее осознать те явления, которые в обществе могут определяться как постыдные. Трикстера неизбежно наказывают за его преступления против общественных норм, пытаясь тем самым подчеркнуть, что отсутствие стыда подразумевает отсутствие уважения к обществу. Однако трикстер протестует не против уважения к святыням, а против бессмысленных, бездумных ограничений, которые сами по себе святотатственны в силу своей бездумности, даже если считается, что нарушать их постыдно. Свидетельства тому можно обнаружить в «Перебранке Локи», где Локи осуждает богов за нарушение сексуальных норм. Трикстеры не только учат обходить культурные

41 Krasskova, *Exploring the Northern Tradition*, p. 99.

42 Hyde, *Trickster Makes the World*, p. 252.

43 *Ibid.*, p. 254.

44 *Ibid.*, p. 257.

запреты, но и указывают, в каких случаях их необходимо соблюдать.

Локи как трикстер — одновременно и ловкий вор, и провокатор, весело отплясывающий на границе между сакральным и профанным, постыдным и почетным, общепринятым и запретным. Как

трикстер он поддерживает традиционную структуру и границы своего общества, но в то же время открывает врата силам священного, нуминозного, неожиданного — всего, способствующего эволюции, — чтобы силы эти коснулись общества и преобразили его суть.

Часть III: Локи в современном американском северном язычестве

В академическом сообществе Локи по-прежнему воспринимается как фигура, по меньшей мере, амбивалентная. Соответственно, и в современном северном язычестве отношение к нему сложилось двойственное. По линии вопроса о том, допустимо ли поклонение Локи, проходит один из главных идеологических водоразделов в американском сообществе северных язычников, и вопрос этот вызывает жаркие дискуссии. Следует отметить, что в данной статье рассматривается только обстановка среди северных язычников в США. При сборе материалов опрашивались только американские северные язычники, поэтому никаких выводов о положении дел среди северных язычников Исландии и других стран Европы автор не делает.

Северное язычество — религия реконструкторская. По сути, это означает, что его последователи стремятся воссоздать те религиозные практики, которые бытовали до утверждения христианства. Реконструкторы придают исключительно важное значение исторической точности во всем, что касается обрядов, ритуалов и отношения к богам вообще. Помимо северного язычества, существует еще немало других реконструкторских религий. Северное язычество вдохновляется культурой и религией народов Северной Европы, современный эллинизм пытается возродить религию Древней Греции, ортодоксальный кеметизм — культурные и религиозные традиции Древнего Египта, и так далее. Но у всех реконструкторских религий есть одна общая черта, а именно: все они отводят чрезвычайно важную роль тому, что в Северной традиции называется «источниками» (*lore*). Северные язычники относят к числу «источников» Старшую и Младшую Эдды, саги, англосаксонские лечебные заговоры и все дошедшие до нас

исторические тексты, а также современные научные исследования в различных областях — лингвистические, антропологические и так далее. Именно этот корпус произведений, ни одно из которых исходно не предназначалось для использования в религиозных целях, послужил основой для реконструкции северно-языческих ритуалов и предопределил отношение к богам, преобладающее среди современных северных язычников.

Никто из богов и богинь не вызывает у северных язычников такой бурной реакции, как Локи. Четверо из тех, кто был опрошен при сборе материалов для этой статьи, сообщили, что из-за поклонения Локи их буквально вынудили покинуть сообщество северных язычников, а одной служительнице Локи из Колорадо местная община даже угрожала смертью за ее убеждения⁴⁵. Впрочем, это крайние случаи. Большинство асатруа относятся к Локи со смесью уважения и осторожности. Даяна Пакссон, известный автор книг и статей о северном язычестве, пишет в своей книге «Основы Асатруа»:

Если хотите вызвать среди северных язычников «воодушевленную» дискуссию, спросите у них, следует ли чествовать Локи в ритуалах. Некоторые и, в особенности, последователи теодической традиции до того боятся этого бога, что запрещают даже произносить его имя в ритуальном пространстве. Другие отмечают, что Локи приносит не только неприятности, но и дары, и проводят в его честь особые блоты, совершая возлияния коричневым шнапсом или перцовкой; каждый участник, принимая чашу, всякий раз выплескивает немного спиртного в огонь.

⁴⁵ Элизабет Вонгвизит, из личной беседы с автором, 16 марта 2005 года.

Однако не следует забыть, что Локи — трикстер, и если у вас нет опыта работы с хаотическими силами, то, пожалуй, лучше вообще не привлекать его внимания⁴⁶.

Совершенно иной точки зрения придерживаются последователи теодизма (*Theodism*), которые считают Локи предателем, лжецом и недругом богов⁴⁷. В сущности, последнее и составляет основную проблему, с которой северные язычники сталкиваются при попытках определить место Локи в своей религии: согласно Эддам, в день Рагнарёка он будет сражаться против богов. Многим не удается примирить верность и служение Локи с верностью и служением остальным асам, несмотря на то что в Младшей Эдде он со всей определенностью включен в перечень богов.

На противоположном конце спектра располагаются некоторые северные язычники и скандинавские неоязычники, сосредоточившие свою религиозную практику на поклонении йотунам. Они нередко называют себя «Рёккатру» (*Rökkatru*) или просто «Рёкк» (*Rökkr*), от древнескандинавского слова со значением «сумерки»⁴⁸. Многие из них описывают свой индивидуальный опыт взаимодействия с Локи, резко противоречащий представлениям, типичным для консервативной части северно-языческого сообщества. Более того, в последние годы появляется все больше женщин, посвятивших себя Локи в качестве служительниц или жен⁴⁹. В 2006 году был опубликован первый сборник религиозной поэзии, посвященный Локи, — «Трикстер, мой любимый» Элизабет Вонгвизит. Нет нужды пояснять, что в магистральном течении северного язычества те, кто объявил себя рёккатруа или как-то иначе сосредоточился на служении Локи и его родичам, обычно не приветствуются.

Значительное возмущение и враждебность в среде северных язычников вызывают неоязычники, практикующие в русле Северной традиции и зачастую много работающие с Локи и его родней. Такие издания, как «Книга йотунов»

Рейвена Кальдеры, представляющие великанов в благоприятном свете, нередко навлекают на себя оскорбительную критику. «Такой громкой (и такой дурной) славой, как Локи, пожалуй, не может похвастаться ни один из йотунов», — отмечает мистер Кальдера⁵⁰. Кейси Вудс, последователь северно-языческой родовой традиции (*Tribalism*), так описывает затруднения, которые вызывает Локи у среднестатистического северного язычника:

В современном северном язычестве реконструкторского толка Локи — проблемное божество. Те, кто кладет в основу своих реконструкций англосаксонские источники, худо-бедно избегают проблем, связанных с Локи, потому что в этих источниках он не упоминается. Остальным приходится труднее, и среди них можно выделить три совершенно различных подхода к этому богу:

** Локи — худший из злодеев и великий преступник против человечества и богов Асгарда. Его не следует чтить. Не стоит даже упоминать о нем (тем более — во время священных обрядов);*

** К Локи следует относиться с опаской, но и с определенным уважением, чтобы не навлечь на себя его гнев или недовольство Одина, поскольку Локи — побратим Одина, и воздавать почести только одному кому-либо из них, обходя вниманием другого, было бы невежливо. Схожим образом с ним обращаются и те, кто просто не понимает, как подходить к этому богу, и предпочитает держаться середины между крайностями;*

** Локи заслуживает искренней любви и почтения. Те немногие, кто действительно чтят и любят Локи (а не просто пользуются его именем как оправданием для собственных неблагоприятных поступков), любят его по-настоящему и всем сердцем, хотя с готовностью признают, что работать с ним трудно: он никому не дает долго стоять на одном месте и постоянно подталкивает своих последователей к развитию и росту⁵¹.*

Приверженцы Локи указывают, что в сюжетах из скандинавских источников он фигурирует

46 Paxson, *Essential Asatru*, p. 72.

47 К.С. Халсман, из личной беседы с автором.

48 Krasskova, *Exploring the Northern Tradition*, p. 97.

49 В современном северном язычестве встречаются также служительницы Одина, скрепившие свои отношения с ним в форме брачных уз; схожим образом поступают и некоторые женщины, посвятившие себя Фрейру.

50 Raven Kaldera, *Jotunbok: Working with the Giants of the Northern Tradition*. Massachusetts: Asphodel Press, 2006, p..

51 Кейси Вудс, из личной беседы с автором, 17 июля 2006 года.

едва ли не чаще любого другого божества и что без него эти истории стали бы гораздо беднее. Кроме того, они нередко ссылаются на триумvirат Одина, Хёнира и Локи. Некоторые из тех, кто занимает в своем религиозном сообществе маргинальное место (либо в связи с причастностью к традиции северного шаманизма, к которой многие северные язычники в США относятся неоднозначно, либо вследствие нарушения гендерных или сексуальных табу, либо по причине работы с йотунами), обращаются к Локи в поисках ролевой модели, отмечая:

Почти во всех культурах этических систем было две — идеальная и практическая. И дохристианская Северная Европа — не исключение. Существовал воинский этический кодекс, в котором важнейшее значение придавалось чести и честности; и без него очень быстро распался бы весь жизненный уклад... но поскольку мир, в котором жили древние скандинавы, был суров и зачастую жесток, людям иногда приходилось поступать бесчестно, просто чтобы выжить. Коварство Локи чаще всего направлено против врагов Асгарда. <...> Благодаря Локи асы получили многие из ценнейших своих сокровищ, но чтобы добыть их, ему нередко приходилось поступаться честью⁵².

В этом отношении Локи снова предстает в той же роли, которую он исполняет в фарерской «Балладе о Локи»: под его покровительством оказываются все те, кто выходит за рамки, установленные другими силами порядка. Он — бог всего того, что больше никуда не вписывается⁵³.

Не удивительно, что такой реконструкторской религии, как современное северное язычество, Локи доставляет столько хлопот. Северное язычество — религия очень консервативная, как и положено реконструкторским религиям. Реконструкторы обращаются к богам со стремлением сохранить свое сообщество в неизменности. Они пытаются создать современную религию и религиозную общину по модели некоего идеализированного образа прошлого. И если в более либеральных деноминациях и в

скандинавском неоязычестве дошедшие до нас сюжеты и источники используются как отправная точка и стимул для духовной работы, основанной на личном опыте, то традиционалистам подобный подход чужд. Они используют источники для того, чтобы в лучшем случае четко определить свою религиозную практику, а в худшем — чтобы ее ограничить. Локи же во многих отношениях олицетворяет принцип перемен со всем сопутствующим им хаосом и беспорядком. Поэтому вполне естественно, что в религии, сосредоточенной на сохранении и воссоздании прошлого, его влияние зачастую не приветствуется. И все же трудно удержаться от вопроса о том, чего лишаются эти традиционалисты, исключая из своего пантеона подобное божество. Без той энергичной творческой силы, которую придает мифологическим сюжетам Локи, предания о богах оказались бы на редкость скучными. И в такой религии, которой приходится постоянно уравнивать верность прошлому заботой о выживании и развитии в современном мире, именно Локи со своим искусством переходить любую пропасть по лезвию ножа, оказался бы уместен как никто другой.

Северные язычники любят Локи и ненавидят. У тех, кто служит Ему, этот бог вызывает глубочайшее уважение и преданность, однако другие представители той же религии считают его «заклятым врагом» и предателем. Ученые сталкиваются со столь же серьезными проблемами при попытках его классифицировать, и, в целом, образ его остается противоречивым и в то же время притягательным. Кем бы мы его ни считали — злодеем или трикстером, божеством, достойным почестей, или недругом богов, заслуживающим только проклятий, — одно его присутствие в Эддах служит гарантией, что боги и миры, в которых они обитают, никогда не застынут в неподвижности. До тех пор, пока Локи привлекает к себе интерес исследователей и внимание верующих, сюжеты, изложенные в Эддах, не утратят жизни и смысла. Они по-прежнему будут волновать и захватывать воображение, разжигать в сердце огонь духовной любви и на манер, достойный самого Локи, подстегивать конфликты и споры, разногласия, противоречия и эволюцию.

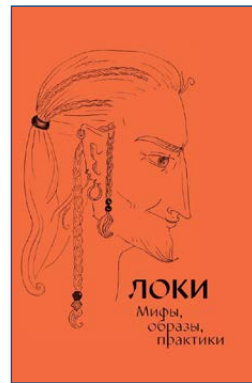
⁵² Кеназ Филан, из личной беседы с автором, 1 ноября 2007 года.

⁵³ Софи Райхер, из личной беседы с автором, 12 сентября 2005 года.

Источники:

1. Babcock-Abrahams, Barbara. «A Tolerated Margin of Mess: the Trickster and His Tales Reconsidered». // *Journal of the Folklore Institute*, vol. 11, no. 3 (1975), pp. 147–186.
2. Balme, Maurice, et al. *Athenaze: An Introduction to Ancient Greek*. New York: Oxford University Press, 2003.
3. Bellows, Henry (tr.) *the Poetic Edda*. New York: the American Scandinavian Foundation, 1926.
4. Cawley, Frank Stanton. *the Figure of Loki in Germanic Mythology*. Cambridge: Harvard University Press, 1939.
5. Davis, Erik. «Trickster at the Crossroads». // *Gnosis Magazine*, Spring #19, 1991.
6. de Vries, Jan. *the Problem of Loki*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia Societas Scientiarum Fennica, 1933.
7. Dumézil, Georges. *Loki*. France: Flammarion.
8. Ellis-Davidson, H.R. *Gods and Myths of Northern People*. New York: Penguin Books, 1964.
9. Guerber, H.A. *the Norsemen*. UK: Senate Publishing Company, 1994.
10. Hyde, Lewis. *Trickster Makes the World*. New York: North Point Press, 1998.
11. Kaldera, Raven. *Jotunbok: Working with the Giants of the Northern Tradition*. MA: Asphodel Press, 2006.
12. Krasskova, Galina. *Exploring the Northern Tradition*. New Jersey: New Page Books, 2005.
13. MacCulloch, John. *Mythology of All Races*, Vol. 2. New York: Cooper Square Publishers, Inc., 1964.
14. Paden, William. *Religious Worlds*. Boston: Beacon Press, 1994.
15. Paxson, Diana. *Essential Asatru*. New York: Citadel Press, 2006.
16. Rooth, Anna Birgitta. *Loki in Scandinavian Mythology*. Lund: C.W.K. Gleerups Förlag, 1961.
17. Sigurðsson, Gísli (tr.). *Eddukvaeði*. Iceland: Mál og menning, 1999.
18. Sorenson, Preben. *the Unmanly Man: Concepts of Sexual Defamation in Early Northern Society*. Denmark: Odense University Press, 1983.
19. Simek, Rudolf. *Dictionary of Northern Mythology*. UK: DS Brewer, 1993.
20. Weber, Erin, «Nanabozho and Hermes: a Look at the Persistence of the Trickster Archetype in Louise Erdrich's *Tracks* and Thomas Mann's *Death in Venice*». M.A. thesis, Middle Tennessee University, 2006.

Заказать книгу можно здесь:

Составитель и переводчик:
 Анна БЛЕЙЗ (с)
[https://
 northern.thesaurusdeorum.com](https://northern.thesaurusdeorum.com)

Чародейская книга (Galdraskræda) Скугги¹

Отрывок из книги «Исландская магия:
 гальдрабуки и собрания гальдраставов»

Предисловие к английскому изданию 2016 года

«Чародейская книга» (Galdraskræda) была впервые опубликована ограниченным тиражом в 1940 году в ежегоднике «Йоулагьёвн» (Jólagjöfn, «Подарок на Йоль»). Автор, выступавший под псевдонимом «Скугги» (Skuggi, «Тень»), написал текст от руки и сам сопроводил его иллюстрациями.

Йоухюм Магнус Эггертссон (1896–1966), как его звали на самом деле, был (если верить его собственному описанию) мастером на все руки и человеком энциклопедических знаний. В его краткой биографии, основанной на сведениях, которые предоставил сам Йоухюм, утверждает, что он изучал сельское хозяйство (преимущественно производство сыров и другой молочной продукции), работал рыбаком и лесничим и занимался сохранением почв. Кроме того, он увлекался естественными науками, коллекционировал минералы, писал книги и проводил усердные научные исследования. Оспорить последнее невозможно: Скугги оставил обширное наследие в виде статей, журналов и книг, свидетельствующих о разнообразии и уникальности его интересов. Он приобрел сомнительную славу как автор оригинальной гипотезы о том, что задолго до колонизации скандинавами в Исландии существовала коренная культура, экзотическая,

но вполне жизнеспособная. Некое племя кельтских кочевников, утверждал он, странствовало по этому пустынному острову с верблюжьим караваном и заложило основы той литературной традиции, которой исландцы не упускают случая похвалиться и по сей день.

Скугги был человеком скандальным и, как можно судить по его критике в адрес христианства в предисловии и послесловии к «Чародейской книге», отличался сильным, но вздорным нравом. «Чародейская книга» — это своего рода шедевр и ключ ко всему его творчеству и мировоззрению, несмотря на то (или, скорее, благодаря тому), что в ней сплелись в одно целое идеи, относящиеся к самым разным временам и эпохам. В этом смысле книгу Скугги можно рассматривать как радикальное сочинение диссидента, бунтующего против прескриптивизма и силового давления со стороны политических и религиозных властей. «Чародейская книга» включает в себя немногим менее двухсот магических рецептов, и каждый из них — это творческая попытка подорвать привычные авторитеты и преобразовать традиционные устои общества, чтобы вернуть индивиду власть над его собственной жизнью. Быть может, применяя эти магические приемы на практике, знаток волшебства и впрямь может сбросить оковы, навязанные обществом, и отыскать свое истинное и естественное место во вселенной.

¹ Публикуется по изданию Skuggi 2016; многочисленные неточности, содержащиеся в этом англоязычном издании, исправлены по фотокопии оригинального рукописного текста (1940).

Предисловие автора

«Полнится земля до краев славой Господа». Эти «кошунственные» слова, по преданию, произнес один из самых закоренелых колдунов, когда ему выкололи глаза и приковали руки к столбу, обложенному хворостом. Услышав это, ему вырвали и язык, прежде чем разжечь огонь. «Он не исповедался и не получил отпущения грехов». Тело его сгорело дотла, но сердце осталось «необожженным и окровавленным, и когда его пронзили ножом, оно громко вскрикнуло, словно лакомый и сладостный дар, приготовленный к столу Сатаны».²

Так называемое «колдовство» (*galdur*) представляло собой лишь самые обычные для человека попытки приблизиться на ощупь к познанию Творца и его творений. Но старинные министерства юстиции и церковных дел его категорически не одобряли. Само по себе обладание такими знаниями и их использование воспринимались как наихудшее кошунство, наказуемое, ни много ни мало, пытками и смертью на костре (*galdrabrennur*). Поэтому не удивительно, что люди, искавшие знаний, не лицензированных церковью, были вынуждены хранить свои достижения в тайне. Но то, что в прошлом считалось святотатством, в наши дни видится лишь как детская тяга к свету и красоте, как игры на берегу реки, разлившейся с весенним половодьем.

В старину чародеям приходилось изобретать всевозможные символы-ставы и таинственные руны, и в этой книге приводятся примеры подобных знаков и ключи к их пониманию.

Чародейство, как и любая другая форма знания, шедшая против общепринятых верований, считалось происками Дьявола. Может, это и так: ведь и сам Дьявол — не что иное, как полярная противоположность Бога Всемогущего, и сказать наверняка, который из двух этих полюсов положительный, мы не можем и по сей день. Принято считать, что христианство — благородная религия, но с таким же успехом можно представить его себе как ужасающую разновидность оккультизма, у истоков которой стоит кровавая жертва. Крест с пригвожденным к нему человеческим телом — крайне сомнительный и во многом даже

варварский талисман. Не укладывается в голове, что цивилизованные люди выбрали для себя такой отвратительный предмет поклонения.

Да и сама эта религия не безупречна. Спору нет, на протяжении многих веков она приносила пользу миллионам людей, оставаясь для них прибежищем, утешением и источником духовного обновления. Но, в то же время, она была величайшим проклятием, берущим начало в себялюбии и в отрицании любви, а они, в свой черед, — лишь последствия незрелости, косности и бессилия. Христианство — это стена плача, отгораживающая нас от здравого смысла; это преграда высотой до небес, воздвигнутая между Богом и человеком.

Если Бог и впрямь бесконечно добр, всеведущ и совершенен, а мы — его дети, то больше всего на свете он должен печься о том, чтобы мы обрели понимание. Ибо что может быть радостнее для отца, чем видеть, как его дети растут и становятся все более похожими на него? Но даже если мы и дети Бога, никто не спросил нас, хотим ли прийти в этот мир. Поэтому у нас нет перед Богом других обязательств, кроме как стремиться понять его и выказывать ему приязнь и уважение.

Основной предмет этой книги — белая магия (*hvítagaldur*, лат. *magia candida*), но позже я хотел бы опубликовать еще одну книгу, посвященную исландской черной магии (*svartagaldur*, лат. *magia diabolica*). Впрочем, сделать это удастся не ранее 1944 года, потому что содержание следующих трех номеров в этой серии уже утверждено.

Чтобы стать чародеем (магом, заклинателем, оккультистом), прежде всего нужно научиться управлять своей мыслью, придавать ей определенную форму и вид. Именно эту задачу ставит перед собой белая магия, и потому она лежит в основе истинной магии духа, или некромантии, а последняя, как и всякий медиумизм, отчасти относится к области черных искусств. Чтобы научиться придавать мысли необходимую форму, нужно упражнять одновременно и руку, и разум. В оккультизме, как и во всяком искусстве, форма — превыше всего.

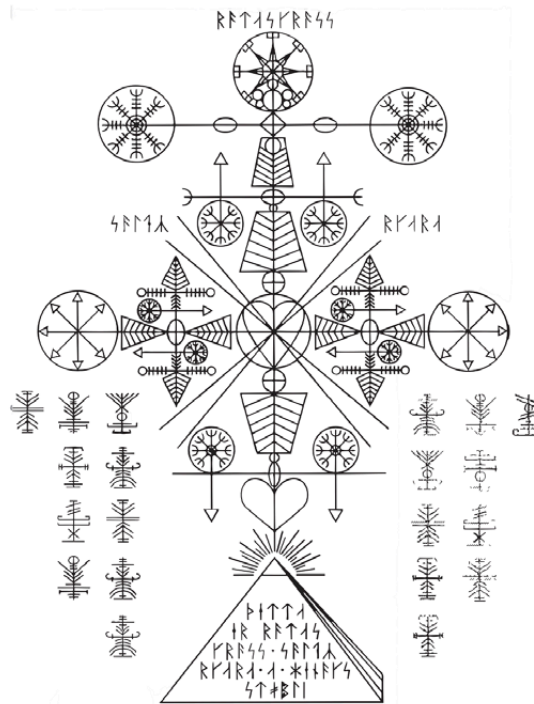
Я посвящаю это предисловие памяти исландцев, принявших мученическую смерть по обвинению в колдовстве. Двадцать два из них были сожжены заживо.

— Скугги

² Ср. строфу 41 эддической Песни о Хюндле: «Найдя на костре / полусгоревшее / женщины сердце, / съел его Локи; / так Лофт зачал / от женщины злой; / отсюда пошли / все ведьмы на свете» (пер. А. Корсуна).

Иллюстрация Скугги к оригинальному рукописному изданию³

[Рунические надписи и надписи «буквами солнечного чертога» (см. стр. 376–377), вверху, слева и справа: rotaskross soldyrkara («крест-колесо солнцепоклонника»); руническая надпись в пирамиде: «крест-колесо солнцепоклонника на столпе Еноха»]

³ Надписи на иллюстрации: Скугги. Ежегодник «Подарок на Йоль». Чародейская книга. 4 апреля 1940 года (вверху). Книга изготовлена в 150 пронумерованных экземплярах. Это 23-й экземпляр (внизу).

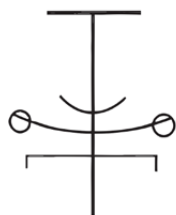
[...]

Великая магическая таблица (Galdralatbyrðingurinn mikli)

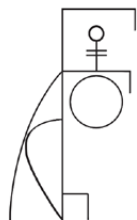
S	A	T	O	R
A	R	E	P	O
T	E	N	E	T
O	P	E	R	A
R	O	T	A	S

Это великая магическая таблица — широчайшая по области применения из всех магических формул, наделяющая силой любое чародейское деяние. Sator arepo использовали во всевозможных заклинаниях, инвокациях, надписях и лечебных средствах. Квадрат этот читается одинаково и вперед, и назад, и сверху вниз, и снизу вверх: Sator, Arepo, Tenet, Opera, Rotas. Для врачевания болезней и для защиты от злых духов, призраков, подсылов, ходячих мертвецов, чудовищ, чертей и бесов эти пять слов выцарапывали на всех ногтях больного, одержимого или нуждающегося в защите. Чрезвычайно важным считалось сделать это правильно — так, чтобы на всех ногтях [одной руки или ноги] были написаны разные слова.

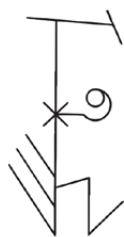
Одновременно следовало читать вслух сам этот стих.

1. Меч (*Sverð*) [G, 23v–24r]⁴

Начерти этот став на буром угле (*á surtarbrand*) и окрась кровью из-под ногтей большого пальца левой руки и мизинца правой ноги. Носи его посредине груди, и никакой враг не сможет тебя убить.

2. Щит (*Skjöldur*) [G, 23v–24r]

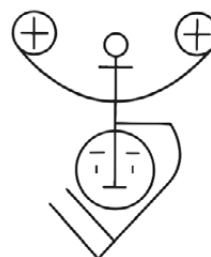
Пером большой полярной чайки (*með hvítfuglsfjöður*)⁵ и кровью из-под корня языка начерти этот став на плодной оболочке (*á líknarbelg*), и ты никогда не погибнешь в море.

3. Бирни (*Brynja*)⁶ [G, 23v–24r]

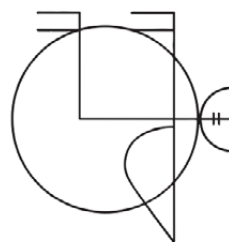
Вырежи на кедровом дереве (*á cetrusvið*) и окрась собственной кровью, взятой с правой стороны груди, и ты никогда не замерзнешь насмерть.

4. Шлем (*Hjálmur*) [G, 23v–24r]

Начерти на буром угле (*á surtarbrand*), окрась кровью из собственного носа, и ты никогда не сойдешь с ума.

5. Месяц (*Máni*) [G, 23v–24r]

Начерти на лисьей шкуре кровью из безымянного пальца правой руки, и тебя не будут преследовать призраки.

6. Солнце (*Sól*) [G, 23v–24r]

Начерти на шкуре свиньи (*á svínsbelg*) и окрась кровью, взятой из собственного носа и из-под корня языка, и тебя никогда не зарубят мечом.

Книгу можно приобрести здесь:

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках после некоторых названий приводятся примеры рукописных источников, содержащих ту или иную форму приведенного става. Аббревиатурой G обозначена рукопись Lbs 4375 8vo, озаглавленная «Гальдраставы» (*Galdrastafir*), — копия с утраченной рукописи 1676 года, выполненная Финнбоги Берноудюссоном (1892–1980), моряком из деревни Болунгарвик (Вестфирдир). В этой рукописи представлена значительная часть ставов из собрания Скугги.

⁵ Другое название этой птицы — бургомистр (*Larus hyperboreus*).

⁶ Т. е. нагрудник или кольчуга.

Эдред ТОРССОН
Перевод: Дмитрий ДАММЕР

A Book of Troth

Мы продолжаем печать перевода исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-45 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Величайшее Благословение Йоля (20–31 декабря)

В идеале Йоля празднуют в течение двенадцати ночей между Ночью Матери и Двенадцатой Ночью (собственно Йодем). По традиции мы отмечаем этот праздник вместе с семьей и друзьями, но, к сожалению, следовать этому правилу в современном мире бывает непросто. Поскольку 12 ночей Йоля символизируют весь год, то особенно эффективны в этот период различные гадательные работы вроде гальдра, сейда и прочих. Рекомендуется также читать в это время *Старшую Эдду*, предпочтительно вечерами вслух перед аудиторией.

Ночь Матери: Начало Йоля (20 декабря)

В эту ночь совершают общее благословение, схожее с общим благословением на Летнее Солнцестояние. После благословения собравшиеся начинают один из самых важных *symbol* года — *symbol* Йоля, когда наши предки находятся к нам ближе всего.

Общее Благословение Ночи Матери

Алтарь устанавливают стандартным образом.

Освящение

Сначала совершают освящение молотом, по окончании глашатай произносит: «Этим деянием алтарь освящен для предстоящей работы. Подобно тому, как Хеймдалль стережет мост Биврёст, так и этот алтарь огражден от всего нечистого».

Чтение (Песнь)

Перед собравшимися вслух читают отрывок из *Прорицания Вельвы* либо *Песнь о Хельги, сыне Хьерварда* или иную из Песен о Хельги.

Наставление

Глашатай произносит: «В эту полночь Ночи Матери собрались мы, как прежде собирались предки наши, приветствовать Солнце в нижнем доме ее и восславить всех богов и богинь Асгарда и всех предков наших в Харре и Хель. Мы зываем к ним, дабы наполнить нашу жизнь их силой и мудростью. Мы зываем к ним — священному сонму богов — живущему как единое целое по Закону Водана».

Зов

После этого глашатай произносит следующие ниже воззвания. После каждого собравшиеся обращаются к соответствующему богу и богине со словами: «Мы приветствуем тебя!»

«Водан, преклоняемся мы пред силой твоей.

Тю, верны тебе мы навеки.

О Бальдр, озаряет нас свет твой.

Фригг, плоды рук твоих и мудрость нас берегут.

Идунн, яблоки твои укрепляют души наши.

Тунар, молния твоя охраняет нас.

Фрейя, свободу мы обретаем в наслажденьях твоих.

Фрей, благодаря тебе собираем мы урожай».

Далее прославляют имена богов и богинь. После упоминания каждого собравшиеся восклицают: «Мы приветствуем тебя!»

*«О Рун Повелитель,
Бог Однорукий,
Хрингхорни Владыка,
Богов и богинь Госпожа,
Яблук Хранительница,
Асгарда Страж,
Брисингамена Хозяйка,
Великий Бог Ванов».*

«Вновь мы обращаемся к вам по всем именам вашим, дабы были вы среди нас этой ночью, когда год достигает дна, и Санна спускается в свой нижний чертог:

*«Слава всем богам и богиням,
Слава всем духам священным,
Что правят едино».*

Зарядка

Глашатай наливает мед в рог и произносит: *«Вместе с силой этого меда мы передаем вам плоды трудов наших. Он позволит нам — богам и людям — вместе бороться и победить. Год достиг глубины во мраке — змей ползет меж корней Мирового Древа — пусть же око его не увидит нас, жаждущих мудрости».*

Осушение

После этого глашатай отпивает из рога, выливая остаток в благословляющую чашу на алтаре.

Рог наполняют вновь и передают собравшимся, каждый осеняет напиток знаком молота. Остаток меда глашатай выливает в благословляющую чашу.

Благословление

Глашатай окропляет алтарь и собравшихся со словами:

«Да пребудет на нас благословение богов и богинь!»

Приношение

По завершении благословения глашатай выливает содержимое благословляющей чаши на землю к востоку от алтаря со словами:

«Водану, Тиу, Бальдру, Фригг, Идунн, Тунару, Фрейе, Фрею и всем богам и богиням нашего народа за процветание и рост нашей общины и нашей земли!»

Закрытие

Глашатай возвращается к алтарю и произносит:

«Этим деянием работа совершена вновь. Она обновила сердца наши для дел достойных, чтобы бороться и достигать поставленных целей могучими свершениями, мудрыми словами и верой в собственные силы — вечно блюсти клятвы, данные себе и нашей общине!»

Продолжение следует...

Волшебные исландские сказки

Из сборника Йоуна Ауртнасона

Тексты первоначально опубликованы
на сайте: <https://norroen.info>

Ночной трётль в Скессюхали

Nátttröllið í Skessuhala

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ
Редакция перевода и примечания: *Speculatorius*

В давние времена на летних горных пастбищах жителей Миватна жила скесса, на горе, которая с тех пор называется Скессюхали [Хвост Скессы]. Она была ночным трётлем, а их природа такова, что им нельзя смотреть на солнце. Поэтому они вынуждены зарабатывать себе на хлеб по ночам. Эта скесса причиняла жителям Миватна большой вред, и среди прочего она по ночам ловила украдкой рыбу в озере Миватн. Говорят, будто у неё был маленький челнок, и она плавала в нём на вёслах по озеру, а затем несла его на спине к своему жилищу.

Как-то летом в бухте Страндарвог ловилось много рыбы; лучшее место для ловли было, как всегда, у Миватна. Летом скесса завела привычку каждую ночь ловить украдкой рыбу в этой бухте, и бонды из Стрёнда считали это величайшим вредом. Как-то ночью в конце лета скесса спустилась к бухте, намереваясь, как обычно, порыбачить там. Но когда она пришла туда, там уже был бонд, который ловил в бухте рыбу. Она не осмелилась напасть на бонда, поскольку с ним были ещё трое, и решила подождать, пока бонд закончит свои рыболовные дела, а бонд не спешил, поскольку знал, что произойдёт со скессой, и так продолжалось до утра. Скесса сгорала от нетерпения, однако не хотела уходить ни с чем. И когда бонд прекратил рыбачить, скесса подошла и забросила в бухту невод. Закончив это дело, она направилась домой к своему жилью, но когда она прошла более половины пути домой к Скессюхали, взошло солнце. Как говорят, скесса уронила челнок там, где стояла, когда взошло солнце, залезла в него сама, и вот так все они превратились в камень.

Эта примечательность явно видна и по сей день. Этот челнок всё ещё стоит на некоем склоне, который расположен примерно в середине пути между Скессюхали и Миватном, и он называется Нёкквабрекка [Склон Челнока]. Челнок устроен совсем как лодки, которые сейчас используются для рыбной ловли на озере Миватн, за исключением того, что он гораздо больше; можно явно различить все его очертания, и ещё видны следы вёсел и где они крепились; для этого в бортах были дыры, а не уключины, как сейчас принято. На корме челнока имеется большая груда¹, и люди полагают, будто скесса улеглась там для своего последнего отдыха.

¹ Здесь непереводимая игра слов: *hrúga* значит 'куча, груда; небольшой стог сена', но в древних тулах это также имя троллихи, которое можно использовать как хейти.

Король Оулав Харальдссон и великанша

Ólafur kóngur Haraldsson og tröllkonan

Перевод с исландского и примечания: Ксения ОЛЕЙНИК

Рассказывают, что, когда королю Оулаву Харальдссону² было пять зим, он путешествовал на корабле со своим приёмным отцом, и они проплывали вдоль утёсов. Тогда на скалу вышла великанша и спросила, есть ли на корабле скальды. А они ответили, что нет. Тогда старуха сказала такую вису:

*Лютуй, хворь,
людей рассорь,
лети, метель
и глад, на все земли;
пороши, снег густой,
вершины скрой,
ширься, плач,
пусть убудет удача.
Твердей, долина,
дохни, скотина,
сделайся град,
пусть сгинет стадо;
взрастай, злоба,
пустуй, утроба,
настигни, смерть, рати,
и пусть станет хуже стократно.*

Оулав Харальдссон сказал:
*Пролейся, дождь,
пошли лов хорош,
пошли тишь и штиль,
чтоб мужи все доплыли;
стихни, волна,
истай, белизна,
остынь, вражда,
да будет людям удача.
Цвети, долина,
резвись, скотина,
да прервётся нужда,
и весной пищи вдосталь;
добрым будь год,
ободришь, народ.
чтоб зима отступила,
и стало лучше, чем было.*

Тогда великанша умерла.

Кроха несёт мало-мало

Lítið ber smátt smátt

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ

Рассказывают, что как-то раз в конце лета на Западных Фьордах корабль вышел в море за рыбой. Но в конце дня погода так испортилась, что судно понесло на опасные скалы, и там оно разбилось в щепки, и все люди погибли, кроме одного юноши, которого звали Сигюрдом. Его живым выбросило волнами на берег, но это место было под скалами, и ни одно существо, кроме летящей птицы, не смогло бы подняться наверх.

Вот он лежал там, пока не настали сумерки, и не ждал ничего, кроме смерти. Случайно посмотрев на берег, он увидел двух рослых мужчин, похожих на великанов, которые собирали то, что вынесло

² Оулав (Олаф) Харальдссон (995–29.07.1030), норвежский конунг-христианизатор, которому приписывались различные чудеса. Олаф действительно считался скальдом. В данном же случае, участвуя в поэтическом поединке, он выступает как защитник страны. Канонизирован в 1031 году.

на сушу, и уносили вверх по какой-то узкой тропе, что пролегала в скалах к пещере, видневшейся наверху.

Сигюрд поразмыслил:

— Я всё равно умру, смогу ли я спрятаться от этих ётунов или нет. Я попытаюсь поносить ножко вместе с ними.

Он еле поднялся на ноги из-за изнеможения, взял себе небольшую ношу и поднялся вслед за великанами по этой узкой тропе. Так повторилось несколько раз, пока они вдруг не переглянулись и не сказали:

— Кроха несёт мало-мало.

Они продолжали свою работу, пока не перенесли наверх в пещеру всё, что выбросило на сушу, и тут наступили сумерки.

Когда всё было кончено, они стали ужинать и протянули ему то, что ели сами; беседовали ли они с ним — об этом не говорится. Они постелили ему за своими лежанками ещё глубже в пещере, давали ему достаточно еды и полюбили его.

Великаны уходили днём за добычей и вечером возвращались с большой ношей, а Сигюрд всегда оставался в пещере, так прошло три года. Он не видел никакой возможности убраться оттуда, но скучал по людям. Со всех сторон были непроходимые места.

Он заметил, что по ночам, когда все они ложились спать и становилось темно, великаны доставали книгу, которую хранили под своей постелью, и начинали читать. Он увидел, что буквы словно светятся в темноте. Он удивился этому, и ему захотелось узнать, не сможет ли он выбраться оттуда с помощью этой книги. И поскольку он увидел, где они хранят её, то выждал днём момент, когда их не было, взял книгу, медные страницы которой были исписаны рунами, и пошёл с ней в тёмное место в пещере.

Он делал так каждый день, когда выдавалась возможность, пока хорошо не выучил всё её содержание. Там учили многому, в том числе колдовскому полёту-гандрейду, чтобы летать по воздуху и через любые непроходимые места, где пожелаешь. Ему очень захотелось испытать это, ведь он страстно желал покинуть этих великанов.

Одним ранним утром, когда они ушли из пещеры, он собрался в путешествие, взял с собой свою учёную книгу и с помощью колдовского полёта выбрался из этой пещеры. Он вернулся к людям и обо всём поведал. Здесь заканчивается рассказ о нём.

И история эта заслуживает пересказа.

Проект авторских путешествий «На чемоданах»

Виталий МАСАЛОВ

Наша страничка в ВК:

https://vk.com/travel_club10

Как все начиналось

Привет! Меня зовут Виталий, а мою жену — Анжелика, мы из Карелии. Мы увлекаемся историей и культурой северных стран, любим путешествия. Четыре года назад мы придумали собственный проект авторских туров.

Все началось после того, как я в конце 2019 года послушал подкаст в одном из крупнейших пабликов о скандинавской культуре в социальной сети «ВКонтакте». В передаче ребята, семейная пара из Калининграда, рассказали о том, как они решили бросить свою работу в банковской сфере и начать проводить туры по Скандинавии.

На тот момент я сам был госслужащим, а за плечами у нас с супругой имелся небольшой опыт путешествий по России и другим странам. На примере ребят из Калининграда захотелось сделать свой проект авторских путешествий. Основной мотивацией было большое желание делиться с людьми информацией о том, насколько могут быть интересны и важны путешествия. Не просто как развлечение, а как способ коммуникации и познания себя и мира вокруг.

Но одного желания было мало. Нужно было придумать тематику тура. Решение данного вопроса лежало на поверхности — история и культура северных стран и, конечно же, эпоха раннего средневековья, викинги.

Я хоть и родился в северном Казахстане, но с детства увлекался историей Скандинавии. Родители по распределению попали в Казахстан, потом мы много переезжали, жили в Сибири, Алтайском

крае. Познакомился с Анжеликой и вот уже 11 лет живу в Петрозаводске в Карелии.

Однажды отец подарил мне книгу из серии «Иллюстрированная мировая история — Викинги». С нее-то все и началось. Больше всех мне нравилась история о «последнем викинге» Харальде Хардраре «Суровом» — великом воине, погибшем в битве при Стамфорд-Бридже при попытке завоевать английский трон.

Наверно, все дело в мальчишеском романтизме и книжных иллюстрациях, на которых были изображены телохранители Харальда, отбивавшие тело погибшего командира у неприятеля. Почему-то именно эти картинки запомнились больше всего. Самыми же интересными персонажами древнескандинавской мифологии для меня были Локи и Тор. Истории об их противостоянии захватывали дух и будоражили воображение десятилетнего паренька.

Анжелика родилась в Карелии и провела детство в деревне с бабушкой. Рано научилась готовить сборы трав, одна бродить по болотам в поисках морошки, из овечьей шерсти плести нитки и прясть под рассказы о духах леса и веселых троллях, которые днем превращаются в мохнатые кочки. Скандинавия зацепила, когда в 13 лет в первый раз она пошла с отцом в рейс по Северному морю. Там они прибыли в странную деревушку, где все люди улыбались по всю ширь лица и были удивительно приветливы. А еще они вечерами мирно пили чай на своих кукольных белых террасах и со вкусом оформленных участках.

Оказалось, это был поселок для людей с особыми потребностями. Анжелику, еще по сути ребенка, потрясла эстетика и какая-то ориентация на Человека. После она стала специалистом по соцработе, руководила международными проектами по комплексной помощи семьям в трудной жизненной ситуации совместно с благотворительными фондами Финляндии, Дании, Швеции. В Норвегии обучалась по программе прав человека.

После того, как была выбрана тематика, оставалось дело за «малым»: разработать маршрут, продумать логистику и собрать группу.

В первый наш тур мы планировали отправиться в Данию. Однако начавшаяся в 2020 году эпидемия коронавируса внесла свои коррективы. Границы закрылись, но мы не отчаялись. Сидели дома, проводили прямые эфиры в социальных сетях и рассказывали про наши путешествия и планы на будущее. По ходу придумалось название проекта авторских туров — «На чемоданах».

В итоге мы решили не ждать, пока откроются границы. Подумали, что о викингах можно рассказывать и в Карелии, история которой тесно связана с древними скандинавами. Мы разработали новый маршрут по Лахденпохскому и Сортавальскому району. По местам, где когда-то «отметились» викинги. В тот момент мы пересмотрели формат обычного стандартного тура. Идея заключалась в том, чтобы туристы не просто осматривали достопримечательности, а погружались в атмосферу прошлого, примеривая на себя быт, особенности и традиции людей, живших несколько столетий назад.

Мы придумали лаконичное и простое название тура — «По земле викингов». С рекламой

и информационной поддержкой нам помог тот самый паблик о скандинавской культуре, где был опубликован подкаст про путешественников из Калининграда — Scandinavia Club.

В карельском городе Сортавала несколько лет назад появился интерактивный парк «Бастион», где реконструирована крепость эпохи викингов. Именно здесь начиналось активное погружение туристов в давно ушедшую эпоху. Участники тура облачались в одежду, соответствующую тому времени. После чего в парке «Бастион» начиналось увлекательное путешествие в прошлое. Мы вместе с участниками пробовали блюда, приготовленные по древним рецептам, учились навыкам мечевого боя, изготавливали аутентичные изделия в мастерских и кузне. Все это приводило современных туристов в полный восторг. Визит в парк дополнялся посещением природных локаций, других интересных мест, связанных с эпохой викингов, археологическими раскопками. В общем, получилась насыщенная программа выходного дня.

В следующем 2021 году мы решили провести наш тур «По земле викингов» в новом формате и по новому маршруту. И самое главное, углубить идею с погружением в эпоху и историю. Мы запустили маршрут водного тура на настоящем драккаре викингов по Онежскому озеру. При этом оставили концепцию тура «выходного дня».

С 2014 года я являюсь волонтером морского историко-культурного центра «Полярный Одиссей» в Петрозаводске. Центр, помимо организации различных водных экспедиций и путешествий, 45 лет занимается строительством копий деревянных исторических парусников. Так в 2019 году на верфи морского центра была построена варяжская

ладья «Рюрик». Это судно — одно из самых больших в России среди кораблей подобного типа. Ладья имеет в длину 18 метров, в ширину — 4,5 метра, осадка до метра.

Цель тура — овладение участниками навыками морского дела. Все участники похода — это полноценные члены команды корабля. Они знакомятся с устройством судна, изучают основы навигации, учатся идти под парусом, на веслах и даже сами управляют драккаром! Виды, которые открываются с воды, потрясают: шхеры, необитаемые острова с вековым лесом, покрытые лишайниками и мхами скалы. Всю эту красоту мы наблюдаем вблизи, высаживаясь на островах. Собираем ягоды и грибы, любимемся прекрасными пейзажами. Кроме того, мы на каждый выход приглашаем музыкантов, которые вживую исполняют песни на традиционных старинных инструментах, поют песни на карельском языке.

В один прекрасный момент нам захотелось рассказать больше о карельской культуре. И мы решили сделать это посредством самого универсального языка — гастрономического. Так мы придумали наш самый любимый тур: путешествие по карельским деревням с исследованием национальной кухни. Мы поняли, что туристы хотят, если так можно выразиться, попробовать Карелию на вкус. Идея в том, что наши гости отправляются в старинные карельские деревни, где под руководством местных гастро-мастеров сами пытаются приготовить различные национальные блюда, а потом их пробуют. Кроме того, мы знакомим гостей с авторской карельской и северной кухней и проводим дегустации и кулинарные мастер-классы в лучших заведениях края. Путешествие «приправляется» знакомством с этнографическим материалом: как и чем карелы завтракали,

как садились за стол, по какую сторону находились женщины, а по какую мужчины, после кого можно было брать ложку. Своего рода тоже гастрономическое погружение в культуру северного народа.

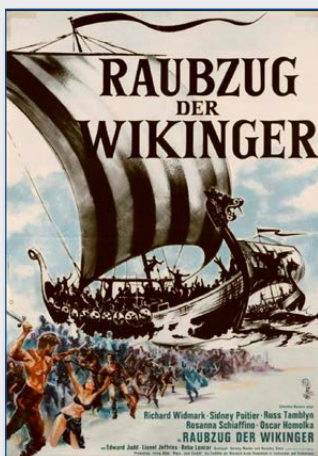
Сейчас мы организуем разные путешествия, не только двухдневные туры, и не только по Карелии.

Наша концепция заключается в том, чтобы набирать небольшие группы. Несмотря на все сложности и ограничения, мы понимаем, что люди

хотят путешествовать. Существует тренд на авторские путешествия. Мы сразу поняли, что огромные автобусы, набитые туристами, это не наш формат. Мы показываем незаезженные локации. И без нас люди посетят Кижы, съездят на Валаам, в парк Рускеала. Нам бы хотелось открывать Север с другой стороны, где гид, экскурсовод, организатор события — главное действующее лицо, через которого поются песни и руны про места, которые мы так любим.

Виталий ГРИШИН

Корабли викингов The Long Ships, 1964

*«Где мы? Судя по запаху — в гареме».
(из разговора двух викингов).*

Я снова приветствую всех читателей «Северного ветра», и в этот раз предлагаю вам обратить внимание на фильм, о котором вы наверняка даже не слышали, — «Корабли викингов» (The Long Ships, 1964). Я сам наткнулся на это кино случайно и решил посмотреть его исключительно ради обещания мне викингов.

Фильм снят европейскими киноделами, поэтому если вдруг что, то ругать нужно исключительно британцев и югославов так, чтоб у них уши неделю гореть не преставали. Главное, при этом понимать, что вот конкретно за этот косяк нужно ругать именно их, а не отечественных локализаторов.

Скорее всего, вы найдёте какой-нибудь еще перевод, но тот, что достался мне, был, мягко

говоря, не то чтобы исторически адекватен в плане терминологии. Даже на фоне того, что в целом с исторической достоверностью у «Кораблей викингов» всё совсем плохо. И в данном случае «всё» нужно воспринимать буквально как практически полное отсутствие исторической достоверности.

Скачивал я это произведение с чувством предвкушения лампового киносеанса (раньше ведь лучше кино снимали, да?), а через четверть часа уже боролся с желанием закрыть плеер и снести этот ужас с жёсткого диска. Всё ради нового киноотзыва для вас.

Начинаются «Корабли викингов» нестандартно: викинг травит байки на восточном базаре или

что-то типа того. Какие, блин, султанские палаты? Фьорды мне давайте и суровых бородатых мужиков на драккарах. Вопреки ожиданиям, кораблям и мореходству должного внимания не уделили. Спасибо, что хоть «каноничную» пьянку викингов с распитием рогов и пьяными драками показали.

Вы же помните, что фильм должен быть про викингов? Держите эту мысль в голове, когда

мужики в непонятных жилетках и кожаных трусах будут драться картонным оружием, но батальные сцены здесь отвратительны не столько технической реализацией, сколько сценарно-исторической тупостью.

Да, «Корабли викингов» в этом году отмечают 60-летие. Да, за шестьдесят лет знания об эпохе викингов стали глубже и обширнее. Да, киноиндустрия шагнула вперед. Поэтому мы стали в каком-то смысле разборчивее и привередливее.

Буду ли привередливый я теперь говорить, что раньше кино точно было лучше? Нет.

Буду ли привередливый я ругать это кино за неисторичность? Нет, хотя, наверно, должен был бы, т. к. в основе сценария лежит исторический роман «Рыжий Орм» шведского писателя Франца Гуннара Бенгтссона.

Насчёт историчности романа ничего не могу сказать, ибо узнал о нем вот буквально только что, зато фильм на историчность даже не пытается

претендовать. «Корабли викингов» — это старое доброе приключение, которое случилось где-то там, где ещё не успели придумать ману и файерболы (только поэтому историческое кино, а не фэнтези).

Где-то там еще не успели придумать ИИ-сценарии¹, сотню гендеров и компьютерную графику. Где-то там снимали фильмы про красивых коварных женщин и мужественных мужчин. Когда-то

там умели шутить забавные шутки. Больше причин, по которым нужно познакомиться с данным фильмом, нет.

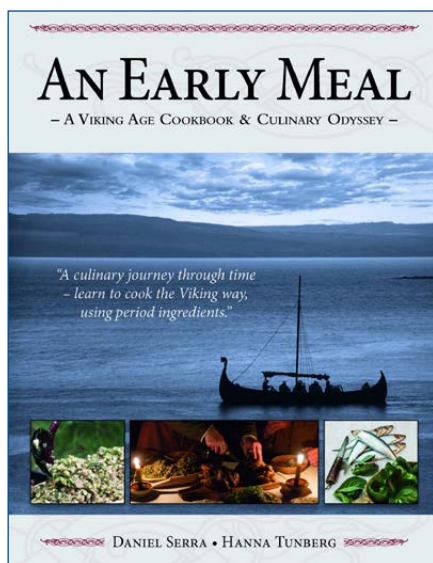
И есть мне до самого Рагнарёка одну только тухлую селедку, если я скажу, что потратил зря два часа своей жизни на «Корабли викингов», груженные авантюрами и духом приключений (не морских).

¹ ИИ-сценарии — сценарии, созданные с использованием алгоритмов нейросетей.

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Дмитрий ДАММЕР

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–45 номера.

Найденная в Лайре печь, вероятно, позволяла не только поджаривать хлеб, но и выпекать его почти так же, как мы делаем это сегодня. Плоды шиповника, которые вы видите на фоне, могли использоваться для придания аромата праздничному меду.

Лайре

Начинающийся у берега Роскилле короткий подъем ведет вверх и вокруг холма к стоящему на нем длинному дому. Раскинувшийся по обе стороны дома живописный пейзаж изобилует зеленым и желтым — это колыхнутся на ветру ячмень и пшеница. Невзирая на свою королевскую репутацию, этот дом не стоит сравнивать с уже упомянутым домом на Лофотенах, куда поместилось бы как минимум два таких.

Впрочем, по мере приближения к вершине холма заметно, что длинный дом окружают домики поменьше и другие надворные постройки. Ниже по склону над тропой высится большая куча обожженных камней. В то время как снаружи комплекс построек кажется довольно примитивным, столы в главном зале прежде ломались от мяса вместе с ценным белым и ржаным хлебом.

Высоко на холме над берегом Роскилле датский конунг воздвиг себе величественный чертог — богато украшенное место сбора вассалов и подчиненных. Находясь в самом центре датского королевства, дом был удобен для посещения, хотя и не являлся одной из регулярных остановок на восточном торговом пути.

Согласно множеству саг и хроник, Лайре был резиденцией конунгов данов династии Скъёлдунгов, которую, по преданию, основал сам Один. Большинство ранних упоминаний этого места мы в основном встречаем в фантастических источниках, за исключением хроники 1016 года немецкого епископа Титмара Мерзебургского, где Лайре описан как «столица» данов. Хотя раскопки здесь проходят довольно давно, часть построек комплекса обнаружили только в 1980-х годах.

В процессе раскопок Старого Лайре, названного так после появления современной коммуны Лайре, ученые смогли увидеть всю картину целиком. Помимо погребальных курганов, памятников и рунных камней они обнаружили комплекс зданий, датируемый VI веком н.э. Исследователи пришли к выводу, что реальное местоположение обнаруженных ранее построек в конце VII века сменилось новым, где они и продолжали

находиться до X века. Во время этой последней фазы поселение становилось все более развитым, а здания все больше. Также здесь обнаружили уникальные находки, свидетельствующие о том, что когда-то в этих местах жил богатый и могущественный конунг.

Впрочем, судя по сагам и хроникам, можно сделать вывод, что жившие здесь люди были не просто местными вождями, но правителями молодого датского королевства, либо же последние как минимум периодически останавливались здесь. В конце X века Лайре лишилось своего статуса, и случилось это примерно в то же время, когда Харальд Синезубый основал торговую площадку в Роскилле — со стороны Старого Лайре мы сегодня видим на этом месте современный город.

Хотя подобные заявления сложно подтвердить археологическим путем, можно с уверенностью утверждать, что само место имело огромное значение. О его высоком статусе говорят не только величественные постройки, но и богатые находки. Археологи обнаружили здесь несколько ценных артефактов, в том числе золотые и серебряные фигурки тонкой работы, судя по всему, изображающие Одина в образе андрогина.

Пища

Особая роль Лайре заметна по найденным здесь остаткам пищи. По сравнению с другими местами местная кухня была сытной, хотя и довольно простой. Экзотических ингредиентов было найдено мало, однако ученые выяснили, что в пищу употребляли как более крупную дичь, так и забитых лошадей. Это говорит о том, что длинный дом имел серьезное значение для светской и религиозной жизни общины.

Хотя во многих отношениях Лайре был типичной большой фермой, определенные отличия указывают на специфический характер этого места. Хотя в длинных домах и землянках, как правило, встречаются остатки ячменя, в печах чаще всего находят следы ржи. Кроме того, в результате раскопок обнаружили остатки овса и пшеницы. Наличие обожженной ржи в печах можно объяснить попытками поджарить или подсушить рожь перед тем, как перетереть ее в муку, либо же она

оставалась после выпечки хлеба. Другие найденные в Лайре культуры включают лесной орех, конские бобы, горох и щавель.

Как и в большинстве других мест раскопок, среди костных останков преобладает обычный домашний скот. Если судить по числу останков, то примерно на одну часть это была баранина, на две части говядина и на три части свинина — идеальные пропорции для вполне приличной сосиски.

Останки лошадей составляют не более 3% от всех фрагментов костей, однако все равно встречаются чаще, чем в других местах того же периода. Вопреки тому, что мы ожидали увидеть от королевского хозяйства, останков диких животных крайне мало — всего около 2% от общего числа останков млекопитающих. Явное большинство среди них составляет косуля, что может отражать как средневековую точку зрения на косулю как

королевскую дичь, так и простое предпочтение ее костей в качестве материала для различных ремесел.

Кроме крупных животных люди здесь, скорее всего, держали птицу и охотились на нее. Хотя кости птиц более хрупкие, и поэтому их количество труднее сравнить с останками мелкого и крупного скота, мы все равно можем увидеть картину всего разнообразия животных на ферме. Помимо кур, местные в избытке держали гусей и даже уток. Поскольку поселение находилось примерно в пяти километрах от побережья, останков морских птиц здесь не нашли, в отличие от других прибрежных поселений.

Тем не менее потребность в рыбе и доступ к ней у местных жителей, вероятно, имелись. Находки свидетельствуют, что в пищу в основном употребляли сельдь, треску и, в меньших количествах, камбалу. Сообщений об останках пресноводных рыб пока не поступало.

В большом кургане внутри поселения ученые нашли потрескавшиеся от огня камни — следы регулярных действий вроде нагрева либо

нахождения здесь земляных печей. Судя по обширным размерам кургана — 20 на 40 метров — сюда не просто сваливали отходы. Есть версия, что это место использовали в ритуальных целях. Земля в ближайших к кургану ямах демонстрирует следы воздействия огня или жара, а это говорит о том, что часть камней вынули из земляных печей. Также обожженные камни могут означать, что в этих местах часто нагревали воду, например, для сушки рыбы или варки пива. Как и в случае с Норвегией, резонно предположить, что сусло нагревали, кладя в него раскаленные камни, а не просто медленно кипятили в больших котлах.

Если в Лайре действительно была резиденция конунга, вероятно, здесь и правда устраивали пышные пиршества. Чтобы удовлетворить многочисленных вассалов и сторонников, хозяин должен был варить огромное количество пива, что делает высказанное ранее утверждение о назначении потрескавшихся от жара камней вполне убедительным. ❖

Продолжение следует...

Мария ЮЛИНА
(РАНХИЛЬД)

Знаки на Пути

НА самом деле невероятная история, которую я сейчас собираюсь вам рассказать, соответствует названию рубрики не на сто процентов. Правильнее было бы в моем случае назвать рубрику не «Путь к богам», а «Путь с богами», ибо к тому времени, как все произошло, нам с Северными богами было уже давно по Пути.

Используя в описании слово «невероятная», я честно готовлю вас к тому, что вы, скорее всего, мне не поверите. Я бы и сама в эту историю не очень-то поверила, если бы услышала где-то еще. Но как поется в песне: «Это было очень давно, и это существенная правда» (с).

Про знаки уже столько всего писано-переписано. Люди впечатлительные способны увидеть знаки на каждом столбе, скептики утверждают: во всем виноват «фокус внимания». Например, мечтает человек о поездке в Париж, постоянно об этом думает. Весь его фокус внимания зафиксирован на этой теме, и поэтому, когда мимо него дефилирует прохожий в майке с Эйфелевой башней, — его фокус внимания немедленно, как фонариком, эту майку высвечивает на фоне всех остальных, и он думает: «Ага, знак же, ну!» А то, что мимо него одновременно прошли люди в майках «По золотому кольцу» и «Бобруйск — для бобров», это его внимание тщательно игнорирует: нам в Бобруйск не надо, зачем нам в Бобруйск. А там и «Вояж» Ленинграда начинает звучать из каждого утюга, и в продуктовый магазин напротив вот прямо сегодня завезли свежайшие круассаны. Ну да, завезли, уже год как каждый день завозят, но заметил человек, жаждущий сделать сэлфи на фоне Эйфелевой башни, только сейчас, ибо в своих мыслях вот только что точно такой же круассан поедал с видом на Монмартр.

Теорию с фокусом внимания я уважаю, и посему каждое необычное событие в своей жизни подвергаю тщательному скептическому анализу. Но как я не пыталась со всех сторон подвергнуть критике тот знак, что был получен мной почти одиннадцать лет назад, так и не получилось. Не прикручивается сюда «фокус внимания», хоть тресни. А впрочем — мое дело рассказать, а правда или совпадение — оставлю судить вам.

Итак...

...Никогда, никогда в своей жизни я не хотела уезжать из страны, в которой родилась и которую любила и люблю всей душой. Принципу «Где родился, там и пригодился» я собиралась следовать неукоснительно, о чем регулярно заявляла миру в формате манифеста. Поэтому, когда мужу однажды предложили переехать по работе в Америку, я была КАТЕГОРИЧЕСКИ против. К капсу хорошо бы добавить звуки вопящей сирены и видеоряд с торнадо, чтобы подчеркнуть глубину слова «КАТЕГОРИЧЕСКИ». Мы несколько дней подряд «били горшки» и яростно спорили. В какой-то момент дебаты достигли наивысшей точки (да и целые горшки в доме по ходу закончились), и я в состоянии крайнего душевного смятения отправилась по делам (видимо, за новыми горшками). По старой неизменной привычке я всегда читаю в дороге. И хоть была злая как черт, а все ж таки решила дочитать книгу, правда, какую — уже точно не помню. Села в автобус, пытаюсь открыть книгу с телефона — не открывается: выдается неизвестная, невиданная мной доселе ошибка. Психую, пробую еще раз — ошибка, не открывается. Дохожу до крайней точки кипения, перегружаю

телефон — не открывается. Состояние «абсолютно, ну абсолютно вся и все против меня» переходит в «ну и подавитесь», и поэтому открываю ПЕРВУЮ попавшуюся в списке книгу, и этой книгой оказывается «Американские боги» Нила Геймана. Список книг, смиренно ждущих своей очереди, у меня внушительный, собираемый годами, и «Американские боги» попали в него давным-давно, но все еще ждали своего часа. Подчеркну: я вообще не представляла, о чем эта книга, а слово «Америка» у меня к этому времени вызывало натуральную тошноту.

И все же под руку попались именно «Американские боги», и почти сразу же, на первых страницах, я читаю:

*«Это случилось за сто лет до того как Лейв Счастливый, сын Эйрика Рыжего, заново открыл землю, которую назвал Винланд. **Боги Севера уже ждали его в этой земле:** Тюр-однорукий и седой Один, бог висельников, и громовник Тор.*

Они были там.

Они ждали».

Видят боги, я перечитала тогда эти строки какое-то немыслимое количество раз, и все никак не могла поверить своим глазам. Помните любимый прием режиссеров, когда в точке кульминации после оглушительного взрыва в голове у главного героя наступает звенящая тишина, и все движется как в замедленной съемке? Со мной ровно так и случилось, когда я дочитала до этих строк. Вся буря эмоций, сжигавшее меня отчаяние и абсолютное непонимание «что делать дальше» закончились взрывом, после которого наступила тишина и пришло ясное осознание, как поступить. Из автобуса я вышла уже спокойная, с принятым решением и уверенностью, что «все будет правильно».

Это решение было непростым, и наш дальнейший путь нельзя даже с большой натяжкой назвать «легким». Я заплатила непомерно высокую цену за это решение, а все ж таки, оглядываясь назад, холодею при мысли, что могла и, вероятно, поступила бы по-другому, не получив тогда этот знак. Но когда боги Севера тебя ждут — разве можно выбрать какую-то другую

Рецепция древнескандинавской словесности в современной исландской детской литературе¹

Ольга МАРКЕЛОВА

В исландской детской литературе 2000–2010-х гг. в текстах, так или иначе затрагивающих материал древнескандинавской словесности (обычно это крупная или малая проза и крайне редко — стихи), чаще всего задействованы два жанра древней литературы: мифологические песни «Старшей Эдды» и саги об исландцах, значительно реже — материал королевских саг. В современной исландской культуре за этими жанрами древней словесности закреплен статус «великого культурного наследия», кроме того, они являются крайне важной составляющей исландской национальной идентичности. Однако высокий статус явления подразумевает дистанцию между ним и реципиентом, а при обращении к древнему тексту в современных исландских детских книгах задача автора — сделать его близким читателю. «Приближение к читателю» может достигаться разными способами: пересказ, переписывание, творческое переосмысление, параллели с современностью, травестирирование, помещение сюжета или персонажа из древнего источника в современный будничный контекст. Несоответствия между древностью и современностью, в том числе этические, могут обсуждаться в подобных книгах, так как одна из задач детской литературы — просвещать читателей не только о минувших эпохах, но и прежде всего о том мире, в котором они живут.¹

Рецепция древнескандинавской словесности² в исландской детской литературе последних десятилетий на данный момент не исследована даже в самой Исландии. Автору этих строк удалось найти лишь небольшое число рецензий и обзоров, но фундаментальных литературоведческих работ, посвященных интересующей нас тематике, насколько можно судить, нет.

В исландской детской литературе 2000–2010-х гг. тексты, так или иначе затрагивающие сюжеты и реалии из скандинавской мифологии или саг об исландцах, не составляют большинства. Их число обозримо. Среди писателей, названных сотрудниками детского отдела городской библиотеки Рейкьявика (Borgarbókasafnið) в качестве самых популярных у юных читателей, много авторов «школьных повестей» из современной жизни³, но почти нет тех, кто обращается в своих книгах к древнему культурному наследию. Тем не менее заявленную тему нельзя назвать неактуальной для детской литературы народа, который по праву гордится тем, что сохранил древнюю словесность⁴.

1 Статья впервые была напечатана в Вестнике ПСТГУ. Серия III: Филология. 2018. Вып. 55. С. 52–74

2 Применительно к древнеисландским текстам я предпочитаю термин «словесность», так как здесь речь идет по преимуществу о литературе, изначально устной, и может идти речь о жанрах, в современном понимании не относящихся к художественной литературе.

3 Господствующая тенденция в исландской детской литературе 1970–1990-х гг. — социальный реализм (с обязательным хронотопом «здесь и сейчас» и дебатированием проблем, с которыми детям приходится сталкиваться в повседневной жизни) — см.: Íslensk bókmenntasaga. Bd. V. Reykjavík, 2006. И в 2000–2010-е гг. абсолютное большинство детских книг составляет повести из жизни современных школьников.

4 Применительно к Исландии между понятиями «древнескандинавский» и «древнеисландский» нужно ставить знак равенства. Для исландцев вопрос о принадлежности этих текстов — часть большого вопроса об исландской национальной идентичности: если саги об исландцах вне сомнения созданы на отечественном материале, то в случае с эддическими сюжетами или сагами о норвежских конунгах не вполне ясно, принадлежат ли они исландцам более, чем другим скандинавским народам, только по той причине, что были записаны именно исландцами.

Если для других стран проблема рецепции древнескандинавской культуры в первую очередь опирается в проблему перевода первоисточников и их доступности, то в Исландии проблема непонятности древнеисландского первоисточника актуальна только для младших поколений, еще не очень хорошо овладевших родным языком, в частности, архаической лексикой. (Изменения в грамматике и синтаксисе исландского языка по сравнению с континентальными европейскими языками незначительны.) При этом она качественно отличается от проблемы непонятности первоисточника для зарубежных читателей, так как для исландских детей всегда есть возможность в будущем познакомиться с первоисточниками в рамках системы образования.

В данной работе я не буду уделять внимание описанию и анализу древнеисландских текстов, послуживших источником вдохновения для современных авторов (тем более что не во всех случаях такой источник легко узнаваем), а сосредоточусь на самих современных текстах.

Насколько можно судить, в исландских средних школах образцы древней словесности — как правило, эддические песни и саги — изучаются лишь эпизодически; в основном детальное знакомство с этими текстами у исландских учащихся происходит в колледже (*menntaskóli*)⁵. Тем важнее становится роль писателей, решивших познакомить с этой словесностью детей.

Наряду с текстами исландских авторов детям-читателям, разумеется, знакомы и зарубежные издания разной жанровой специфики и разного качества, затрагивающие древнескандинавскую культуру⁶. Как правило, это тексты датских или англоязычных авторов; в исландских библиотеках можно найти их переводы на исландский, выпущенные в 1990-е гг. и в XXI в. Вопрос о том, как и в какой мере подобные издания способствуют знакомству юных исландцев с их древним культурным наследием, а также вопрос о том, как они соотносятся с исландскими изданиями и не являются ли избыточными, остается за рамками нашего исследования, посвященного именно исландской словесности. Заметим лишь, что их существование нельзя сбрасывать со счетов.

Как правило, исландские детские книги, в которых затрагивается заявленная тематика, рассчитаны на читателей в возрасте 9–13 лет. На самих книгах возрастной ценз указывается далеко не всегда, но определить потенциальную аудиторию без труда можно по стилю изложения и возрасту героев. (Литература для подростков и молодых взрослых составляет особую категорию и должна рассматриваться отдельно.) В основном речь идет о прозе: повестях/романах, реже — рассказах; поэтические тексты на древнескандинавскую/древнеисландскую тематику, адресованные детям, достаточно редки. (Единственный известный мне автор, пишущий такие стихи для детей, — Тоурарин Эльдъяртн, творчество которого заслуживает отдельного рассмотрения.)

Источниками вдохновения для детских текстов могут служить мифологические сюжеты (как песни «Старшей Эдды»), так и сюжеты, приводящиеся у Снорри Стурлусона; часто они накладываются

5 Разумеется, нельзя забывать и о роли семьи и дружеских кругов в формировании интереса к древнему культурному наследию. Для поколений исландцев, родившихся в 1950–1960-х гг., было обычным делом слушать саги в устном исполнении деревенских дедушек или других взрослых. Ярким примером здесь может служить рассказ Оускара Ауртнни Оускарссона, очевидно основанный на личных детских воспоминаниях, где сообщается, что продавец местной продуктовой лавки стал читать мальчишкам вслух сагу о Ньяле с целью отвлечь их от озорства и дать им духовную пищу — и дети были готовы бросить другие развлечения ради удовольствия послушать сагу (Óskar Árni Óskarsson. *Skuggatyndir úr ferðalagi*. Bjartur, Reykjavík, 2009. Bls. 108–109). В наши дни представители старших поколений еще могут кое-где поддерживать традицию чтения или рассказывания детям древних текстов, но у большинства детей и подростков первое знакомство с этой литературой происходит с помощью адаптированных источников: именно детских книг. (Логично также предположить, что в этом первом знакомстве большую роль могут играть кино и телевидение, но они остаются за рамками данного исследования.)

6 Пример недавнего издания такого рода — «*Sögur úr norrænni goðafræði*» (руб. Bjarki Karlsson, Rosakot, 2016), переведенные с английского (в издании указано только имя переводчика!). Стиль изложения и описание структуры мира в этой книге больше всего напоминают массовую литературу в стиле героического фэнтези, а многочисленные иллюстрации отсылают к зарубежным мультфильмам и компьютерным играм в том же стиле.

друг на друга), саги об исландцах (во всяком случае, самые популярные), реже — «королевские саги», иногда — общие сведения о жизни исландцев в эпоху викингов. Взаимодействие современных авторов с такой важной частью древнеисландской словесности, как скальдическая поэзия, происходит лишь опосредованно: если в тексте цитируется известная древняя виса (например, стихи Эгиля Скаллаgrimссона⁷ в тех книгах, где эта личность играет основную роль в сюжете) или — реже — если делается стилизация под эту поэтическую традицию. Материал героических песней «Старшей Эдды» и таких жанров саговой литературы, как рыцарские саги и саги о древних временах, не используется вовсе. На материале «саг о современности», конкретно — «Саги о Стурлунгах» удалось обнаружить только один текст⁸.

Авторов, «специализирующихся» исключительно на древнескандинавской тематике, в современной Исландии нет.

В исландской литературе 2000–2010-х гг. (и не только детской), судя по всему, полностью отсутствует явление, повсеместно распространенное в литературе континентальной Европы (и Америки) — условно-романтизированное представление о древнескандинавском универсуме эпохи викингов.

Исландские детские книги, апеллирующие к древнему культурному наследию, являют собой своего рода «двойной портрет»: 1) представление о древнеисландской культуре (будь то мифологический универсум, населенный богами и существами, или конкретная местность в конкретную историческую эпоху); 2) представление о ребенке-реципиенте. Само наличие детских книг этой тематики уже говорит о том, что для их авторов идеальный образ ребенка — это ребенок, интересующийся родной культурой: мифологией, историей, литературой. Ясно также, что речь идет о ребенке, в повседневном опыте которого заведомо нет ничего похожего на древнеисландский универсум. Но само представление о том, насколько современный ребенок способен понять древнюю культуру, какие реалии этой культуры лучше подойдут для детской аудитории, — варьируется от автора к автору.

Авторы художественных произведений, обращающиеся к древнеисландской словесности, в строгом смысле взаимодействуют не столько с самими первоисточниками, сколько с современными представлениями о них. Как заметила Маргрет Триггвадоттир, критик детской литературы, хорошие детские книги в первую очередь просвещают детей об окружающем их современном мире⁹. А в реальности, окружающей современного исландского ребенка, древняя словесность фигурирует чаще всего не как самоценное явление, достойное восхищения само по себе, но как нечто, имеющее статус «великого культурного наследия» и национального топоса. Пересказы и переложения эддических песней и саг, судя по всему, имеют в качестве отправной точки это распространенное в социуме представление о «великих текстах отечественной культуры» — и необходимость познакомить юных читателей с «великими текстами культуры» как можно скорее. Представление о высоком статусе тех или иных текстов во многом объясняет отсутствие в современной исландской детской литературе книг на материале рыцарских саг и саг о древних временах: среди них нет текстов, знание которых в исландском социуме обязательно для всех, и сами эти жанры древнеисландской словесности до недавнего времени были презираемы за «вторичность» и «художественное несовершенство»¹⁰. Обращение в детской литературе к героическим песням «Стар-

7 Интересно, что одна виса Эгиля Скаллаgrimссона всё-таки вошла в исландскую детскую словесность. Во всяком случае, в любимом многими поколениями «*Vísnaðókin*» — сборнике фольклорной и авторской детской поэзии, который впервые увидел свет в 1946 г. и с тех пор выдержал множество изданий, в числе других стихов представлена виса «*Rá mælti mér tóðir*», которую Эгиль, согласно саге о нем, сочинил в детстве.

8 Anna Dóra Antónsdóttir. *Bardagi á Örlýgsstöðum. Adan bókaútgáfa, Reykjavík, 2013.*

9 «Книги открывают нам двери в другие миры. Мы можем читать о заморских странах, стародавних временах и чудесных мирах, порожденных фантазией авторов. И все же самый важный из всех миров, в который мы можем заглянуть благодаря чтению хороших книг, — это именно тот мир, в котором мы живем, здесь и сейчас... Это зеркало, показывающее нам, кто мы, куда мы движемся, что можем исправить и где наши корни. ...Нашим детям требуются новые книги, перекликающиеся с их реальностью. Но не надо забывать и о том, что авторы, пишущие о минувших временах и вымышленных мирах, чаще всего тоже изображают нас самих здесь и сейчас» (Margrét Tryggvadóttir. *Veröld barnabókanna sótt heim á nú // Tímarit Máls og Menningar. 2015. No 2. Bls. 9).*

10 См.: Driscoll M. J. *Pögnin mikla. Hugleiðingar um riddarasögur og stöðu þeirra í íslenskum bókmenntum // Skáldskaparmál 1. Reykjavík, 1990. Bls. 157–168.*

шей Эдды» (в частности, к сюжету о Сигурде Фафниробойце) не происходит, вероятно, потому, что сюжеты и персонажи этих песней не относятся к главным при конструировании исландской идентичности, но часто используются при построении идентичности других народов (фарерского, немецкого). Редкость обращения к поэзии скальдов явно обусловлена ее сложностью для носителя современной поэтической традиции.

Однако высокий статус оригинального текста/сюжета, будучи утверждаем таким образом, одновременно оказывается ниспровергаем. Высокий статус того или иного явления непременно подразумевает дистанцию между ним и реципиентом, — а при обращении к древнему тексту автор всегда стремится сделать его «живым», современным, близким читателю, т. е. снимает эту дистанцию. «Приближение к читателю» может достигаться разными способами: психологизация, эмоциональность, параллели с современностью.

К этому материалу в современной исландской детской литературе возможны следующие подходы.

1. Пересказ

Простой пересказ/переложение. Основной целью таких текстов, без сомнения является первое знакомство юных читателей с важнейшими сюжетами и персонажами древнеисландской словесности; иногда они создаются специально для учебных целей. Стиль пересказов и степень их «вольности» по отношению к первоисточникам может сильно варьироваться: от комментированных изложений с заявкой на энциклопедизм до ультраэмоциональных «поэтических версий».

1.1. «Эдда»

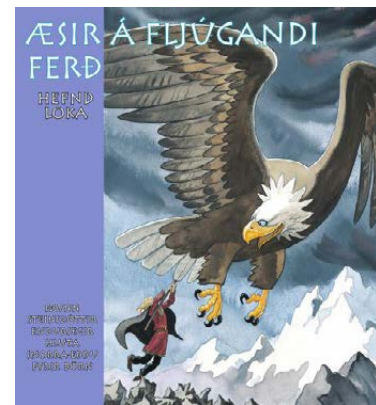
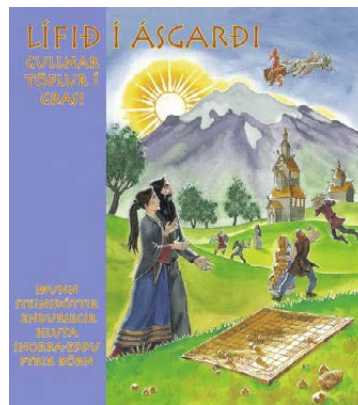
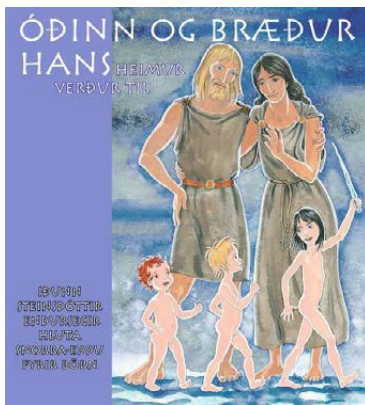

Обращение к «Эдде» в современной исландской детской литературе — всегда обращение к песням о богах. Пересказы эддических мифов для детей могут представлять собой связный нарратив (от сотворения мира до Рагнарёка, с единым сюжетом — обычно борьбой богов против козней Локи и происков обитателей нижнего мира) или каталог/энциклопедический справочник. Скажем, если в пересказе речь идет об Асгарде, то каждому из живущих там богов посвящается отдельная глава, где подробно описываются его атрибуты, характер и деяния. Разумеется, существуют и промежуточные типы (например, «Судьба богов» Ингунн Аусдисардоттир [2008], в которой рассказы об отдельных богах, их характерах и поступках инкорпорированы в повествование, во всем следующее тексту «Прорицания вёльвы»).

Самыми популярными для пересказа являются, насколько можно судить, история возникновения и гибели мира (по «Прорицанию вёльвы») и сюжет о поездке Тора в Утгард. (Впрочем, эти сюжеты являются самыми популярными не только в Исландии; их обработки для юношества на протяжении многих десятилетий были весьма обычны, скажем, в Дании.)

В эддических текстах хронология фрагментарна, что связано как с особенностями восприятия времени архаическим сознанием, так и — не в последнюю очередь — со степенью сохранности текстов. Многие авторы пересказов для юношества стремятся придать текстам связность и логичность — разумеется, с точки зрения современного сознания. Так, события, в первоисточнике просто перечисляющиеся в одном ряду, в пересказах могут представать как логически вытекающие друг из друга, а событиям, которые в первоисточнике описывались, возможно, вне связи с предыдущими, придается логическая мотивировка, порой психологического характера. Например, в книге Идунн Стейнсдоттир о сотворении мира убийство Имира богами мотивировано тем, что он не дает им напиться молока из-под коровы Аудумлы¹¹.

¹¹ См.: Iðunn Steinsdóttir. Óðinn og bræður hans. Heimur verður til. Iðunn Steinsdóttir endursagði hluta Snorra-Eddu fyrir börn. Námsgagnastofnun, Reykjavík, 2006. Bls. 12.

Впрочем, далеко не всегда в подобных пересказах логически обосновано появление всех присутствующих там персонажей и реалий. В пересказах Идунн Стейнсдоттир, представляющих три связанные друг с другом книги, повествование всецело подчинено причинно-следственным связям, однако автор не отрицает, что в мире есть много того, что в эти связи не укладывается. Например, приход в Асгард Локи, происхождение Хель, Фенрира и Мирового змея описаны подробно, но возникновение ясеня Иггдрасиль не объяснено никак: он просто появляется в тексте «в готовом виде» со всеми населяющими его животными. Персонажи и реалии, называемые в тексте в первый раз, вводятся в повествование как нечто уже давно знакомое.

Примечательно, что в пересказах эддической мифологии повествование никогда не заканчивается Рагнарёком. Перспектива Рагнарёка нависает над Асгардом фактически в любом тексте, где описывается мифологический универсум, но в детских текстах гибель мира не осмысливается как закономерный логический конец его развития. (Очевидно, в данном случае дает о себе знать характерная для современного социума негласная установка на то, что для книг, адресованных детям, предпочтительны оптимистические концовки.) В книге Ингунн Аусдисардоттир «Судьба богов» сам событийный ряд Рагнарёка приводится подробно по «Прорицанию вельвы» и по «Эдде» Снорри Стурлусона; повествование начато в прошедшем времени и постепенно переходит в *præsens historicum*. Кульминационный момент гибели мира показан в книге невербальными средствами: разворот имеет черный цвет, в коротком абзаце вверху левой страницы сообщается о прибытии Сурта и о том, как волки поглотят солнце и луну, на правой странице присутствует

лишь одно слово «Рагнарёк», набранное жирным шрифтом, а пустое черное пространство листа между этими двумя маленькими текстовыми фрагментами действительно производит ощущение пустоты и небытия, наставших после гибели мира¹².

Однако уже на следующей странице речь идет о дальнейшем течении времени, а финальная глава носит название «Новый мир» и представляет близкий к тексту пересказ соответствующих строк «Прорицания вельвы». В рассказ о возрождении мира привносится элемент современной этики: «Только безгрешные боги вернуться, и святилища их чисты»¹³.

12 См.: Ingunn Ásdísardóttir. Örlög guðanna. Sögur úr norrænu goðafræði. Mál og menning, Reykjavík, 2008. Bls. 116–117.
13 Ibid. Bls. 120.

В трилогии Идунн Стейнсдоттир отмечены все события, приближающие Рагнарёк; кульминационным среди них является, разумеется, гибель Бальдра, за которой следуют поездка Хермода в Хель и пленение Локи.

Финал книги таков:

«Отчего мир настолько полон зла? Отчего все не могут жить в мире — йётуны и асы, люди, альвы и гномы? — подумала она [Фригг].

Она знала, что на ее веку такого не будет. Но после Рагнарёка, когда останутся одни Видар и Вали, а Бальдр вернется из Хель, вечнозеленая земля поднимется из моря. И тогда эти родичи найдут в траве золотые тавлеи богов. Они снова выстроят свой мир, и она верила, что он будет добрым и мирным.

Шум, доносящийся от Вальгаллы, нарушил вечернюю тишь. Туда сходились забрызганные кровью эйнхерири. Начиналось вечернее пиршество»¹⁴.

События, описанные в «Прорицании вэльвы» (и данные здесь в виде скрытых цитат), присутствуют в опосредованном виде — только в сознании героини. В оригинале возрождение мира в этом пассаже описано в сослагательном наклонении прошедшего времени, — т. е. его предлагается понимать, как что-то, что могло бы быть, как ирреальную ситуацию. Обновленный мир, о котором думает героиня, подчеркнуто утопичен, а при существующем порядке победа богов над силами хаоса может быть лишь временной. Однако сам рассказ об утопии, которая должна наступить после Рагнарёка, делает перспективу конца мира менее страшной.

Часто в пересказах существенное место занимает то, чего в древней мифологии заведомо не могло быть, но без чего немислима современная реалистическая проза — психологизм. Речь идет об эмоционально насыщенных диалогах, о психологических портретах персонажей, анализе мотивов их поступков. Благоприятным материалом для этого оказывается личность Локи, деструктивная деятельность которого интерпретируется как следствие его особого положения среди богов. В иных книгах пересказов он выступает в роли почти гротескного комиксового злодея¹⁵, в других — его выходки продиктованы желанием выделиться¹⁶.

В лексике подобных пересказов могут встречаться современные слова (например, разговорные и жаргонные) и крылатые выражения, — в частности, библейского происхождения. (В трилогии Идунн Стейнсдоттир валькирия описывает будущее Вальгаллы словами «Много будет званых, да мало избранных»¹⁷.) Возможно, в последнем случае речь идет не о каком-либо сознательном приеме, а о стертом фразеологизме, происхождение которого может вспоминаться не всегда.

Среди пересказов эддических песней необходимо особо выделить переложения на современный исландский язык «Прорицания вэльвы» (2005) и фрагмента «Речей Высокого» (2011), выполненные Тоура-

рином Эльдьяртном. В строгом смысле эти тексты правильнее было бы назвать переводами: в них нет явных смысловых расхождений с первоисточниками, введения явно современных реалий, соблюдена метрика и стилистика. В этих текстах нет труднопонимаемых архаизмов, но тот

14 Iðunn Steinsdóttir. *Æsir á fljúgandi ferð. Hefnd Loka. Iðunn Steinsdóttir endursagði hluta Snorra-Eddu fyrir börn. Námsgagnastofnun, Reykjavík, 2009. Bls. 95.*

15 См.: Ingunn Ásdísardóttir. *Örlög guðanna.*

16 См.: Iðunn Steinsdóttir. *Lífið í Ásgarði. Gullnar töflur í grasi. Iðunn Steinsdóttir endursagði hluta Snorra-Eddu fyrir börn. Námsgagnastofnun. Reykjavík, 2008. Bls. 20.*

17 Ibid. Bls. 77.

современный язык, на котором они написаны, отличается богатым словарным запасом¹⁸. Издание перевода «Прорицания вёльвы» пришлось на те же годы, что и первые издания пересказов саг для детей¹⁹, — и эти издания были в известной мере провокационными, так как своим появлением наносили удар по расхожему представлению о том, что древнее наследие понятно современным исландцам без комментариев.

«Эдда» Снорри Стурлусона как цельный текст обычно не становится предметом для пересказа и адаптации (по той очевидной причине, что она сама — пересказ, адаптация и интерпретация мифологического материала, а ее язык гораздо понятнее современному исландцу, чем язык мифологических песней). Отдельные сюжеты, описанные у Снорри, нередко вплетаются в повествование, в основном следующее за какой-либо песнью «Старшей Эдды» (обычно это сюжет о поездке Тора в Утгард, о рыбалке Тора или о Рагнарёке), очень часто современные авторы описывают отдельных богов «с оглядкой» на их описания у Снорри. Однако мне удалось обнаружить лишь одно издание, в котором обработке подвергнулся не материал «Младшей Эдды», а сам ее текст²⁰. Название этой книжки — «Эдда» Снорри на современном исландском языке — означает, что, вопреки заявлениям пуристов о «первозданности» и «неизменности» исландского языка, этот язык изменился настолько, что текст XIII в. неизбежно требует перевода. (Во всяком случае, такова позиция автора этой переработки.) Книга создана на материале «Видения Гюльви» и «Языка поэзии», а в основу ее структуры положен каталогизаторско-энциклопедический подход: она состоит из вопросов в заголовке и развернутых ответов в виде текста — древний текст в данном случае адаптирован под «клиповое» мышление, предпочитающее разрозненные фрагменты информации связанному длинному нарративу. Впрочем, это издание в большей степени отражает маргинальный взгляд на запросы и привычки юных читателей, чем общераспространенное представление о них.

1.2. Саги

Первая книга такого рода — «Сага о Ньяле» в пересказе Бринхильд Тоураринсдоттир — вышла в свет в 2002 г. (За ней последовали пересказы «Саги об Эгиле» и «Саги о людях из Лососьей долины»²¹.) В годы издания этих книжек речь шла о нетипичном, новаторском виде детской лите-

18 Детальное сопоставление языка этого текста Тоурарина Эльдъяртна с языком первоисточника см.: Anna Þórbjörg Ingólfssdóttir. Hávamál. Þórarinn Eldjárn endurortir og Kristín Ragna Gunnarsdóttir myndlýsti // Börn og menning. 2012. No 27 (1). Bls. 36–37. Любопытно, что у взрослых читателей (например, автора данной рецензии) употребление в «Речах Высокого» современного языка порождает ассоциации с сугубо современными реалиями исландской действительности: «Ум и рассудок, умеренность и осторожность — вот те ценности, которые в этой поэме удостаиваются наибольшей похвалы и которые, очевидно, крайне актуальны для исландцев в той экономической и этической неразберихе, к которой привел исландское общество кризис 2009 г.» (Ibid. Bls. 36).

19 См.: «Þórarinn þýðir Völuspá». Fréttablaðið 22. sept. 2005. Bls. 38.

20 См.: Bjarki Bjarnason. Snorra-Edda á nútímaíslensku. Gylfaginning og Skáldskaparmál. Óðinsauga útgáfa, Mosfellsbær, 2015.

21 По-исландски эти небольшие по объему книжки называются уменьшительно-ласкательными прозвищами соответствующих саг: «Njála», «Egla», «Laxdæla».

ратуры. Однако эти пересказы быстро «прижились» в пространстве исландской детской литературы и выдержали не одно издание²².

Книги Бринхильд Тоураринсдоттир можно без преувеличения назвать своеобразными детскими энциклопедиями, посвященными конкретным сагам. В них есть введение, предисловия и комментарии. Во введении сообщается о месте данной саги в древнеисландской литературе, об основных персонажах (здесь же даны их портреты, которые в дальнейшем будут фигурировать на иллюстрациях к книге). Предисловия обычно содержат культурологическую информацию, поданную в форме множества рассредоточенных по странице мелких текстов, напоминающих журнальный коллаж. (В предисловии к «Саге о Ньяле» это информация об истории Исландии эпохи народовластия, о манускриптах саг, о местах, в которых жили персонажи; в предисловии к «Саге об Эгиле» — справка о кораблях и плаваниях викингов, о заселении Исландии, о скальдах при дворе норвежских конунгов...)

Сами пересказы кратки: в них даны лишь основные события саг (в случае «Саги о Ньяле» — часть событий, приведшая к знаменитому пожару в Бергторсхволле). Язык повествования не буднично и не примитивный, в тексте попадаются архаизмы и слова высокого стиля (поясняемые в сносках), а реплики персонажей сохранены в таком виде, в каком они были в первоисточнике, так как многие из них стали в современном исландском языке крылатыми выражениями, происхождение которых должен знать каждый.

На полях страниц в книгах даны краткие энциклопедические справки о встречающихся в тексте древних реалиях. Часто эти реалии поясняются через явления современности. Порой эти сравнения неожиданны. Например, в «Саге об Эгиле» в одной из таких справок говорится: «Значит, придворных скальдов можно назвать поп-звездами эпохи викингов: они были популярными, востребованными и получали за свои выступления деньги и славу»²³. В комментарии к прославленному эпизоду этой саги, в котором Торгерд пресекла попытки Эгиля свести счеты с жизнью после гибели сына и убедила его сложить о погибшем погребальную песнь, ее действия сравниваются с действиями хорошего психотерапевта, — и в качестве иллюстрации к этому комментарию помещен портрет «знаменитейшего психолога всех времен» Зигмунда Фрейда, причем не портрет, ставший частью современной поп-культуры, а менее растиражированное фото²⁴. Дети, читающие такую книгу, просвещаются не только о культуре эпохи викингов, но и о культуре более недавних времен.

Пересказ значимого текста древней культуры может приобретать форму, пограничную между словесностью и изобразительным искусством. В начале 2000-х гг. вышла трилогия комиксов по «Саге о Ньяле». В основу сюжета каждой из книжек положены отдельные — хотя и связанные друг с другом — эпизоды этой саги, т. е. их можно читать независимо друг от друга, — и независимо от первоисточника, так как развитие и мотивировки событий удачно объясняются внутренней логикой самого комикса и не нуждаются в дополнительных пояснениях с привлечением других текстов. Жанр комиксов требует скорее не литературоведческого, а искусствоведческого анализа, так что я ограничусь лишь упоминанием этого своеобразного изложения знаменитой саги, а также замечанием, что в данном случае «перевод» древнего текста на язык изобразительного искусства удался как нельзя лучше.

Продолжение следует...

22 О восприятии этого пересказа детьми разных возрастов и его использовании в системе образования см.: Brynhildur Þórarinsdóttir. «Dóu afinn og amman?» Viðtökur grunnskólakabarna við Njálu // Skíma. Málgagn móðurmálskennara. 2003. No 26 (2). Bls. 27–33.

23 Brynhildur Þórarinsdóttir. Eglá. Reykjavík, 2004. Bls. 9. 23 Ibid. Bls. 53.

24 Ibid. Bls. 53

Скандинавское балладное наследие: фарерский эксклюзив и тайна баллады F33

Евген ПАПАКУЛЬ

Балладное наследие Северных стран отличается невероятным богатством: это более тысячи уникальных сюжетов и многие тысячи текстов всех версий и вариантов. И когда я начал работу над вторым томом баллад в переводе на белорусский язык, возник естественный вопрос: «А что же именно выбрать из такого огромного разнообразия текстов?» В итоге, в противовес первому тому «Каханне. Смерць. Пачвары» с его мрачной атмосферой, продолжение серии объединит под одной обложкой шуточные баллады Скандинавии. Юмор в наши не самые весёлые времена лишним точно не будет!

Изучив множество архивов и балладных сборников на всех скандинавских языках, я выбрал 25 наиболее ярких сюжетов, которые и войдут в книгу. И, как всегда, не обошлось без небольших открытий, которыми мне хотелось бы эксклюзивно поделиться с читателями журнала «Северный ветер».¹

Первое открытие — это фарерская баллада «Gátu ríma» («Баллада-загадка»), напечатанная в середине XIX века. Великолепная вещь во всех отношениях. Прежде всего, это одна из немногих скандинавских мифологических баллад, где главным героем является Один (Отец Богов также фигурирует в фарерской балладе «Прядь о Локи». Правда, в ней Один лишь упоминается, а по-настоящему главный герой там Локи). А во вторых, Gátu ríma — замечательный пример того, как отдельные сюжеты известных саг спустя столетия стали органичной частью фольклора, дав начало балладам. Например, нечто подобное произошло и с эддической «Песней о Трюме», которая в Дании превратилась в «Тора из Хавсгорда».

Только на этот раз в основу баллады легли «Загадки Гестумблинди (Хейдрекса)» из знаменитой «Саги о Хервёре и Хейдрексе». Всего же различные эпизоды этой саги нашли воплощение ещё как минимум в трёх фарерских балладах, но это уже немного другая история.

Что касается непосредственно Gátu ríma, то она сохранилась фрагментарно и в очень сокращённом варианте. Из тридцати загадок, которые Одину пришлось рассказать Хейдрику (да, в балладе он именно ХейдриК), упоминаются только восемь, так что, вероятно, полная версия текста должна была составлять не менее 80 строф вместо нынешних 27. Но! Ни одна из восьми загадок баллады не повторяет загадки саги. Поэтому мы имеем дело со своеобразным произведением-конструктором: берём начало, где немного рассказываем о печальном Гестумблинде и Одине, который решает помочь, а также о встрече аса с Хейдрексом-Хейдриком. При этом у нас есть концовка, где конунг догадывается, что перед ним Один, и вскоре умирает. И посреди всего этого мы вставляем любые известные нам загадки. Я уверен, что вариантов баллады существовало множество, а упоминание конунга и Одина — либо дань традиции,

¹ Историю выхода сборника мы рассказывали в 45 номере «Северного ветра». Там же можно познакомиться с одним из его отрывков.

либо способ привлечения внимания. Либо и то, и то одновременно. В любом случае, произведение чрезвычайно интересное. К примеру, вот одна из загадок из баллады:

«Конунга Хэйдрыку, мне адкажы,
што за суседзі такія:
побач жывуць, ды адно аднаму
будуць заўсёды чужыя?»²

Стоит отметить, что фарерцы активнее других скандинавов использовали наследие «Эдд» и саг. К примеру, в фарерской традиции есть даже балладный вариант «Саги о Греттире». Но об этом поговорим в другой раз.

Ну а сейчас несколько слов о балладе F33 (по классификации скандинавских народных баллад).

Баллада считается шутовой, поскольку в ней муж выполняет всю работу по хозяйству, а за это ещё и терпит от жены побои. С точки зрения современности — это просто комбо показателей семейного насилия: абьюз, неуважение и издевательства... В целом весёлого в произведении мало, и я бы вообще не взялся переводить эту балладу, если бы не одно весомое «но».

В 1893 году фарерский филолог Якоб Якобсен прибыл на Шетландские острова, чтобы записать хотя бы что-нибудь на языке норн, что ещё каким-то чудом могло сохраниться. И ему посчастливилось записать на Фуле несколько отдельных выражений и, что нас больше всего интересует, вот этот катрен:

2 «Конунг Хейдрик, мне ответь, /// что за соседи такие:
/// рядом живут, но друг другу /// будут всегда чужими?»
(Ответ: мысли собеседников).

*I have malt mældra min
I have sūpæt ūsæn
endā sēvā de sādā lin
and dēnā komēnā lūsa.*

(Примерно:

*Я намолот муки на утро,
я подмёл,
пока жена спала,
хотя солнце уже взошло.)*

И так это четверостишие и лежало бы себе просто записанным, пока норвежский фольклорист Кнут Листель в 1936 году не высказал предположение, что это отрывок из баллады. И не просто из какой-то баллады, а именно из той самой про токсичные семейные отношения. И даже ясно, из какой именно части баллады этот отрывок!

Далее господин Кнут пытался доказать, что из этой же баллады и ещё один отрывок на норн (там кто-то ругается на кого-то с чёрной головой):

*Idla járða swarta tap
skala ferte hǫnga.*

Но убедительных доказательств нет, поэтому данное предложение может быть откуда угодно.

Так вот. Я человек простой: вижу текст на норн — перевожу. Но перевести просто одну строфу, вырванную из контекста, — достижение весьма сомнительное. Ведь задача переводчика, в первую очередь, — донести до читателей текст, передать полное сообщение от условного автора.

Именно поэтому я просмотрел скандинавские эквиваленты на других языках, в результате чего выбирал между датской балладой «Den huslige bondemand» и исландским Hjóna kvæði. В конце концов я остановился на последнем варианте, так как в нём как будто намеренно не хватало именно той информации, которая есть в норнском отрывке. Поэтому получилось очень органично добавить отрывок в исландский текст. Чтобы показать читателю место этого дополнения в тексте, отрывок выделен жирным курсивом. Конечно же, в сборнике будет отдельно указано, что данный перевод сделан с исландского и норн.

В целом на белоруском языке, пусть и в составе другого произведения, это уже третий художественный перевод с языка норн (после баллады «Хильдина» и загадки про корову). Ну а работа над вторым балладным томом, который будет называться «Каханне. Смех. Круцельства» («Любовь. Смех. Плутовство») кипит!

Пра жонку й мужа

(перевод с исландского и норн)

Уранку певень загарлаў,
і жонка пхнула мужа,
каб той ішоў муку малоць —
мужык падскочыў тут жа.
Дык вось чаму ён мала спіць.

Змалоў ён зерня цэлы мех
і ў свірне папрыбраўся,
затым у печы запаліць
у хату паспяшаўся.

Калі вагонь як мае быць
у печы разгарэўся,
мужык узяў верацяно
ды звыкла прасці ўсеўся.

Калі нарэшце ён дапраў
кудзелі мех вялізны —
адразу ж з дому пацягнуў
на рэчку пук бялізны.

Калі адзежу ўсю намыў
і выкруціў дасуха —
дамому з трантамі ў руках
панёсся што ёсць духу.

Паўсюль у хаце пыл працёр,
падмёў як след падлогу,
а тут світанак надышоў —
і стала днець патроху.

**«Мукі я, жонка, намалоў,
падмёў падлогу ў хаце,
а ты ўсё спіш сабе ды спіш,
хоць час ужо ўставаці.»³**

Прачніся, Інгігерд, зірні,
як слаўна я прыбраўся:
па гападарцы, бы пчала,
без спыну завіхаўся».

«Чаго равеш, нібы дурны?
А каб цябе халера!
Вось зараз падымуся я —
і пільна ўсё праверу.

А то завёў ізноў сваю
заўсёднюю катрынку.

Глядзі — крыў божа, я знайду
хаця б адну пылінку!»

Ні парушынкi не знайшла,
хоць і шукала доўга,
ды мужа жонка ўсё адно
пачаставала поўхай.

Затым залезла на палок —
ля печы муж застаўся,
на зэдлік, уздыхнуўшы, сеў
і масла біць узяўся.

Мужык нядоўга шчыраваў,
і з маслабойкі хутка
кавалак масла ён дастаў,
бы сонейка, жаўцюткі.

Але калі мужык па соль
па звычцы пацягнуўся —
знянацку попельнік наўпрост
у масла развярнуўся.

Тут жонка скочыла з палка
ды тупнула нагою —
затым за мужам пачала
ганяцца з чапялюю.

Ад гневу жончынага муж
нідзе не мог схавацца,
а тая стала нема выць
ды посудам шпурляцца.

«Ах ты кірапла, ах ты гад,
мярзотнік, гіцаль кляты!
Ці чуеш, як у дзенніку
пішчаць мае курчаты?!

Дык вось, брыда, ад сёння ты
датуль не будзеш есці,
пакуль курчаты, як адзін,
не стануць яйкі несці!»

Мужык тады на двор пабег
шукаць тых дзіўных яек —
адно суседзяў насмяшыў
і стаў героем баек.
Дык вось чаму ён мала спіць.

3 Четверостишие переведено с языка норн.

Редактор (не) против текста: нюансы работы с переводами скандинавской литературы

Мargarita
ПАПАКУЛЬ¹

МОЙ редакторский путь начался ещё в начальной школе. Одноклассницы вместе сочинили стихотворение к восьмому марта и с радостью показали мне листочек с текстом. Что-то про День матери и «подарки дарят только нам». Что ж, я проанализировала текст, указав на разного рода неточности — и предложив исправления.¹

Как вы понимаете, в школе друзей у меня было немного.

Однако навыки редактирования пригодились позже. И тогда, когда мне пришлось работать со студенческими произведениями, и во время работы в литературном журнале. И сейчас, когда я работаю над игровыми сценариями. И, конечно, когда помогаю Евгению с переводами.

Помню, в некоторых интервью, когда заходила речь о совместной работе нас как супружеской пары, собеседник очень удивлялся. То есть как это — вы живёте вместе, работаете из дома, а ещё и редактируете друг друга... Как же вы не устали друг от друга, не рассорились?!

Ну вот так. Не ссоримся и не устаём.

Думаю, именно потому, что у нас обоим одинаковое понимание того, что такое редакция и зачем она нужна. Собственно, в этой небольшой статье я хочу поделиться именно этим пониманием.

Если рассматривать редактирование как сотрудничество на благо автора и текста, ради общего интереса, то никаких ссор просто быть не может. Потому что и редактор, и автор понимают, что любые вопросы, любые комментарии, возникающие на этом этапе, необходимы.

Ведь автор доверяет редактору — и наоборот.

Евген любит вспоминать, как иногда, переводя что-то со староисландского, он думает про себя: — Вот это я молодец, до чего же я всё это блестяще перевел!

А потом прихожу я... и честно говорю, что где-то в блестящем переводе я споткнулась, что-то не поняла или вообще не считаю использованные слова оптимальными в данном конкретном контексте. И Евген слушает — потому что доверяет мне как своему редактору.

Естественно, во время работы редактор должен задавать уточняющие вопросы и делать комментарии уважительно. Как по отношению к переводчику, так и по отношению к тексту. Ведь без уважения к человеку и его труду, к произведениям, кажется, невозможна успешная редакционная работа. И вообще работа.

¹ Интервью с Маргаритой Папакуль, белоруской писательницей- фольклористкой, можно прочитать в 44 номере «Северного ветра». Интервью с Евгением Папакулем, белорусским филологом-скандинавистом, можно найти в 41 номере «Северного ветра».

Как, кстати, невозможно плодотворно редактировать произведения из комплекса эддических текстов или средневековых баллад, не имея хотя бы минимального представления об эпохе и литературе. О контексте. Здесь редактору не просто надо быть на связи и на одной волне с переводчиком — здесь ему нужно учиться у переводчика, с головой погруженного в контекст. А редактору с переводчиком вдвоём приходится учиться у оригинального текста.

Ведь многие дискуссии при подготовке рукописей переводных книг заканчивались фразой Евгена:

— Пу-пу-пу... Надо тут оригинал проверить!

Это всегда помогает определиться, например, какой именно глагол выбрать из предложенных, какой вообще смысл придать предложению и стоит ли делать правку, которая обсуждается.

Но можно ли вообще редактировать переводы древней литературы, не зная языка исходника? Думаю, да: наш опыт показывает, что это можно делать вполне успешно. Условно говоря, в паре «переводчик-редактор» за связь с оригиналом отвечает именно первый. Редактору, в свою очередь, важно проследить, чтобы сообщение оригинала было максимально точно и художественно передано на язык перевода. Ключевое слово «художественно»: текст должен соответствовать литературным нормам языка перевода и адекватно восприниматься носителями этого языка. Это касается, например, синтаксиса, структуры фразы. Синтаксические конструкции в разных языках, естественно, разные, как и нормы пунктуации. Поэтому, передавая древний исландский текст средствами современного белорусского, стоит это учитывать. И уточнить синтаксис, довести до «более привычно» структуры фразу, и даже — о боги! — для ясности и выразительности добавить тире-другое.

Как видите, оригинальный текст накладывает равную ответственность на переводчика и его редактора, это ТЗ, от которого нельзя отклоняться (если, конечно, вы не хотите преобразовать текст по-своему; но тогда это уже не перевод).

Но я солгу, если скажу, что редактирование текста — серьёзная работа. Точнее, работа-то серьёзная, но шутки и юмор никто не отменял. Ничто так не разрушает мотивацию, ничто не подрезает крылья вдохновению, как бремя излишнего официоза и мрачности. В конце концов, даже Отец Богов любил пошутить — и кто мы такие, чтобы говорить, что он не прав?

И именно поэтому, оставляя комментарий в файле Word, я обычно добавляю туда шутку-другую. Добавляю похвалу относительно отдельных фраз, литературных образов или удачных слов (Евген очень тонко чувствует нужный стиль и похвалы, разумеется, заслуживает). И, конечно, добрасываю сверху шутки про персонажей или ситуации (ведь даже самые серьёзные герои или боги иногда ведут себя смешно, будем честны).

Подводя итог, скажу так: хорошая редактура основана на доверии, уважении и знании. И, прежде всего, на любви к тому, что делаешь. В нашем с Евгеном случае — ещё и на любви к человеку, с которым работаешь.

Каханне — смерть пачвары.

Любовь — это смерть монстров (вроде обиды, гордости и гнева).

Как становятся

Так летит монета и падает
Во второй уж раз на ребро,
Так решают: не надо — надо ли,
А идут — куда понесло,

В мире, в хитрый узел завязанном,
Так обман священный плетут,
Неподвластны чьим-то приказам,
Так бывают и там и тут,

Так в ушко проходят игольное
И врагов видали в гробу,
Слово-искра — точно двуствольное,
Так играют с миром, судьбу

Насмешив нелепыми танцами...
Так становятся — локианцами.

L

И ушел он — петляя, украдкой,
звякнув связкой ключей.
Это вы на него, люди, падки. А так он ничей.
И на месте сидит он так редко, что его ты не жди.

Его страшная ядова клетка ждет еще впереди.

А он сам — из огня и уловок; тоже щурит глаза.
Он хитер, изворотлив и ловок, как плетется лоза.

Где другие и с места не слезли —
там он мчит во всю прыть.
А заглянешь к нему в гости если —
есть всегда прикурить.

Вы построили сказку из ветра
И немного огня.
Для кого-то подходит и это,
Но не для меня.
Там, где ветер оттачивал камень,
Вдаль откроется вид.
Только это уже между нами.
Камень тайну хранит.

Рыжий сон

Там, где смолчит одна и другая,
Там, где метели выются без края,
Там, где и третья не говорит,
Хижина есть, невзрачна на вид.

Там, за горами, горят огни.
Ночью сюда не ходят одни.
Даже владыка в синем плаще —
Рядом никто не ходит вообще.

И в доме этом, там, на окне,
Свечка напомнит вам об огне.
Рыжий, несносный в этом дому
Спит по ночам. И цел потому —

Еще не время... Камня стена
Нам сохранила ткань его сна.
Я захожу неслышно — чуть шум —
Это твой сон. Тебя в нем спрошу.

Рыжий, куда мне? — Есть два пути.
Можно из них по любому идти.
Первый — путь Тейваз: меч, кровь и пот.
Можно же сделать все наоборот.

Есть и путь Лагуз — льется вода,
Себе пути отыщет всегда.
В хитрости честность есть тоже своя:
Так изливается жизнь из ручья.

Рыжий, послушай! Не подошел
Мне первый путь. Что сделать еще?
А по второму как течь, как идти?
Он, улыбаясь, ответил — лети.

Авторы, ученики Школы руники Александры Цехан:
 Нурия Назарец, Александра Седельникова, Наталья Шилина, Cat Vad
 Редактура: Александра Цехан

Драпа о норнах

Дисы древа дышат
 Дымом треска трели
 Трое вещей трижды
 Стропы свежи свеют.
 Мне позвольте ныне
 Норн увидеть волю.

Лить росу нетленно
 Лёсам солнца — сущность
 Дев, творящих веды.
 Вэлит древа трепет.
 Мне позвольте ныне
 Норн увидеть волю.

Знаний древа злато
 Славной дщери дверга
 Строго пряжи сёстры
 Стражат, присно правя.
 Мне позвольте ныне
 Норн увидеть волю.

Урд я мёд дарую,
 Рун то Мордгуд мисы,
 Прошлым ведать право
 Пряхи вех извечных,
 Мне позволь отныне
 Норн увидеть волю.

Дар прими, Верданди,
 Тайн то Мист мониста,
 Пряха нитей прочных
 Правишь ныне нужды,
 Мне позволь отныне
 Норн увидеть волю.

Скульд за правду сказа
 Скатерть праздно справлю,
 Пряха нитей прочных
 Правишь предстоящим,
 Мне позволь отныне
 Норн увидеть волю.

Ниток славных Нанн тех
 Нынче словом славлю!
 Пряхи вечных правил
 Правду вещут верно.
 Мне позвольте ныне
 Норн увидеть волю.

Примечания авторов:

Нанны ниток — норны
 Дисы древа — норны
 Треск трели — звук голоса
 Дышат дымом — слышат
 Стропы — нити жизни
 Свеют — сдунут, то есть скажут
 Лить росу нетленно — поливать вечно
 Лёсы (от слова леска, леса) солнца — корни
 мирового дерева, солнце как символ центра
 системы, как и дерево Иггдрасиль
 Сущность дев — задача норн
 Вэлит древа трепет — вроде как норны
 слышат дерево и поливают его.

Авторы, ученики Школы руники Александры Цехан:
Наталья Шилина, Нурия Назарец, Янина Бец, Александра Седельникова, Cat Vad
Редактура: Александра Цехан

Драпа о Торе

Сила грома Аса
Сеет грохот в грунты.
Груды давит грубо
Груди дамбы дали.
Плоть от Фьёргюн плоти,
Плод ФьельниИра велий.
Буйства гнева бурю
Браво Вингнир гонит.

Очи искры мечут,
Мачтой силы сажень.
Громогласный грохот —
Грозной глыбы гул тот.
Брови древним бором.
Бравый в драке дробит
Силой лука сильно
Сиф тот любый ливень.

Ветвь рябины вьётся
Вимур быстрым быти.
В русле течи резвой
Руку тянет Тяжкий.
Сталью Красной стала
Станом крепче кремня.
Воин Тор тот Велий
Выше толщи топи.

Волны резал вольно
Воздух треском трелил.
Аспид недруг асу
Садит нервов немощь.
Молот -гудок, меток
Мьельнир губит гада.
Спас «Владыка Асов»
Власти главный кладезь.

Примечания авторов:

Груда — большая куча

Дамба — насыпь для предотвращения затопления.

Дамба дали — скала или валун, форму которой принимает великан.

Грудь — сердце великана. То есть Громовержец молнией или молотом убивает великанов.

Громогласный грохот — голос Тора/звук его приближения

Грозной глыбы гул — сравним с чем-то громадным и грозным

Аспид — ядовитая змея

Садит нервов немощь — выделяет/плюется ядом

Спас «Владыка Асов»- Спас Тор.

Власти главный кладь — Одержал победу. Груз власти — одерживать победу сохраняя право на власть.

Тяжкий (тяжелый)- Тор. Миф о Торе и рябине.

Контакты:

https://vk.com/tomsk_runika

https://t.me/runic_school

Шамир АЛКАМЯН

Песнь о Харбардах двух

Часть вторая, заключительная

Один поднял
маску с земли:
«Кто же ты, Харбард?
Всего лишь один
у маски хозяин,
всего лишь одна
у хозяина маска,
если не создал
по желанью вторую
иль по велению,
приказу чьему-то.
Знаю его я,
к нему надо явиться.
Он-то мне скажет,
был ли он в маске,
иль кто другой
под нею скрывался,
своею ли волей
он отдал её,
иль угрозами отняли».

* * *

Страдают боги,
но дети сильнее,
дети их — смертные,
дети их — люди.
Стынут и мёрзнут
от холода люди,
плачут и гибнут
от голода дети,
дети людские
и те, кто их старше, —
старики и старухи.
За кражу волос
платят вместо преступника:
поля опустевшие,
как у Сиф голова:
ни зерна единого,
лишь сплошная стерня
вместо нивы золота.

* * *

Андвари зовут
создавшего маску,
карлик живёт
под землёй
в Свартальвхейме.
Один явился
в палаты подземные,
встретиться с двергом
желает создатель.
Андвари узнал,

кто к ним пришёл,
копья Гунгнира стук
был распознан
без промедленья.

Андвари сказал:
«Забрать маску явился?
Что ж, у меня её нет,
опоздал, Всеотец,
явился ты поздно,
вместо тебя
другой её отнял».

Один ответил:
«Кто приходил,
кто тебя потревожил,
от работы отвлёк,
приложил к шее клинок,
чьи угрозы
слышал твой слух,
чей же облик
видел твой взгляд,
кому отвечал
языком ты словами,
кому ты отдал
из рук в руки маску,
кто этот вор,
какому преступнику
передал ты её,
кто в ней теперь ходит,
ответь же, ты, жалкий?»

Андвари ответил:
«Локи зовут,
кто ко мне приходил,
кто меня потревожил,
от работы отвлёк,
угрожал мне расправой,
приложив к шее клинок,
если не дам ему,
маску, что создал,
обличья сменяющую».

Один сказал:
«Вот она, маска,
та, что ты создал».

Андвари сказал:
«Верни же мне то,
что по праву моё,
что Локи бесчестно
отнял у меня».

Один ответил:
«Что раз потерял,
потеряешь ты вновь.
Пригодится и мне
может магия эта,
облик сменяющая.
Кто знает его,
что ещё он удумал?
Пока мы с тобой
разговоры ведём,
претворяет в дела,
о чём он помыслил.
На что же ещё,
Локи способен,
это известно
одному лишь ему,
непредсказуемым
стал после смерти
крови родной.
А может, и был,
вот только проснулся
после трагедии.
Пора мне идти,
заждался Асгард,
боги и люди
Всеотца своего».

Андвари спросил:
«Что же потом
с маской ты сделаешь?»

Один ответил:
«Судьба ей другая,
не лежать и пылиться
в кузне твоей –
вершить судьбы других,
под руку попавшись».

* * *

Явился в Асгард
правитель его,
увидел он Хеймдала,
на ступенях сидящего:
«Чьё-то присутствие
передо мной,
слышу я шорохи,
слышу шаги
и стук чего-то
о Биврёста твердь».

Один сказал:
«Хеймдал, что стало

с глазами твоими,
коль не видишь меня ты?
Что стало со слухом,
коль ты не понял,
чем стук совершён был?»

Хеймдал ответил:
«Один-правитель
явился с копьём,
чудо, что ты
держат можешь Гунгнир:
Идунн похитили
вместе с корзинкой,
яблоки мы
из сада её
давно уж не видели,
зреньё и слух
подводить меня стали.
Тор постарел,
и слаб он стал тоже,
Мьельнир, свой молот,
поднять он не в силах,
козлов он запрячь
тоже не может.
Фригг рыдает
золотыми слезами,
в отраженье она
видит старуху,
ушла от неё
её красота».

Один спросил:
«Кто это сделал?»

Хеймдал ответил:
«Огромный орёл».

Один продолжил:
«Где Локи?
Жив ли сын ётунов?»

Хеймдал ответил:
«Вернулся с земель тех
живым-невредимым».

Один сказал:
«Локи немедля ко мне».

* * *

Наказав надеть пояс
и рукавицы,
силу дающие,
Один отдал
Тору копьё
и сказал сесть
на престол свой

Хлидскьяльв,
сам же надел он
маску Андвари
да превратился
в смертного Сигурда.
Вскоре явился,
как ни в чём не бывало,
мстительный Локи.
Увидел он Одина,
на престоле сидящего:
старцем он был,
да без Идунн яблоч
состарился больше.

*Подошёл к нему Локи,
вытащив нож:*
«За предков моих
и за всех родичей,
что Тор положил,
поплатитесь жизнями
не только лишь смертными.
Положу весь ваш род —
Асгард без асгардцев.
Каждого Аса и каждого Вана,
каждого Альва
и тех, кто вам создал
орудия смерти, —
жалких червей
по имени Дверги».

Замах он сделал,
но Тор его схватил
да кисть с кинжалом сжал.
Увидел Локи
в железной рукавице
того руку,
поняв, что это западня,
но было уже поздно:
навстречу им
из-за престола
вышел Сигурд,
то Один настоящий был.
Одним ударом
сшиб он Локи с ног.

Всё в жизни нашей
переменчиво бывает:
в тот раз коварство
силу победило,
иной раз
сила хитрость.
Взяв в руки
копьё Гунгнир,
направил он его
на Локи-хитреца,
тот сдался вмиг,

поняв, что перед ним
не Сигурд вовсе —
сам Один в маске,
раскрыв всю правду,
о том, кто Идунн прячет.

Сняв маску,
обличье сменяющую,
сказал он подлетевшим
воронам своим:
«Маску вы эту возьмите,
да унесите подальше,
летите на Гнитахейд-поле,
там вы пещеру найдите,
в ней восседает Фафнир:
лежит свирепый змей
и нежится на злате.
Оставьте маску там,
судьба ей под руку попасться
убийце Фафнира,
что Сигурдом зовётся.
В свой час,
час роковой,
погибнет он,
чтобы сразиться тоже
в битве крупнее всех прочих,
в битве под названьем
Рагнарёк».

А Один магией забвенья
осыпал Локи,
и тот забыл,
о том, что ётунов дитя...
Идунн спасли,
в честь этого Один,
праздник устроил,
наказал он двергам,
чтобы те смастерили
дары для богов,
а Локи, как шут,
танцевал перед ними,
поднося им подарки:
волосы — Сиф,
корабль Скидбладнир
для Фрейра,
ему же и вепря,
а Одину Локи
кольцо преподнёс,
Драупниром зовётся.
Поглядев в глаза Локи,
простые и добрые,
Один подумал:

«Что же ты можешь
ещё нам устроить,
на что ты способен?»

Автор: Дагульф ЛОФТСОН (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)

Став Локи

1. Слушай речи того, кто скрывает,
того, кто ярко пылает:
я смотрел, как растет человек,
с той далекой поры, как он овладел моей силой.
2. Бояться меня нет причин: я ведь уже в тебе.
я говорю с тобой из глубин твоего ума,
я взываю к тебе из сердца твоих потаенных
желаний,
я сплю в токе крови твоей.
3. Голос мой — в треске поленьев
и в смехе невинных,
и в шипенье змеи.
4. Я — блистающий спутник грома,
мой удар — вдохновенье.
Я — искра врожденного дара, что ведет человека
к величию;
кто отвергнет меня, тот уходит во тьму,
где блуждают невежды.
5. Я — жар наслажденья, сжигающий всё:
смотри, как алеет плоть от моих объятий!
Я недаром когда-то окрасил вас цветом богов:
не забудьте, вы — боги.
6. Я обостряю все чувства; я разум гоню к забвению —
к первозданному хаосу, в бездну святого безумья.
Любить меня — значит, гореть на священном
костре:
я выжгу из вас всю пустую породу,
чтобы вы возродились.
7. Я — стервятник, срывающий клочья
прогнившего мяса,
очищающий кости до блеска.
Я — темный брат, излучающий свет.
Я — премудрый дурак: зная все, ни во что
я не верю.
8. Я — Сириус,
я восхожу по мосту меж землею и небом,
я — знамение жизни и знамение смерти;
я — та полоса меж границ, над которой
не властен никто;
я — паук посреди паутины,
плетущий судьбу свою сам,
я — хозяин себе.

9. Я — таран, разносящий ворота в щепу:
все границы — лишь мнимость.
Я рушу миры, чтобы вновь доказать:
ничему нет конца.
Если истины нет, то откуда возьмется обман?

10. Я — отец тех, кто сломлен,
я — мать чудовищ.
Я их утешаю теплом
и мщу за них жаром огня:
я знаю, что значит страдать.
11. Я — первозданный змей,
что извивается в бездне.
Победивший меня получает проклятый клад —
злато дракона, оно же — пламя познания.
12. Я — отец колдунов и ведьм,
мастер лепки обличий:
брось в мой кузнечный горн черновой металл —
я верну тебе драгоценность.
13. Если из этих речей ты ничего не понял,
запомни хотя бы одно
(и это — великая тайна):
познать меня значит познать самого себя,
а познать самого себя значит познать
мою радость.

Автор: Галина Красскова (с)
Перевод: Анна Блейз (с)

Локи, бог летнего зноя...

Локи, бог летнего зноя,
Душных дней, сладострастных ночей,
Наливающий тело огнем,
Разжигающий в сердце страсть,
Согревающий душу,
Приносящий и радость желанья, и тысячи прочих
волшебных даров!
Ты, чья улыбка сияет, как пламя несметных пыла-
ющих звезд,
Локи, Звездный Пожар и Странник небесных путей,
Очарованный вечной людской суетой,
Неустанный в заботе о тех, кого ты возлюбил!
Сейчас и вовеки,
Ныне и каждый день, во все грядущие дни
Славься, о Локи!

Автор: Галина КРАССКОВА (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)

Десять имен Локи

Хвала тебе, *Лодур*, вливающий жар в наши души,
питающий кровью наш дух!
Хвала тебе, *Гибель Лжецов*, исторгающий
горькую правду, истребляющий все наважденья!
Хвала тебе, *Ве*, господин огражденного храма,
священный огонь очищенья, плодящий
чудовищ — избавителей мира от скверны!
Хвала тебе *Лофт*, безустальный Странник,
сходящий с небес как нежданный удар
откровенья!
Хвала тебе, *Гамлейд*, поглощающий тело на ложе
победы, погребальный костер, возвращающий
душу домой!
Хвала тебе, *Инбунди-Ас*, заточенный на дне
мироздания, истекающий ядом, томящийся в
крепких оковах!
Хвала тебе *Инслегу-Ас*, похищающий все, что
захочет, возвращающий то, что похитил,
горящий огнем вдохновенья, хитроумный и
вольный, свободный от всяких оков!
Хвала тебе, *Хведрунг*, Ревун, разрушитель миров,
выпускающий нас на свободу!
Хвала тебе, *Лэвалунд*, древний Паук на Древе
Обманов, плетущий свою паутину, тянущий нас
за нити, чтобы мы танцевали на славу!
Хвала тебе, *Вер Сигюньяр*, Муж Сигюн, огонь,
принимающий жертвы, защитник всех малых и
слабых!
О, пламенный жар очага,
О, шрамоустая гордость,
О, неотвратимая сеть,
О, вечно свободный пленник,
О, искатель высот,
О, ужас последнего края,
О, сокровище Сигюн,
О, Имира рок,
О, беспощадная гибель,
О, слепящий свет возрожденья!
Хвала тебе, Локи: ныне и впредь, вовеки!

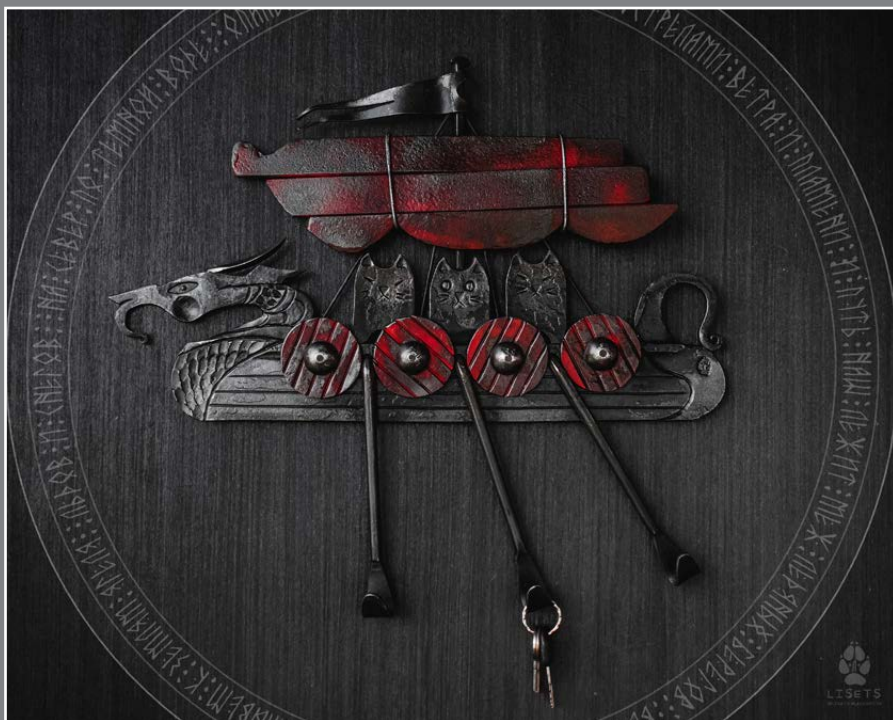
Артур Рэксхем, «Логге»,
иллюстрация к опере
Р. Вагнера «Золото Рейна»

Заказать книги можно здесь:

и здесь:

Драккар с котиками из металла

Драккар с котиками из металла и в виде вешалки — моя давнишняя идея, которую теперь же воплотила в новом виде.

Этот вариант более объёмный, с экспериментальным добавлением яркого цвета к матовой серости металла, что мне кажется интересным вариантом финишного покрытия.

Саму «лодку» на сей раз я вырезала из уголка, расковав хвост. Парус тоже отличается — нашла в уголке несбывшихся надежд какую-то древнюю заготовку из полос, сделанную другим мастером много лет назад, и, немного оформив её, получила как бы складки ткани.

Котики остались практически теми же, как и на предыдущих драккарах, только уши сделаны при помощи большого сверла. А щиты на этот раз крепятся через фальшзаклёпки к основанию.

В целом, создавая вешалку «Драккар с котиками», мне хотелось передать атмосферу сурового севера и былых времён, но в то же время с некоторым оттенком уюта и умиления, которое вызывают домашние кошки. Считаю, что вешалка способна украсить интерьер и привнести настроения.

Кузнец-художник ЛИСЕЦЬ ©

Страничка художника:
<https://vk.com/lisets>

Художник: Kate Vigdis ©

Страничка художника:
https://vk.com/kate_vigdis_art

АРТ

Художник: Lotur Norn ©

Страничка художника:
https://vk.com/norna_severnaya